

ISSN 2079-9160

Российская
ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
◆
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
◆
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1(10)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)

Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кароол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 1(10)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2014

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
BRANCH OF HISTORY

RUSSIAN
TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)

G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik),
E.A. Grunina (Moscow), S.G. Klyashtorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), Zh.S. Syzdykova (Moscow), E.A. Oganova (Moscow),
N.N. Telitsyn (St. Petersburg), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevesk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 1(10)

MOSCOW-KAZAN 2014

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА**О ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ В СТИХАХ «КУТАДГУ БИЛИГ»
ЮСУФА БАЛАСАГУНИ В СРАВНЕНИИ СО СТИХАМИ
В «ДИВАНЕ» КАШГАРИ (Статья первая)****И.В. Кормушин, г. Москва*

Резюме. В статье рассматриваются примененные Юсуфом Баласагуни новаторские приёмы использования морфолого-синтаксического механизма тюркской речи (полифункциональность глагольных словоизменительных форм), что придавало поэтическим фразам, построенным с их участием, гибкость, живость и необходимую для стихов слоговую экономность.

Ключевые слова: морфология глагола, глагольные имена, полифункциональность, поэтический язык.

Стремление доказать выразительные возможности родного тюркского языка, как не уступающие особенностям персидского языка в области поэзии, побудили Юсуфа Баласагуни создать свое произведение в сравнимом с великими персидскими поэмами IX–XI вв. жанре и стихотворной организации. Он отказался от народного силлабического метра «пармак хисабы» и вступил на путь адаптации тюркских стихотворных фраз особой силлабо-метрической системе – арузу, который базируется на чередовании долгих и кратких слогов. Арабы и персы уже давно отработали жанр, наиболее подходящий для поэмы серьезного, философско-дидактического или легендарно-героического содержания, – месневи.

Строфическая структура месневи – это сдвоенные строки, или бейты, рифмующиеся между собой. Строки-полустипия, или мысра, довольно длинные, в каждом по 11 слогов. Рифма следующего бейта не связана с предыдущим или последующим, рифмование идет по схеме: а-а, б-б, в-в и т.д., что дает почти неограниченную свободу стихотворцу. Также и длинная строка в 11 слогов (обычно, 5 слов) в сравнении с 7-сложной строкой народного метра (обычно, 3 слова) предоставляет поэту больше выразительных возможностей; см.: [Стеблева 2012].

И все же, думается, Баласагуни никогда бы не достиг поставленной цели, если бы в дополнение к метрическим возможностям месневи он не «взнуздал» неторопливый морфолого-синтаксический механизм тюркской речи.

Во-первых, он принял за правило нарушать фиксированный порядок слов тюркского предложения с тем, чтобы избежать банальных рифм личновременных окончаний конечного глагола, и выводил в рифмующуюся позицию совершенно разные фонетически и семантико-синтаксически слова.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00442.

Во-вторых, поэт значительно расширил функционально-семантическую нагрузку глагольных форм, практически универсализировав применение многих из них. В данной статье мы кратко остановимся на этой стороне новаторского языка «Кутадгу билиг».

В общем виде новизна этих приемов состояла в использовании исконно существующего тюркской грамматической системе полифункциональности глагольных словоизменительных форм, когда каждая такая форма – *-miş*, *-gan*, *-ır/-maz*, *-daçı*, *-gu*, *-guçı*, *-gü* и др. – в принципе может функционировать не только предикативно и атрибутивно, т.е. как финитная форма глагола и причастие (что для многих из них обычно), но также субстантивно. В последнем случае надо иметь в виду, что в субстантивных формах глагола могут сосуществовать, а могут получить и дифференциацию две семантические сущности: глагольное имя, сохраняющее процессность обозначаемого действия, и отглагольное имя, в котором эта процессность минимизируется и действие предстает как результат или как единовременный акт. (Заметим, теоретическая грамматика тюркских языков не всегда достаточно четко различает это явление). Русские примеры *бег* и *бегание*, *рассказ* и *рассказывание* в морфологически разных образованиях (что возможно далеко не от всех глаголов) демонстрируют это семантическое различие, которое морфологически одна и та же тюркская форма способна почти с равным успехом передавать во фразе. Возможность распознавания этих сущностей (и узнавания их, и, следовательно, правильный смысловой перевод таких фраз) предоставляет контекст.

Например, *munu bilmişimni aju berdim oş* (КБ 3679) ‘вот, я рассказал тебе, что знал про это’. – Однако, русский буквальный перевод прошедшим временем ‘знал’ уводит заложенный во фразе оттенок процессности в сторону результативности. Тут более соответствует указанным семантическим нюансам русское наст. вр. ‘знаю’, чем и воспользовался такой чуткий грамматист и блестящий переводчик «Кутадгу билиг», как С.Н. Иванов: «Вот, всё я сказал, что я знаю об этом» [Иванов 1983: 283].

В некоторых контекстах процессность глагольного имени на *-miş* выступает гораздо более явно: *Ay Toldi oğli Ögdülmişkä ötlämişin ajur berdim oş* (КБ 1277|1278) ‘Глава 23 повествует о том, какие наставления давал Ай-Толды своему сыну Огдюльмишу’ (ср. перевод в [ДТС 392], где ошибочно опущен субъект фразы); в нашем переводе процессность действия подчеркивается семантикой разнообразия (через слово *какие*) во мн.ч. неотделимого объекта глагола – «давать советы, наставления (разные)».

Когда употребление формы глагольного имени *-miş* в функции объекта главного предиката полипредикативной конструкции объясняют как субстантивацию адъектива-причастия за счет эллипсиса предполагаемого определяемого этого причастия, изосемантического с ним: **munu bilmiş bilgimni ayu birdim*. Видимо, позднее этот путь становится преобладающим, но в разбираемых случаях, скорее всего, имеет место предполагаемый нами семантический сдвиг внутри имени действия от непосредственно процессуального характера действия к субстантивному названию действия.

Реализация того или иного семантического вектора в глагольном имени связана, во-первых, с изначальной приверженностью той или иной формы процессуальной или номинализирующей семантике, во-вторых, с распределением других семантических ролей во фразе.

kidin keldeçikä özüm sözlägü ‘я должен (был) поведать (это) идущим следом (за мной) [людям]’. – Субстантивация непереходного глагола *kel-* оказалась воз-

можной за счет эллипсиса единственного актанта – субъекта, в связи с чем имя действия начинает обозначать производителя действия – человека и т.п., т.е. сущность заведомо номинализационного плана, но не процессного. К тому же и по происхождению данная форма, имеющая в своем составе аффикс деятеля -čī, тяготеет к семантике этого плана.

Глагольные имена действия в локативных падежах закрывают четвертый сектор частеречной транспонентности форм глагольного имени, функционируя в наречном ключе.

Например:

ölürdä ol aj toldi oğlın maña / tutuzdı (КБ 1578) ‘когда умирал Айтолды, он поручил мне своего сына’. – В этом примере процессная семантика «умирание» выведена в позицию обстоятельства времени главного предиката.

nägü tir ešitgil ođunmš kiši / ođunmšta kiđin ökünmüš kiši (КБ) ‘послушай, что говорит пробудившийся муж / муж, раскаявшийся после своего пробуждения’. – Здесь, ввиду предельности глагола «пробудиться», обстоятельство ‘после пробуждения’ не может рассматриваться как обозначение процесса.

Сравним близкие по смыслу предложения в «Диване» Махмуда Кашгари и в «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни.

bilmiš jāk bilmädük kišidän jeg (ДЛТ, 515) ‘дьявол, который знает тебя, лучше человека, который не знает тебя’. – Употребляется, как отмечает в примечании Кашгари, в отношении тех, кого призывают уважать знакомства.

bayat yermiši ol bu yek sevmiši ‘тот, кто любим дьяволом, отвергнут Богом’ (КБ 3523).

Пословица у Кашгари организована синтаксически «правильно», в ней формы причастия на -mš занимают стандартную позицию перед определяемыми именами. Семантически близкое суждение у Баласагуни построено синтаксически иначе: субстантивированное причастие *sevmiši* ‘любовь (дьявола)’ является субъектом предложения, в котором предикатом выступает грамматически тождественное субстантивированное причастие *yermiši* ‘отвержение (Бога)’. – Таким образом, рассматриваемая фраза в «Кутадгу Билиг» не глагольная, а именная, что дает определенный стилистический эффект некой абстрактной, всеобъемлющей истины.

Баласагуни допускает и такие семантико-грамматические транспозиции глагольных форм, которые, с точки зрения современного языка, недопустимы:

saña sözlädim söz kumaru atı (КБ 1341) ‘то, что я рассказал тебе, носит название завещания’. – Исконный порядок слов должен быть таким: **saña sözlädim söz atı* – группа подлежащего («сказанное мною тебе название слова»), *kumaru* – предикат; но тогда *sözlädim* в группе подлежащего является определением к слову *söz*, а в этой позиции чисто финитная форма смотрится чужеродно, если только не предполагать у нее внутренней способности отражать действие в виде адъектива.

Следующий пример демонстрирует возможность глагольного имени выступить даже в качестве предиката предложения, не переходя семантически в ряд финитных форм, но оставаясь именным членом составного глагольного предиката (первый полубейт):

ayur oş qadaşım manga qodmışı / bu ärdi nängi oş turu qalmışı (КБ 6323) ‘говорит он: вот – оставленное мне моим братом; это было [всё], что от него осталось [= всё, что он имел]’.

Одно из древнейших глагольных имен действия на -g уже в самых старых текстах выступает чаще всего как имя результата или места действия, вместе с тем демонстрируя и такие употребления, в которых процессуальное значение проявляется отчетливо: *katig* ‘твердый’ (*адъективированное результативное значение* < ‘затвердевший’), *keŋig* ‘проход’, *tatig* ‘вкус’, *tapig* ‘служба, услуга’, но также ‘процесс несения службы’, *kelig* ‘приход’ (*в процессуальном смысле* – «прихождение»), *bilig* ‘знание’.

Отглагольное имя *tatig* ‘вкус’, ‘вкусовое ощущение’ развилось как семантический результатив от действия *tati-* ‘иметь вкус; приходиться по вкусу’ > ‘то, что человек получает от взаимодействия с предметом, который он вкушает, пробует на вкус’. Отсюда семантический переход к качественному адъективу – ‘вкусный, имеющий (приятный) вкус предмет’. Это объектная составляющая результативно-адъективного значения. Однако Юсуф Баласагуни использует и субъектную линию семантики производящего глагола, применяя *tatig* в процессуальном значении: «ощущение приятного вкуса при вкушении чего-л.», а далее в переносном значении – «ощущение приятного от функционирования других органов человека, помимо вкусовых рецепторов, – сердца/души, глаз/зрения»:

sevitmış yüzin körsä közkä tatığ / köñül arzusın bulsa özkä tatığ (КБ 1893) ‘увидеть лицо любимого – приятно для глаза / обрести желанное – душе отрада’.

Таким образом, из этого краткого анализа ряда примеров из стихотворных произведений караханидско-тюркского языка можно сделать вывод, что при необходимости поэты той поры реанимировали угасающее, по всей вероятности, значение процессуальности в именах действия, что придавало фразам, построенным с их участием, гибкость, живость и необходимую слоговую экономность.

Литература

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Иванов 1983 – *Иванов С.Н.* Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С.Н. Иванов. – М.: Наука, 1983. – 557 с.

Стеблева 2012 – *Стеблева И.В.* Тюркская поэтика. Этапы развития: VIII–XX вв. – М.: Вост. лит., 2012. – 200 с.

КВ – *Yusuf Has Hacip.* Kutadgu Bilig. I. Metin / R.R. Arat. 4. Bsk. Ankara: TDK, 1999. – 656 b.

Kormushin Igor. About grammar technique in verse «Kutadgu bilig» by Yusuf Balasaguni in comparison with the verses in «Divan» by Kashghari (Article one).

Summary. The author dwells on the innovatory methods implemented by Yusuf Balasaguni – usage of morphologic-syntactic mechanism of the Turkic language (multi functionalism of verbal inflectional forms) which made poetic phrases build with the help of such structures flexibility, vivacity and necessary thrift of syllables.

Key words. Morphology of the verb, verbal names, multi-funktionalitiy, poetic language.

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ИЗ ТУВЫ (Е-49)

С. Г. Кляшторный, г. Санкт-Петербург

Резюме. В статье предлагается новая интерпретация текста одной древнетюркской рунической надписи из Тувы.

Ключевые слова: рунические тексты, Кыргызский каганат, титулатура, административное устройство.

В 1915 г., во время своего последнего археологического путешествия за Саяны, А.В. Адрианов переправил на плотах по Енисею в Минусинский музей несколько стел с руническими надписями. Самая большая из этих стел ранее находилась в степи Бай-Булун на правом берегу реки Элегест, в нескольких километрах от ее впадения в Улуг-Хем.

В 1939 г. С.В. Киселев опубликовал надпись без точного указания первоначального места нахождения стелы, без прорисовки и фотографий текста и сделал попытку его прочтения и перевода [Киселев 1939: 131–132]. В 1952 г. эта надпись уже под названием «Первый памятник из Тувы» была переиздана С.Е. Маловым вместе с первой ее фотографией (Е-49, [МЭПТ: 97–98, илл. 20]). Более качественные фотографии и прорисовку надписи, ее описание и транскрипцию в 1983 г. опубликовал Д.Д. Васильев [КЕР: 29, 69, 107–108].

Новым этапом изучения памятника стало издание надписи И.В. Кормушиным [ТЕЭ-I: 169–174; ТЕЭ-II: 140–141]. Критически оценив прежние издания (кроме упомянутых также чтения и переводы И.А. Батманова и А.Ч. Кунаа, А.С. Аманжолова), И.В. Кормушин установил состав знаков и предложил наиболее точное чтение текста.

Опираясь на издания памятника предшественниками, прежде всего И.В. Кормушиным, я предлагаю здесь не только частные поправки к чтению знаков, но также иной перевод и интерпретацию текста.

Надпись вырезана на самой большой из обнаруженных в Туве стеле (оленом камне?): ее длина 370 см. Ранее на поверхность стелы уже была нанесена обширная руническая надпись (20 строк), тщательно стертая при подготовке камня к нанесению нового текста [ТЕЭ-I: 170]. Вновь вырезанная надпись состояла всего из четырех строк по двум сторонам камня (три строки на широкой, одна строка – на узкой сторонах). Сам выбор стелы и трудоемкая работа по ее зачистке от предшествующей надписи возможно свидетельствуют не только о большом разрыве во времени между ранним и позднейшим использованием камня, но и о высокой социальной значимости лица, которому посвящен поминальный текст.

Транскрипция

- (1) esizim-e jüz qadaşym-a alty bodunym-a esizim-e adyrylytm-a
- (2) er atym aq baş atyq ynal öge ben eki jetmiş jaşymda
- (3) er erdemim eki elig tuşum jayyda otuz erig ölürdim esni
- (4) alty bay bodunym küçligin üçün arqyş el(t)dim taşyn buña teti

Примечания к транскрипции

Я принимаю предложенные И.В. Кормушиным чтения знаков и их идентификации за одним исключением: вслед за С.Е. Маловым [МЭПТ: 97–98], знак ∞ в стк. 2 я читаю как *baš*. У Кормушина принято условное чтение знака как *lyq*, а все слово (имя меморианта) он читает *Калыктык (?)* [ТЕЭ-I: 170–172]. В стк. 3 Кормушин читает *tusum* (*tusu* ‘польза’) и толкует как ‘мой (общий) вклад’ [Там же]. Следует отметить, что в надписи Кызыл-Чираа-II (E-44), где также фиксируется слово *tusum* ‘моя польза’, третий знак (для -S-) иной, чем в E-49 [Там же: 222]. Поэтому – с учетом контекста – я читаю *tušum* ‘мои золотые бляхи’ [ДТС: 590, s.v. *tuš*]. С.Е. Малов [МЭПТ: 97] полагает здесь чтение *toqum* ‘мои бляхи’ [ДТС, s.v. *toq* ‘пряжка, застежка’].

Чтение знаков в стк. 4 и их идентификация у И.В. Кормушина вполне корректны. Я полностью принимаю его транскрипцию, но ниже предлагаю совершенно иное понимание текста и его интерпретацию.

Перевод

(1) О жаль мне! Я разлучился с сотней моих побратимов-дружинников! Я разлучился с народом Шести (багов)! О жаль мне!

(2) Мое имя мужа-воина, мое звание (таковы) — я Ак Баш Атык Ынал-оге (букв.: «седоголовый и прославленный Ынал-оге»). Мне было шестьдесят два года, (когда я покинул этот мир).

(3) За мою воинскую доблесть я (носил пояс) с сорока двумя золотыми бляхами! Я убил тридцать вражеских воинов!

(4) Я унес (в иной мир) весть о могуществе моего народа Шести багов! (Этим поминальным) камнем он рассказал о своей скорби (или: выразил свою скорбь).

Примечания к переводу

Стк. 1. И.В. Кормушин переводит «сто моих сородичей» [ТЕЭ-I: 172]. Я полагаю, что *jüz* в контексте этой и некоторых других енисейских и орхонских надписей следует понимать не как числительное, а как название воинского подразделения «сотня», в котором реальное число воинов необязательно соответствует номинативному значению числительного (Ср.: [Berta 1995: 40–56]). Очевидно, о той же сотне дружинников-побратимов идет речь в поминальной надписи эра (мужа-воина) Карши (Кара-Булун, E-65 [ТЕЭ-II: 150]): *esizim jüz ynal qadašim*; по переводу И.В. Кормушина, «Жаль мне, о сто моих высокородных родичей» [ТЕЭ-II: 150]. Мой перевод — «Увы, моя сотня Ыналовых дружинников-побратимов!» Очевидно, мемориант поминает здесь не сто своих родичей из ханского рода (см. ниже), а соратников-дружинников (побратимов) из Ыналовой сотни. Еще одна надпись из Бай-Булуна (E-42, Бай-Булун-I [ТЕЭ-II: 130–131] поминает *jüz er qadašim* «Сотню моих воинов-побратимов» и «тысячу воинов из моего народа». Здесь явно не количественное совпадение числа сородичей у трех разных лиц разной степени знатности, а указание на то воинское подразделение, воинское содружество, принадлежность к которому или связь с которым они столь же высоко ценили, как и родственные связи.

Еще более определенно о делении войска на княжескую дружину, состоящую из воинов-побратимов и ополчение мужей-воинов (эров), свидетельствует надпись из Бегре (E-11 [ТЕЭ: 102–104]): *antlyy adašym* — «мои соратники, связанные клятвой (побратимства)» и *antsyz edgü ešim* «мои сотоварищи, не связанные клятвой (побратимства)». О частичном совпадении семантических спектров терминов *адаш* и *кадаш* свидетельствует их слияние в устойчивом парном соче-

тании (ДТС: 9, s.v. *adaš*). И.В. Кормушин также замечает, что термином *кадаш* «стали называться братья (при этом далеко не только родные)» [ТЕЭ-П: 280].

Сток. 3. Кормушин, не распознав в слове *tusum/tušum* значение «моя золотая бляха», предположил, что речь идет о сорока двух «захваченных в плен?» [ТЕЭ-И: 172]. В енисейской рунике встречаются несколько упоминаний знаков воинской доблести и символов власти, которые были одновременно и знаками положения их носителей во властной иерархии государства. Так, по надписи Элегест-1 (Е-10), ее герой, памятник которому воздвигли «сотня из воинов-побратимов» и «сотня эров (воинов)» «водрузил на плечо алый штандарт (*al uruŋu*)», «(подвязал) на поясицу золотой колчан (*altunlyu keš*)», пожалованные ему Кёртле-ханом. Тут же отмечается, что его отец, Бегю-теркен, был обладателем штандарта (*uruŋu*) и бунчука (*tuŋ*). Золотой колчан как знак отличия упомянут и в надписи из Уюк-Турана (Е-3).

Здесь, в Бай-Булунской надписи, упомянута другая вещь-символ – наборный пояс с золотыми бляхами. Собственно, упомянуты «сорок две мои золотые бляхи», но обозначение в тексте только ключевых слов обычно для лапидарных енисейских надписей, фоновый контекст которых был вполне очевиден для современников автора текста. Случай упоминания блях (пояса с бляхами) едва ли не единственный в енисейской рунике. Впрочем, следует оговорить, что С.Е. Малов предположил упоминание пояса с фигурной пряжкой в своем чтении и переводе Абаканского памятника (Е-48 [МЕПТ: 94–95]). Однако при уточнении чтения знаков надписи И.В. Кормушиным прежнее чтение отпало [ТЕЭ-И: 54–56].

«Золотой пояс» (*altunlyu belbaŋ*), т. е. пояс, украшенный золотыми бляхами, упомянут также в древнеуйгурской легенде об Огуз-хане [ДТС: 93, s.v. *belbaŋ*]. Тематика наборных поясов у тюркских кочевников Евразии более подробно разработана археологами на вещевом и иконографическом материале [Торгоев 2003: 285–289; Байпаков 2010: 155–161].

Сток. 4. И.В. Кормушин переводит: «Благодаря могуществу моего народа Шести областей я водил караваны». Однако же титул правителя народа (см. ниже) и ремесло проводника торговых караванов плохо сочетаются. Поэтому я принял другое значение слова *arqyš*, обычное в древнетюркских памятниках — «весть, известие» [ДТС: 54, s.v. *arqyš*]. В последнем предложении, которое Кормушин переводит «(поминальный) камень – печально водрузили», сказуемое-глагол *te-* (если принять такое чтение), означает не «водружать», а «рассказывать, говорить» [ДТС: 545, s.v. *te-*]. Показатель инструментального падежа *-un* при слове *taš* предопределяет понимание фразы, которая завершает эпитафию не речью меморианта, а ремаркой создателя текста.

«Народ Шести багов» и его правитель

Слово *баг*, производное имя от глагола *ба-* ‘связывать привязывать, обвязывать’, имело в древнетюркских языках значения «оковы, узы» «повязка, связка, узел» и, наконец, «группа, разряд» [ДТС: 77, s.v. *baŋ*]. В енисейской рунике оно преобразуется в термин, имеющий социальное значение, и получает распространение почти исключительно в надписях из Тувы. В тувинских памятниках *баг* фиксируется, за одним исключением, в составе стереотипной формулы *алты баг бодун* ‘народ Шести багов’ или сокращенно – *алты баг* ‘шесть багов’.

Скорее всего, этот стереотип возник исторически и ему предшествовали два случая употребления термина *баг* без атрибутивного числительного (Е-27) или с числительным «два»: *eki baŋlyuqa begim-e* «О мой бег, обладающий (властью?) в

двух багах» (Е-73, надпись из Ийме; текст по [ТЕЭ-І: 65]). Так как в тексте надписи из Ийме биография меморианта как-то связана с его посольством (?) к уйгурскому кагану, то сама надпись относится ко второй половине VIII – началу IX в., т. е. ко времени до образования системы «Шести багов» (см. ниже). В надписи с р. Оя (Е-27) из Хакассии также ничто не указывает на связь с контекстом словоупотребления этого термина в Туве.

Единого понимания его реального значения в енисейских надписях не существует. Чаще всего оно толкуется как административно-территориальный термин «область» [ТЕЭ-І: 172] или «удел» [Там же: 284]. Согласно Л.Р. Кызласову, «баг является феодальным уделом, собственностью одной семьи», а вся территория кыргызского государства «была разделена на феодальные уделы-баги» [Кызласов 1984: 134–135].

Иное объяснение слова *баг* в енисейских памятниках дает С.Е. Малов. Седьмую строку надписи с р. Оя – *багым бодунымка адырылдым* он переводит: «Я отделился от моего народа, моего родового подразделения». А в «Указателе» еще раз повторяет: «баг – родовое деление народа» [МЭПТ: 52, 103].

Совершенно по другому подходит к объяснению слова *баг* в енисейской рунике Джерар Клоусон. Он пишет: «В древней политической терминологии *баг* имеет значение «конфедерация», что означает некоторое число кланов, объединенных договорными отношениями. Оно противостоит слову *бод* ‘клан’, так как клан состоит из членов объединения, связанных кровными узами, а также слову *бодун*, т. е. группе нескольких кланов... *Алты баг* ‘шесть конфедераций’ – политическое объединение в Туве в древнекыргызский период» [Clauson 1972: 310].

Итак, предложены четыре семантические линии для объяснения термина *баг*: административно-территориальная («область»); социально-территориальная («удел», т. е. феодальное владение как единица государственного устройства); родоплеменная (родовое подразделение); политическая (группа кланов, связанных договорными отношениями). Все интерпретаторы термина, прямо или фоновно, исходили из его включенности в клише «народ Шести багов» и локальной изолированности этого образования в Туве. Каково же было положение Тувы в составе государства енисейских кыргызов?

Кыргызский каганат может быть назван так по титулу его государя в памятниках Второго тюркского каганата (первая половина VIII в.). Но в памятниках Уйгурского каганата (вторая половина VIII в.) и в енисейских надписях государь кыргызов именуется *хан* (ср. также в *Худуд ал-алам*, X в.: «Их государь называется хырхыз-хакан» [Minorsky 1937: 96]). Административная структура и территориальная протяженность Кыргызского каганата в VIII–X вв. несколько раз менялись. Период своего «великодержавия» каганат пережил в середине IX в. Тогда в его состав входило не менее четырех достаточно обособленных владений. Рассмотрим их обозначения в рунических памятниках, не обращаясь к иным свидетельствам.

Коренным юртом кыргызов была нынешняя Хакассия. В орхонских памятниках эти земли названы Кёгменская (т. е. Саянская) страна (*kögmen jer sub*), а население страны именовалось «народ азов и кыргызов» (*az qyrqyz bodun*), которыми правил «кыргызский каган» [ПДП: 30–31, 38–39].

Страна к югу от Кёгменских гор, вверх по течению Кема (Енисей), т. е. Тува, в VIII в. была страной народа чик (*čik bodun*). По отношению к хану кыргызов она была, согласно уйгурской надписи середины VIII в., «союзной землей» (*iši jer*) [Кляшторный 2010: 57, 63] при явном силовом преобладании кыргызов. Так, во время уйгуро-карлукской войны 756 г. глава карлуков направляет кыргыз-

скому хану просьбу: «Вы сами выступайте в поход (против уйгуров) и заставьте выступить чиков!» [Там же]. Конный отряд кыргызов пришел в страну чиков, но был разгромлен уйгурским тутуком, стоявшим во главе войсковой тысячи, после чего тутук стал управителем страны чиков, а чикская знать получила новые титулы от уйгурского хана [Там же]. Однако этноним *чик* в енисейских памятниках отсутствует.

Не ранее IX в. Тува стала страной «народа Шести багов», подвластной кыргызскому хану. Ее другое возможное название – Кешдим. Во всяком случае, в надписи на скале Хая-Ужу, что на берегу р. Хемчик (Е-24), сохранилась строка, гласящая: *unal alty bay Kešdimde ben* «Я ынал в Шести багах и Кешдимае»; столь же возможное понимание: «Я ынал в шестибаговом Кешдимае» [Батманов 1968: 241]. В *Худуд ал-алам* упоминается «народ из хырхызов *кесим*, живущий в шатрах на склонах гор». Однако в Мешхедской рукописи Ибн ал-Факиха сообщается о городе (области) *Кешим* [Minorski 1937: 97, 286].

Третьей провинцией кыргызского каганата стала после 840 г. «Уйгурская земля» (*ujjur jer*), т. е. северо-западная Монголия, коренной юрт уйгурских племен. Четвертой провинцией стала после разгрома уйгуров, т. е. в середине IX в., а возможно и ранее, какая-то часть Алтая [Кызласов 1984: 74–75].

Каждое из этих четырех владений имело двойную систему управления – местную и имперскую. Местная система зиждилась на традиционной власти *бегов*, возглавлявших местные племена и носивших пожалованные ханом титулы. Они находились по отношению к имперской власти в вассальной зависимости. В их эпитафиях постоянно упоминается верная служба хану и воинские подвиги ради «божественного эля». Главы имперской администрации в провинции носили самые высокие титулы и нередко были родичами хана. Так, в издаваемой здесь надписи, глава «народа Шести багов» именуется *ыналом*, т. е. лицом из ханского рода, и *оге*, т. е. чиновным лицом высшей категории (условно «министр»).

Главой вновь завоеванной Уйгурской земли стал бывший уйгурский вельможа, восставший против своего кагана и оказавший помощь кыргызскому *ажо* (китайская транскрипция титула *ынал* [Яхонтов, 1970: 119]), Кутлуг Бага таркан-оге. Его буюруком был кыргыз Бойла Кутлуг-ярган, возможно, контролировавший уйгурского управителя; их имена сохранила Суджинская надпись (Е-47; [МЭПТ: 84–85]). На Алтае ханский наместник носил привычный для времени тюркских каганатов титул главы западного крыла войска и управителя западными землями каганата — *ябгу* (Е-110; [ТЕЭ-I: 269]).

Возможность более определенного толкования понятия «народ Шести багов» открывается одним случаем замены слова *баг* в этом устойчивом сочетании иным термином. Как установил И.В. Кормушин, в надписи Барык-I (Е-5) предпочтительно следующее чтение второй строки: «*öz jigen alp turan alty oğuš bodunda ej jegirmi alty qanyta adyryldym*» [Мое имя] – Оз Йиген Алп Туран. У народа Шести родов (племен) [я служил с] шестнадцати лет. О мое государство, мой хан — я разлучился (с вами)» [ТЕЭ-I: 210–211].

Слово *огуш* ‘род, племя’, заменившее слово *баг* как его семантический эквивалент, в устойчивом словосочетании сразу переводит *баг* из разряда терминов территориального устройства в этнополитическую терминологическую сферу. Теперь более предпочтительным становится толкование обсуждаемого клише, с учетом этимологического фактора, как «народ Шести связанных (привязанных) племен», или «народ Шести связок (групп) племен». Но столь же правомерно и

иное понимание клише: «народ шести вассальных (групп) племен», т. е. племен, вассальных («привязанных») по отношению к хану и «божественному элю».

Если это последнее понимание клише правомерно, то, скорее, здесь фиксируется утрата племенами Тувы в конце VIII – начале IX в. прежнего статуса «союзной земли» (*iši jer*) и замены его статусом «народа шести вассальных (групп) племен».

Литература

Байпаков К. М. Западнотюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. – Алматы, 2010.

Батманов И. А. Еще о надписи на скале Хая-Ужу // Труды Кызыльского пед. ин-та. – Кызыл, 1968. Вып. 3.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

КЕР – *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983.

Киселев С. В. Неизданные надписи енисейских кыргызов // ВДИ, 1939. Т. 3.

Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб., 2010.

Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984.

МЕПТ – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.; Л., 1952.

ПДП – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.; Л., 1951.

ТЕЭ-I – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М., 1997.

ТЕЭ-II – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. – М., 2008.

Торгоев А. И. К периодизации наременных украшений Семиречья // Диалог цивилизаций. Материалы Международной научной конференции. – Бишкек, 2003.

Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // СЭ, 1970. Т. 2.

Berta A. Die Verteilung der militärischen Termini in der runen Inschriften // Acta Orientalia Hungarica. – Budapest. 1995, Vol. XLVII, pts. 1–2.

Clauson G. An etymological dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. – Oxford: The Clarendon Press, 1972.

Minorsky V. Hudud al-Alam. The Region of the World A Persian Geography 372 A. H. – 982 A.D. – London, 1937.

Kljaštornyj S. First Inscription from Tuva (E-49)

Summary. The article reveals new reading and interpretation of Bay-Bulun-II runic inscription.

Key words: runic inscriptions, Qirgiz khaganate, titles, administrative structure.

**О РИТМОМЕЛОДИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ
КОНСТРУКЦИЙ ВОПРОСИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ
(на материале хакасского языка)**

К.Н. Бурнакова, г. Москва

Резюме. Статья посвящена одной из недостаточно изученных проблем тюркологии – конструкциям вопросительно-побудительных предложений. На базе этих конструкций может быть создана специальная программа ритмомелодического исследования хакасского языка экспериментально-фонетическими методами.

Ключевые слова: конструкция, ритмомелодика, вопросительно-побудительные предложения, структура, семантика

При исследовании ритмомелодики (интонации) любого живого языка встает вопрос о создании такой программы экспериментально-фонетического исследования, которая позволила бы учитывать особенности предложений всех основных коммуникативных типов (по цели высказывания) в его говорах, диалектах и в литературном языке. Отдельные сведения о коммуникативных типах предложений можно найти практически во всех фундаментальных исследованиях по тюркологии начиная с Н.Ф. Катанова и В.В. Радлова [Катанов 1901, 1903; Радлов 1893].

Особая роль тюркского глагола в формировании предложения специально исследовалась, например, А.М. Щербак [Щербак 1981]. Однако в грамматических материалах по живым тюркским диалектам [Убрятова 2006; Диалекты 2010; Грамматика 1975 и др.], а также в сравнительно-сопоставительных работах [Мещанинов 1945; СИГТЯ 1986; Буранов 1983 и др.] коммуникативные особенности побудительных, опативных и вопросительных предложений отражены в недостаточной степени. Обычно структурные и семантические особенности тюркского предложения анализируются на базе повествовательных предложений [Тыбыкова 1991; Сат 2006; Дмитриев 2007 и др.], остальные же типы и подтипы (например, побудительно-вопросительные), не изучены и поэтому представляют определенную трудность при составлении специализированных программ ритмомелодического исследования.

Указанные сложности относительно хакасского языка дополняет также недостаточная изученность глагольных аналитических конструкций и свободных сочетаний, хотя такие исследования проведены на материале ряда тюркских языков [Юлдашев 1965; Харитонов 1960; Оралбаева, 1971; Насилов 1989; Курпешко 1989; Шенцова 1997; Ганиев 2003 и др.]. В настоящее время привлекают к себе особое внимание тюркские языки Южной Сибири [Ондар 1999, Шамина 2001, Тазранова 2002]. Без фундаментальных научных разработок в этом направлении практически невозможно приступить вплотную к системному ритмо-

мелодическому исследованию современных живых тюркских языков Южной Сибири.

Вместе с тем следует сказать, что программа ритмомелодического исследования по вопросительным предложениям хакасского языка, одного из представителей тюркских языков Южной Сибири, уже создана, и она учитывает весь инвентарный список вопросительных комплексов в этом языке [Бурнакова 2001]. Изучая вопросительные предложения хакасского языка и их структурно-семантические особенности, нельзя не заметить, что при реальном функционировании в речи такие высказывания как по структуре и семантике, так и ритмомелодически не всегда бывают «чисто» или собственно вопросительными. Образуются своего рода «переходные участки» между вопросительными и побудительными предложениями, которые можно назвать вопросительно-побудительными. Систематизировать эти типы следует с учетом того, что здесь помимо вопросительных компонентов присутствуют фонетические, лексические и грамматические побудительные элементы, в результате которых такие конструкции становятся ритмомелодически вопросительно-побудительными.

В данной статье представлены результаты исследования вопросительно-побудительных предложений хакасского языка, в которых показаны их структурные и семантические особенности, важные для дальнейшего ритмомелодического изучения.

Сплошная выборка из художественной литературы, газетных статей, а также диалектных первоисточников позволяет репрезентативно систематизировать вопросительно-побудительные предложения, выявить их структурные и семантические характеристики. Компоненты в вопросительно-побудительных конструкциях функционируют согласно сочетаемостным способностям и создают особые семантические нюансы побудительности в вопросительной форме.

В статье для представления моделей хакасских предложений используются символы, выработанные новосибирской синтаксической научной школой, основанной М.И. Черемисиной. Рассмотрим некоторые из них.

- Конструкция: V_{fin} ба ($N_{1/4}$). Сочетание сказуемого с вопросительной частицей *ба* довольно часто употребляется в устной и письменной форме. Данная конструкция вопросительного предложения может быть обращена к любому лицу, сказуемое стоит в любом времени. Когда важно указать к кому именно адресуется вопрос, появляется обращение, занимающее любую позицию. Например: *Истиң ме?* (ВШ.СС.14) ‘Слышишь (ты)?’ (если до этого вопроса были какие-либо распоряжения, указания, приказы, скажем, во время охоты, совместном деле и т.п., то эта конструкция может, если в её составе имеется глагол с семантикой слухового восприятия, подтолкнуть собеседника к определенным действиям). *Исчезер бе?* (ВШ.СС.67) ‘Слышите?’ (здесь сказуемое – глагол слухового восприятия *ис-* ‘слышать’ в настоящем времени на *-ча* в 3 л. мн. числа в сочетании с вопросительной частицей *бе*; содержание может быть нейтрально вопросительным, в этом случае ответ будет зависеть от контекста. С другой стороны, контекст может придать данной конструкции вопросительно-побудительный оттенок, который предполагает отсутствие ответа, а вместо этого всё внимание собеседников направляется и сосредоточивается на том предмете или явлении, который издает шум, шорох, звук и т.п. Спрашивающий своим вопросом заостряет внимание слушателей, т.е. определенным образом воздействует на них, побуждает слушать. *Табылар ба аны сырба чаң паг?* (НД.ЫА.224) ‘Найдется веревка, которой можно скрутить его?’ Наличие вопросительной частицы придает данной конструкции семантику вежливого побуждения в вопросительной форме.

Инициальное положение глагола *тан-* ‘искать’, усиленное вопросительной частью *ба*, предполагает активные действия поиска (веревки) всех участников события. Перестановка этого словосочетания в финальную позицию превращает данную конструкцию в нейтрально вопросительную – без какого-либо побуждения. *Арина, алах пардың, ма?* (НД.ЫА.196) ‘Арина, с ума сошла (ты)?’. Упрек выражается при помощи словосочетания *алах парарга* ‘сойти с ума’. Слова или действия собеседника вызывают у говорящего крайне негативное восприятие, вследствие чего появляется обращение и выражение неодобрения поведением собеседника в вопросительной форме.

- Конструкция: $N_1 N_3 V_{fin} me?$ Для более эффективного воздействия на собеседника используется конструкция $N_1 N_3 V_{fin} me?$, которой выражается упрек в вопросительной форме. Она представлена именами в неопределенном и дательном падеже, глагольное сказуемое оформляется любой временной формой; в этой конструкции вопросительная частица *ма* занимает финальную позицию, например: *Ахсыларыңа суғ ур салгазар ба?* (ВШ.СС.64) ‘В рот воды набрали?’.

- Конструкция: ... $T_v = imp me?$ Глагольное сказуемое в этой конструкции оформляется аффиксами повелительного наклонения. Эта конструкция помогает реализовывать такие семантические оттенки вопроса, которые выражают разрешение, позволение, совет в форме вопроса, а также модальные оттенки «может быть; хотите...; давай (те)-ка ...», т.е. при помощи этой конструкции говорящий стремится предложить свои услуги, свою помощь, выражает свое намерение помочь собеседнику, выполнить для него какое-либо действие: *Тон агыл пирым ме?* (МТ.ПТ.83) ‘Шубу принесу-ка я? / Может быть, шубу принесу? / Давай-ка я шубу (тебе) принесу?’; *Ізік никтебізим ме?* (ВШ.СС.167) ‘Дверь запереть мне? / Давайте я запру дверь?’; *Сыырны пу тарелкаа салым ма?* (ВШ.СС.127) ‘Можно сыр в эту тарелку положить (мне)?’; *Ам ырлыбыс па?* (НК.ХФ.46) ‘Сейчас можно нам спеть?’. В последних примерах говорящий намерен, готов выполнить определенное действие, однако для этого требуется разрешение собеседника.

Возражение собеседника оформляется повтором вопросительной постпозитивной частицы *ме*, а также глагольной основой в повелительном наклонении 1 л. ед.ч. Реализуется семантика переспроса, уточнения, уяснения с оттенком удивления, негодования, возражения и т.п. Семантически же все предложение отрицательно-вопросительное с оттенком невозможности выполнить действие: *Чат, узуп ал көп чох. – Мин ме, узим ме? Че анзын тохтат салыңар.* (НД.ЫА.134) ‘Ложись, поспи без лишних (слов). – Я !?/, спать (должен, обязан)? Ну, это оставьте (вы). // Ну, это (вы) бросьте.’.

В зависимости от лексической семантики и контекста эта конструкция способна выражать угрозу в вопросительной форме, например: *Ізіг ханың сірледібізим ме?* (КН.КХ.84) ‘Горячую кровь+твою выпустить? / ...выпущу-ка+я?’ (угроза); *Сині көйм салыбыс па?* (МТ.ПТ.83) ‘Может тебя закопать? / Тебя закопаем-ка? / Давай, тебя закопаем?’.

Предложение собеседнику выполнить совместное действие оформляется этой же конструкцией, где вспомогательный глагол *ал-* в *соом алаң*, оформлен аффиксом *-аң* ‘мы с тобой вдвоем’ в форме вопроса: *Суга соом алаң ма?* (ФБ.ТО.48) ‘Давай выкупаемся?’

Для усиления степени сомнения, неуверенности в намерении выполнить какое-либо действие ради своего собеседника либо совместного действия вопросительная конструкция ... $T_v - imp me?$, в инициальной позиции допускает появление модального слова *алай* ‘может быть; ли’: *Пок, алай потхы ит пирым ме,*

хызым? (ВШ.СС.171) '(межд. огорчения), Может быть, потхы приготовить (мне), дочка? / ... приготовлю-ка+я, дочка?'; *Алай піссер аалап параңар ба?* (ФБ.ТО.44) 'Может быть, к нам в гости пойдете?'

В хакасском фольклоре встречается вопросительная конструкция, где подлежащее оформляется аффиксом принадлежности, а в состав глагольного сказуемого (*T_v-itr me?*) включается деепричастная форма на *-ып*. В этом случае спрашивающий как бы просит у собеседника(-ков) разрешения, совета, позволения поступить каким-либо образом: *Естендегі ырагазын тартып сығим ма?* (НК.ХФ.34) 'Может быть, верхнее вино (араку) выпив, выйти (мне)?'; *Алтындағы ырагазын тартып сығим ма?* (НК.ХФ.34) 'Может быть, нижнее вино выпив, выйти (мне)?'; *Оң идегім сілігініп сығим ма?* (НК.ХФ.34) 'Может быть, правую полу (мою/свою) отряхнув, выйти (мне)?'; *Сол идегім сілігініп сығим ма?* (НК.ХФ.34) 'Может быть, левую полу (мою) встряхнув, выйти (мне)?'

Данная вопросительная конструкция может осложняться побудительной частицей *че* 'ну, ну-ка, давай...', например: *Че орешка ойнааң ма?* (НД.ЫА.72) 'Давай-ка в орешку поиграем?'

- Конструкция: *Inf V_{fin} me?* Сочетание инфинитива на *-арга* с финитным сказуемым вместе с вопросительной частицей *ма* образует конструкцию вопросительного предложения с модальным оттенком желательности, возможности/невозможности и т.п. В обобщенно-личных предложениях инфинитив сочетается с такими глаголами, как *чарир/чарабас; кирек; килізер* и т.д. Например: *Едезерге килерзің ме?* (ВШ.СС.26) 'Провожать придешь?'. Говорящий побуждает собеседника выполнить соответствующее действие и для смягчения использует вопросительную форму. По контексту, молодой человек уезжает на фронт и на прощание просит любимого человека прийти попрощаться. Форма побуждения – вопросительная. Вне контекста данная конструкция может быть нейтрально-вопросительной. Однако без вопросительной частицы *ма* она становится побудительной, выражающей приказ, распоряжение – *Едезерге килерзің* 'Провожать придешь(!)'

- Конструкция *...T_v-арга ба?* состоит из глагольной основы на *-арга* (форма инфинитива) и вопросительной частицы *ба*, которая имеет здесь модальную семантику, близкую к русским эквивалентам «хотеть; желать; пытаться; стремиться к чему-либо; собираться что-л. сделать; мечтать о чем-л.; жаждать и т.п.». Однако в определенном контексте и при ритмомелодическом оформлении основное значение дополняется оттенком, выражающим упрек, обвинение, негодование, недовольство, эмоциональное воздействие на собеседника: *Син, ниме? Магаа келерге бе?* (АТ.АХ.124) 'Ты, что? Надо мной смеяться собираешься?'; *Ниме? Чібекті хасхыраарга ба?* (АТ.АЧ.148) 'Что? Намереваются умыкнуть (карамчить) Чибек?'; *Аалчаа артысхан арагамны ызо чили ээп саларга ба?* (АТ.АЧ.134) 'Гостям оставленную араку (мою), как теленок, высосать собираешься?'; *Пайбын тiп, кізіні келкее аларга ба?* (АТ.АХ.145) 'Если богач, так можно над человеком смеяться?'; *Арестке кірерге бе?* (АТ.АЧ.151) 'Под арест хотите попасть?'; *Төстериңе састыраарга ба?* (НД.ЫА.142) 'На духов (своих) пытаешься свалить?'; *Ам минің алчаастарымны хатирга ба?* 'Теперь мои ошибки приумножить хочешь?' (ВШ.СС.196); *-Чох, минің палам отха пазырбас. - Кибір сайбирга ба? – Сайбалзын – пазырбас!* (ВШ.СС.201) '- Нет, мой ребенок не будет кланяться огню. – Обычай нарушить хочешь (желаешь, намереваешься, собираешься)? – Пусть нарушается – не будет он кланяться!'; *Ам мині*

хырызарга ба? (МТ.ЧЧ.125) ‘Теперь меня ругать собираешься?’; *Сині чи аргамчынаң сѳртирге бе?* (ВШ.СС.15) ‘А тебя веревкой тащить надо? // Ну, а тебя веревкой тащить?’.

В конструкции ...*T_v-арга ба?* при выражении упрека глагол может осложняться аффиксами совместно-возвратного и понудительного залогов, которые в вопросительной форме передают коннотативное значение «хотеть; намереваться; заставить кого-л. сделать что-л.»: *Тапчын апсах! Хызыңны киреенче хойныңда одыртарга сагынгазың ма?* (АТ.АЧ.166) ‘Старик Тапчын! Дочь (свою) до старости на коленях держать вздумал?’; *Мині пиди ер чатырарга сагынгазың ма?* (МК.ЎТ.175) ‘Меня так долго намерен заставить лежать?’; *Сіпер міні ер алдандыраарга сагынчазар ба?* (ВК.А.25) ‘Вы меня долго собираетесь заставлять уговаривать вас?’.

Если к конструкции ... *T_v-арга ба?* прибавить деепричастную форму на *-n(-in, -ын)*, то образуется сложная форма, которая будет выражать стремление спрашивающего узнать у собеседника о его намерениях, желаниях поступить каким-либо образом. При этом спрашивающий в вопросительной форме выражает предложение, запрет, несогласие с действиями собеседника, например: *-Фо, ізіг! Че, Чанар, суғзар? – Син ниме, өрінгеніңнең суға кіріп өлгерге бе?* (АТ.АЧ.124) ‘- Фу, жарко! Ну, Чанар, к воде (пойдем)! – Ты что (да ты что), от радости бросившись в воду, умереть хочешь (собираешься)?’; *-Таныс нимес кізіден хайди парчаң. – Танызып аларга ер бе?* (ВШ.СС.182) ‘С незнакомым человеком разве же можно ходить (как можно идти). – Познакомиться-то долго ли?’.

- Упрек или призыв к решительным действиям может оформляться в форме вопроса конструкцией: *T_v -n T_v+арын сагирга ба?*, которая передает ‘Нельзя ждать, пока...’. Данная конструкция употребляется только в вопросительной форме, например: *Тоозыл парарын сагирга ба?* /ВШ.СС.39/ ‘(Хотите) Дождаться, пока скончается (умрет)?’.

Глагольная основа на *-арга* в сочетании с модальным предикативом *чарир/чарабас* ‘можно/нельзя’ с постпозитивной вопросительной частицей *ма* образует вопросительную конструкцию, которая может переводиться как «можно/нельзя; следует/не следует, годиться/не годиться, прилично/неприлично, подобает/не подобает, возможно/невозможно, запрещено и т.д. что-либо сделать». Спрашивающий выражает просьбу, совет, разрешение совершить/не совершить какое-либо действие: *Чарир ба?* /ВШ.СС. 42/ ‘Разрешите? (Можно войти?)’. Вежливая просьба (*войти*) оформляется сочетанием предикатива *чарир* ‘можно’ с вопросительной частицей *ба*. Спрашивающий уже совершает определенное действие в момент речи и просит разрешение закончить это действие, в соответствии с определенным контекстом и реальной ситуацией. *Кірерге чарабас па?* (ВШ.СС.31) ‘Разве нельзя входить?’. Без вопросительной частицы *па* это предложение побудительное, где сочетание инфинитива с предикативым *чарир* в отрицательной форме *-бас* выражает категорический запрет – *Кірерге чарабас* ‘Входить нельзя.’ Однако вопросительная форма этой конструкции дает возможность говорящему совершить запретное действие и закончить свое действие (т.е. говорящий уже открыл дверь и намерен войти внутрь помещения вопреки запрету). *Прайзы теерчеткен чистекті магаа теерерге чарабас па?* (ВШ.СС.120) ‘Ягоду, которую собирают все, мне разве ж запрещено собирать?’; *Мыны тойга даа кизерге чарабас па?* (МТ.ЧЧ.143) ‘Это даже на свадьбу наде-

вать нельзя (не следует, не подобает)?»; *Писке ху чахтирға чарир ба?* (ВШ.СС.53) 'Нам обнять можно?'

- Конструкция ... T_v -*-арға ба?* с глаголом *ит-* употребляется тогда, когда необходимо выразить интерес спрашивающего к действиям собеседника, стремление собеседника или иного лица совершить желаемое действие. Данной конструкцией выражается определенный комментарий говорящего по поводу намерения, желания совершить действие собеседником или иным лицом (не участвующим в данном диалоге), при этом контекст уточняет положительную или отрицательную оценку говорящего в отношении действий других лиц. Эту конструкцию на русский язык можно перевести как «стремление, желание, попытка и т.п. совершить какое-либо действие» в вопросительной форме. Например: *Чип көрерге итче бе?* (МТ.ЧЧ. 29) 'Покушать хочет? (досл.: кушая попробовать хочет?)'; *Тайганың испайын тігі чирзер чектеп парарға итчезің ме?* (ВШ.СС.88) 'Богатство тайги на тот свет унести (на себе) собираешься?' (*упрек*); *Ха чан парган минің чалгыс хызым ам килерге чөр бе?* 'Давно уехавшая моя единственная дочь теперь вернуться намеревается?' (ВШ.СС.162). Как видно из примеров, перед глагольной основой на *-арға* может появляться причастная или деепричастная форма.

- Конструкция: ... T_v -*чаң пол- ма?* В конструкции этого типа входят модальные аффиксы *-чаң, -чых*; глагол *пол-*, который сам принимает вышеназванные аффиксы либо входит в состав глагольного сказуемого, уже оформленного этими аффиксами; вопросительная частица *ма*; факультативно участвуют частицы *за* и *ни*.

Недовольство, негодование, упрек поведением собеседника(-ков), выражение экспрессивно-эмоционального воздействия на собеседника(-ков) говорящий оформляет в вопросительной форме. Причастие прошедшего времени на *-ган*, принимая аффиксы принадлежности и сочетаясь с глаголом *пол-* в форме на *-чаң* и вопросительной частицей *ма*, образует конструкцию T_v -*ган // пол чаң ма?*, например: *Келгеніңер полчаң ма?* (НД.ЫА.238) 'Вы что, смеетесь?'; *Полысханыңар полчаң ма?* 'Считаете (сделали вид), что вы помогли?'; *Пиргенің полчаң ма?* 'Считаешь, что ты отдала?'

- Вопросительная конструкция ... T_v = *не чең ме?*, в состав которой входит глагольная основа с отрицательным аффиксом *-не* и модальным аффиксом *-чең*, вместе с вопросительной частицей *ме* означает «...почему бы не сделать что-либо кому-либо?»; «давай(-те)...». В данную конструкцию факультативно может входить деепричастие на *-а*. Например: *Пу эйнені Сабагоолға туттыри тирбе чең ме?* (МТ.ПТ.88) 'Этого черта почему бы не вручить Сабагоолу?'; *Тойға кіре салба чаң ма?* 'Почему бы не пойти на свадьбу?'; *Матап туди тирбечең ме?* 'Почему бы хорошенько не всыпать / не ударить (ему, его)?'

- Конструкция: ... T_v -*чаң полбас па за?* Сложная конструкция, состоящая из глагольной основы на *-чаң* с глаголом *пол-*, к которому присоединяются аффиксы отрицания и лица; вопросительной частицы *па*; частицы *за*, употребляемой для выделения или подчеркивания вопросительного значения, соответствующей русским частицам *же* и *ведь*. В зависимости от контекста данная конструкция может передавать различные эмоциональные оттенки: проклятье, угроза, злорадство, гнев, сочувствие, сожаление и т.п. Например: *Тоозыл парза, чылгы ечен поэңар одырчаң, полбассар ба за?!* (НД.ЫА.165) 'Если умрет, из-за табуна, вне всякого сомнения, сами будете ведь сидеть (в тюрьме)?!'; *Палаларың поэң*

азахха турғысчаң полбассың ма за? ‘Детей своих сама же, должно быть, на ноги поднимать будешь?’; *Тайғаны піди еретчең полбастар ба за?* ‘Очевидно, тайгу так ведь и погубят?’.

- Конструкция: *Алай ... T_v-n T_v-iṃp ба?* Глагольное сказуемое, состоящее из деепричастной формы на *-n* и глагольной основы в повелительном наклонении удачно сочетается с модальной частицей *алай* и вопросительной частицей *ма*. Выражает такая конструкция предложение выполнить действия (совместные – если с аффиксом на *-аң/-аңар*) в вопросительной форме со значением «А может быть, давай (-те) ...?»: *Алай піссер ааллап параңар ба?* (ФБ.ТО.44) ‘А может быть, пойдёмте к нам в гости?’; *Алай нымах чоохтап пирим ме?* ‘А может быть, сказку мне (вам) рассказать?’. Деепричастная форма на *-n* может отсутствовать, тогда вопросительная конструкция приобретает вид: *Алай...T_v-iṃp ба: Алай пірее чирзер парыбызим ме?* (ВШ.СС.148) ‘Может, лучше мне куда-нибудь уехать?’.

- Конструкция: *Алай... T_v-арға T_v-чең ме?* Модальная частица *алай* может сочетаться с глагольным сказуемым, выраженным инфинитивом на *-арға* и положительной / отрицательной глагольной основой на *-чаң*, а также вопросительной частицей *ма*. Такая конструкция имеет семантику «возможно / неужели и т.п. придется / не придется что-л. сделать?»: *Алай андар парарға киліспе чең ме?* ‘Может быть, туда идти не придется?’; *Алай андар кірерге киліс парчаң ма?* ‘Возможно, туда придется зайти?’; *Алай піске чуртирға киліспе чең ме?* (МТ.ПТ.42) ‘Неужели нам (вместе) жить не придется?’.

- Конструкция: *Че ... ме?* В хакасском языке частица *че* отнесена к эмоционально-вопросительным частицам и выражает понуждение и позволение (в значении «ну, ну-ка») [Грамматика ..., 1975, 252]. В словаре она дополняется значением «ну!; довольно!» [Баскаков 1953, 315]. Побудительная частица *че* может употребляться и в вопросительном значении, не теряя при этом побудительной семантики, она часто встречается в структуре вопросительного предложения с частицей *ме*, при этом глагольное сказуемое может оформляться аффиксами настоящего и будущего времени. Употребление конструкции, *Че ... V_f ме?* всегда предполагает призыв к какому-либо действию в вопросительной форме. *Че* в начале предложения как вопросительного, так и побудительного выступает в роли побудительной и модальной частицы (в значении «ну, ну-ка, давай(-те), давай(-те)-ка, но...ли, да...ли»). Эта конструкция употребляется, когда говорящему по какой-либо причине удобнее использовать вопросительную форму, а не прямое побуждение; например: *Че, аалчы, парчазың ма?* (ВШ.СС.61) ‘Ну, гость, идешь?’; Глагол с семантикой движения в сочетании с побудительной частицей *че* выражает значение побуждения, а вопросительная частица смягчает его. Для того, чтобы конструкция стала чисто побудительной, надо ее представить в виде: *Че, аалчы, пар!* ‘Ну, гость, уходи!’, но если это действительно настоящий гость, то такое обращение будет выглядеть неестественным, недопустимым и грубым. Если же слово *аалчы* употребляется, например, по отношению к животным, то в такой ситуации подобная конструкция выступает в чисто побудительной форме. Однако без вопросительной частицы данная конструкция в побудительной форме **Че, аалчы, парчазың* не используется. Только совместное использование побудительной частицы *че* с глаголом движения в сочетании с вопросительной частицей *ма* придает всей конструкции оттенок вежливого побуждения в форме вопроса.

В сагайском диалекте частица *че* в сочетании с вопросительной частицей *бе* придает всей вопросительной конструкции модальный оттенок «неужели; ужель; неужто; возможно ли, чтоб...; (да) не может быть, чтоб...; да ну... (*простор.*)» и т.п. От побудительной частицы ее отличает более протяжное произнесение гласной *е*, которое на письме передается по-разному – *е* или *ее*. Например: *Че, чалгыс хойын тирче бе, ей?* (ВШ.СС.48) «Неужели (возможно ли чтоб / да не может быть, чтобы...) единственную овцу+свою отдает, (межд. обращения к женщинам)?»; *Че-е, "Столбаларны" көрбин халарбыс па?* (ФБ.ТО.112) «Возможно ли, чтоб "Столбы" не смогли посмотреть+мы?»; *Че, хыйыдыбызаң ма?* (ФБ.ТО.7) «Давай-ка, убежим?/ Ну что, убежим?»

В этой конструкции вопросительная частица *ма* может заменяться частицей *чи* 'а'. Побудительно-вопросительная конструкция *Че... чи?* употребляется в том случае, если спрашивающий побуждает своего собеседника продолжить свою речь. При особо настойчивой просьбе спрашивающего тот или иной элемент вопросительной конструкции может удваиваться: *Че, анаң чи, анаң чи?* (АТ.АЧ.138) «Ну, а дальше, а дальше?»; *Че, че, анаң чи?* (АТ.АЧ.138) «Ну, ну, а дальше?»; *Че анаң андар чи?* (ФБ.ТО.24) «Ну, а дальше-то?»

Вопросительной частице *бе* может предшествовать частица утверждения *че* 'ладно, хорошо, да', образуя сложную вопросительную форму *чебе/ чөбе?* 'ладно?, хорошо?, да?, пойдет?, договорились?, согласен(-ны)?' и т.п. Эта форма употребляется в финальной позиции вопросительных предложений. В диалектной речи она может приобретать сингармонический вариант *чөбе?* Данная вопросительная форма употребляется для смягчения приказа, просьбы, чтобы придать вежливую форму предложениям говорящего: *Агаң, ага чааң, пеен піске пірее ниме чоохтап тирерзің чөбе?* (ВК.А.47) «Дедушка, дедуля, сегодня нам что-нибудь расскажешь, ладно?»; *Че трактордаңар ундуба ... Чебе?* (КН.КХ.144) «А на счет трактора не забудь ... Договорились?».

- Конструкция: ... *Т_у-чаа + афф. л. чохта чи?* Частица *чи* выступает завершающим компонентом в конструкции ... *Т_у-чаа + афф.л. чохта чи?*, когда необходимо выразить в вопросительной форме нежелание говорящего что-либо сделать или в том случае, если говорящий не в состоянии (физически, умственно, морально) выполнить что-либо. Семантика невозможности выполнить какое-либо действие передается модальным аффиксом *-чаа* в составе глагольного сказуемого в сочетании с отрицанием *чохта*. Такая конструкция может переводиться как 'А если не могу..?', 'А что, если (я) не в состоянии...?'. Например: *Сыда чаам чохта чи?* (АТ.АЧ.131) «А если не терпёж?» / 'А что, если я не могу терпеть (не в состоянии)?'; *Парчаам чохта чи?* «А что, если я не могу идти?»; *Араласчаа чохта чи?* «А что, если (он) не может вмешиваться?»; *Егрэн чее чохта чи?* «А что, если не может (не в состоянии) учиться?»; *Хын чаа чохта чи?* «А что, если не в состоянии любить (не может)?»; *Кил чее чохта чи?* «А если не может приехать/ прийти?»

Таким образом, особенность ритмомелодики любого живого языка зависит от языковых и речевых структурных, семантических и функциональных закономерностей, существующих в конкретных говорах, диалектах и в литературном тюркском языке. Именно поэтому так важно систематизировать, например, вопросительно-побудительные конструкции и их модели, все переходные ступени основных коммуникативных установок по цели высказывания, чтобы выявить закономерности реализации их ритмомелодики, установить строгое соответствие структурных и фонетических реализаций. Эта взаимосвязь может развиваться

и в обратном направлении, когда ритмомелодические структурные изменения могут вызвать существенные изменения в функционально-семантической нагрузке ритмомелодических элементов, что позволяет моделями предложений передавать новые нюансы на синтаксическом и фоностилистическом уровне.

Литература

- Буранов Дж.* Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1983. – 267 с.
- Бичелдей (Бурнакова) К.Н.* Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке: Монография / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 282 с.
- Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Наука, 1986. – 284 с.
- Гаджиева Н.З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973. – 408 с.
- Ганиев Ф.А.* Способы действия глаголов в татарском языке. – Казань: Изд-во «Дом печати», 2003. – 152 с.
- Грамматика современного башкирского литературного языка.* – М.: Наука, 1981. – 495 с.
- Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А. Баскакова.* – М.: Наука, 1975. – 418 с.
- Диалекты тюркских языков.* – М.: Восточная литература, 2010. – 533 с.
- Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, 2007. – 232 с.
- Закиев М.З.* Татарская грамматика. Т. 3. Синтаксис. – Казань, 1995.
- Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка // Учен. зап. Имп. Казанского ун-та. Год LXVIII. Книга 1-ая, январь. – Казань: В типолитографии Ун-та. 1901.
- Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка. – Казань. 1903.
- Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
- Курпешко Н.Н.* Бивербальные конструкции с вспомогательными глаголами бытия *чат-*, *тур-*, *одур-* и *чор-* в шорском языке / Автореф. дисс. ...канд. фил. наук. – Алма-Ата, 1989.
- Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 322 с.
- Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии: акциональность / Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1989.
- Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. – Л.: Наука, 1989.
- Ондар Ч.С.* Причастные аналитические конструкции в тувинском языке / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1999. – 22с.
- Оралбаева Н.* Аналитические формы глагола в современном казахском языке / Автореф. дисс... докт. филол. наук – Алма-Ата. 1971. – 75 с.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Часть 1. – СПб., 1893. – 1051 с.
- Сат Ш.Ч.* Эртем ажылдарының чыындызы. – Кызыл: ТКУ, 2006. – 142с.
- Тазранова А.Р.* Бивербальные конструкции с бытийными глаголами в алтайском языке. – Новосибирск, 2002. – 26 с.

- Тыбыкова А.Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение. – Новосибирск. 1991. – 225 с.
- Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2006. – 602 с.
- Харитонов А.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л.: Наука, 1960. – 179 с.
- Черемисина М.И.* Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. – Новосибирск: Наука, 2004. – 895 с.
- Черемисина М.И.* Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. – Новосибирск, 1995. – С. 3–22.
- Шамина Л.А.* Многокомпонентные сказуемые тувинского языка // Гуманитарные науки Сибири. № 4. 2001. – С. 47–53.
- Шенцова И.В.* Акциональные формы глагола в шорском языке. – Кемерово. 1997. – 145 с.
- Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). – Л.: Наука, 1981. – 183 с.
- Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1965. – 275 с.

Источники и условные сокращения

- АТ. АЧ. – *Топанов А.* Алахтыртхан Хорхло. Пьеса // Хызыл чазы. – Абакан, 1982. – С. 105–167.
- ВК.А. – *Кобяков В.* Айдо // Хызыл чазы. – Абакан, 1982. – С. 6–29.
- ВШ.СС. – *Шулбаева В.* Сарналбаан Сарын. – Абакан, 1985. – 207 с.
- КН.КХ. – *Нербышев К.* Көгім Хорымнарда. – Абакан, 1983. – 207 с.
- МК.Т. – *Коков М.* Öрiнiстiг тоғазығ // Хызыл чазы. – Абакан, 1961. – С. 169–194.
- МТ.ПТ. – *Туран М.* Пай тирек. – Абакан, 1981. – 112 с.
- МТ.ЧЧ. – *Туран М.* Чуртас чолларыңа. – Ағбан. 1984. – 152 с.
- НД.ЫА. – *Доможаков Н.* Браххы аалда. – Абакан, 1975. – 156 с.
- НК.ХФ. – *Катанов Н.* Хакасский фольклор. – Абакан, 1963. – 163 с.
- ФБ.ТО. – *Бурнаков Ф.* Тигір Оды. – Абакан, 1977. – 139 с.

Burnakova Klara N. Interrogatively-imperative constructions in the rhythmomelodic study of the living language

Summary. The article is devoted to the analysis of interrogative and imperative sentences which form the so called “interrogatively-imperative” constructions in any Turkic language. It’s easy to notice that they are not always “pure” or “real” questions from the structural, semantic and rhythmomelodic point of view. Those transition sentences have not only special interrogative words but also present imperative phonetic, lexical and grammatical elements, as a result of which such constructions become rhythmomelodically interrogatively-imperative.

Key words: the Turkic language, interrogative, imperative, construction, structure, semantics, rhythmomelody, phonetics, grammatical elements

ГУБНАЯ ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ В ОГУЗСКОЙ
ГРУППЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ*А. Нурмухамедов, г. Ашхабад (Туркменистан)*

Резюме. В статье дается сводный материал по особенностям проявления гармонии гласных в огузских языках в сравнении с гармонией в киргизском языке.

Ключевые слова: гармония гласных, огузские языки, киргизский язык, губной сингармонизм.

Фонетическим явлением гармонии гласных интересовались многие ученые. В конце XIX в. оно, как известно, привлекало внимание как А.И. Бодуэна де Куртенэ, так и В.В. Радлова. Бодуэн де Куртенэ считал, что гармония гласных в структуре слова в агглютинативных языках играет такую же роль, как и ударение в индоевропейских языках. В частности, он отметил, что: «Гармония гласных в туранских языках служит, так сказать, цементом, соединяющим или связывающим слоги в слова. В арио-европейских языках эту роль соединения слогов в слова играет... прежде всего ударение» [Бодуэн де Куртенэ, 1876: 322–323]. В.В. Радлов, присоединяясь к его мнению, также подчеркивал, что сингармонизм тюркских языков, как и сильное ударение в европейских языках, играет роль выделения слога в слове и разграничивает слова в речи [Radloff, 1882–1883]. Взгляды этих ученых на место сингармонизма в тюркских языках пробудили позже среди тюркологов большой интерес к этому явлению и вызвали научные споры.

В последующие годы было опубликовано немало работ общетюркского характера, посвященных гармонии гласных [Богородицкий 1953 г.; Рясянен 1955; Исхаков 1955; Бертагаев 1968; Мельников 1962; Ковшова А.А. 1984 и др.], а также для отдельных языков [Поцелуевский 1936; Аманасарьев 1970; Батманов 1963; Алымова 1980; Кенесбаев 1962; Джунисбеков 1980; Яваш 1987 и др.]. В определении общих закономерностей проявления гармонии гласных в последующих слогах слов в тюркских языках имеют важное научное значение работы В.А. Богородицкого, М. Рясянена, Ф.Г. Исхакова, Г.П. Мельникова и А.А. Ковшовой. В их исследованиях сделаны выводы теоретического характера о гармонии гласных тюркских слов.

Проф. В.А.Богородицкий одним из первых обратил внимание на значимость губной гармонии гласных и отметил, что: «губной сингармонизм в тюркских языках проявляется далеко не одинаково: начиная от почти полного его проявления в киргизском и алтайском ... до двух вариаций малого его проявления – в поволжско-приуральской области и в окрашенной восточной и южной полосе» [Богородицкий 1953: 130]. Позже Ф.Г. Исхаков также приходит к подобному мнению. Рассуждая о палатальном сингармонизме, он отмечает: «Небный сингармонизм, как один из основных законов, ... существует во всех тюркских язы-

ках, за исключением лишь узбекского» [Исхаков 1955: 122], а о лабиальном сингармонизме он пишет: «В одних тюркских языках губная гармония гласных ограничивается лишь основой слова, в других она распространяется на все слово в целом, охватывая все аффиксы, в третьих – гласные одних аффиксов подвергаются губной гармонии, а гласные других аффиксов не подвергаются» [Там же: 140].

Н.А. Баскаков относит туркменский, турецкий, азербайджанский и гагаузский языки к языкам огузской группы [Баскаков 1966: 15; 1969: 242–269]. В тюркологических работах недостаточно характеризуются общие и индивидуальные особенности губного сингармонизма в языках огузской группы. В связи с этими недостатками у нас возникла идея сравнить языковые материалы огузской группы с материалами киргизского языка, где губной сингармонизм проявляется наиболее полно, и на основе такого анализа сделать некоторые выводы относительно туркменского языка. Нет сомнения в важности уточнения общих и индивидуальных особенностей огузских языков по их губному сингармонизму. Собранные нами языковые материалы из различных источников¹ позволяют отметить следующее.

1. В киргизском языке исторические гласные *a*, *e(ä)*, *y*, *i* второго и последующих слогов, независимо от открытости-закрытости слогов и краткости-долготы гласных, огубляются и переходят в соответствующие *o*, *ö*, *u*, *ü* при наличии губных гласных в первом слове слова. Это явление полностью отражается и на письме. Некоторые примеры:

Широкие гласные *a*, *e(ä)* в конечном закрытом слове слов: *buýloş* ‘одинакового роста’², *çörök* ‘чурек, хлеб’, *kömöktöş* ‘помощник’, *bögönök* ‘овод’, *böýrök* ‘почка’ и др.

Широкие гласные *a*, *e(ä)* в конечном открытом слове слов *joro* ‘подруга’, *bölökçö* ‘кусочек, кусочек’, *bödönö* ‘перепел’, *bölümçö* ‘отдел, отделение’, *oýnoo* ‘играй’, *ýoldo* ‘в дороге, на дороге’, *tüşündürmө* ‘объяснение’, *sözdügü* ‘его словарь’ и др.

Узкие гласные *y*, *i* в конечном закрытом слове слов: *otuz* ‘тридцать’, *öküz* ‘бык, вол’, *murun* ‘нос’ и др.

Узкие гласные *y*, *i* в конечном открытом слове слов: *bölüü* ‘отдел’, *burgu* ‘инструмент для вязания веревки, закручивать что-л.’, *kozu* ‘ягненок’, *kögörüü* ‘зеленеть, произростать’, *bölinüçü* ‘делимое’, *dükönçü* ‘продавец в магазине’ и др.

2. В азербайджанском, турецком и гагаузском языках широкие гласные *a*, *e(ä)* второго и последующих слогов не огубляются при наличии губных гласных в первом слове слов. Некоторые примеры:

Широкие гласные *a*, *e(ä)* в конечном открытом слове слов: аз. яз. *doğrama* ‘крошение, резать’, *goja* ‘старик’, *goşa* ‘пара, парный’, *hoja* ‘ходжа’; тур. яз. *çorba* ‘шурпа, суп’, *gülle* ‘пуля’, *hoja* ‘ходжа’; гаг. яз. *bura* ‘сюда’ *söyle* ‘говори’, *buulma* ‘задышаться’ *düüme* ‘бубенец, пуговица’ и др.

¹ Приведенные в работе примеры, кроме туркменских, заимствованы нами из следующих работ: Кыркыз дилиниң түсүндүрмө сөздүгү (I т., Фрунзе, 1984); Азербайджанжа-русча лугат (Баку, 1951); Türkçe-gusça sözlük (M., 1977); Батманов И.А. Современный киргизский язык (Фрунзе, 1963); Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология (M., 1969).

² Языковые материалы передаются в транскрипции, основанной на принятой в тюркологических работах латинской графике [СИГТЯ 1984]. Здесь означают: *ç* – ч, *ž* – ж, *j* – дж, *ñ* – њ, *ş* – ш, *y* – й.

Широкие гласные *a*, *e(ä)* в конечном закрытом слоге слов: аз. яз. *çöräk* ‘хлеб’, *bölmäk* ‘делить’, *möhlät* ‘срок, время’, *çözmäk* ‘развязывать, решать’, *döşäk* ‘постель’, *dodaç* ‘губа’, *gözäl* ‘красивый’, *köbäläk* ‘гриб’; тур. яз. *çörek* ‘хлеб’, *çözmek* ‘развязывать, решать’, *dolak* ‘обмотки, портянки’, *kulak* ‘уши’, *küzel* ‘красивый’, *ürek* ‘сердце’; гаг. яз. *uşak* ‘ребенок’, *kulak* ‘ухо’, *üräk* ‘сердце’ и т.д.

Узкие *y(ы)*, *i* гласные огубляются в азербайджанском, турецком и гагаузском языках под влиянием губного гласного первого слога > *u*, *ü* во всех последующих слогах слова. Это явление в указанных языках полностью соответствует поведению узких гласных киргизского языка. Некоторые примеры: аз. яз. *buzlu* ‘со льдом’, *bulutlu* ‘облачный’, *gorhulu* ‘страшный, опасный’, *dolu* ‘полный’, *guruju* ‘строитель’; тур. яз.: *burgu* ‘инструмент для свивания веревки; бурение’, *biyyüklük* ‘высота’, *güllük* ‘цветистый’, *çürük* ‘гнилой’, *dogru* ‘ровный’, *korkulu* ‘страшный, опасный’, *sürü* ‘стадо’; гаг. яз.: *dolu* ‘полный’, *köprü* ‘мост’, *dogru* ‘правильный, ровный’, *örtü* ‘крышка’, *dokuzunju* ‘девятый’, *küçüjük* ‘маленький’ и т.д.

3. По сравнению с киргизским, азербайджанским, турецким и гагаузским языками, губной сингармонизм в туркменском языке завист от конкретных фонетических условий.

Можно отметить следующие особенности губного сингармонизма туркменского языка в сравнении с киргизским.

а) В туркменском языке долгие гласные *a*:, *ä*:, *y*:, *i*: не огубляются в последующих слогах при наличии губных гласных в первом слоге, тогда как в киргизском языке огубляются не только краткие, но и долгие гласные указанных типов. Например, ср.: туркм. *uzu:n*, ‘длинный, долгий’ *yögy:n* ‘толстый’, *müdi:r* ‘заведующий’, *üçi:n* ‘для’, *guzy:m* ‘мой ягненок’, *süri:m* ‘мое стадо’, *durýa:r* ‘он стоит’, *göryä:r* ‘он видит’, *jora:p* ‘носок’, *joýa:p* ‘ответ’, *durmuşda:ky* ‘в жизни’, и т.д.; кирг. *oýnoo* ‘играй’, *boýluu* ‘с ростом’, *kolduu* ‘с рукой, с руками’, *kögörüü* ‘зеленеет, произрастает’, *bölinüjüü* ‘делимое’, *bütöö* ‘целый’ и др.

б) В туркменском языке узкие гласные *y(ы)*, *i* не огубляются в открытом слоге в конце слов при наличии губного гласного в первом слоге, тогда как в киргизском языке в данной позиции они огубляются; ср.: туркм. *durdy* ‘он стоял, остановился’, *gördi* ‘он увидел’, *uruşdy* ‘он подрался, воевал’, *görüşdi* ‘он поздоровался’, *howly* ‘двор’, *dürli* ‘разный’; кирг. *burgu* ‘бурение’, *kozu* ‘ягненок’, *kögörüü* ‘зеленеть, произрастать’, *Bübü* ‘собств. Биби’, *dükönçü* ‘продавец’, и т.д.

в) Несмотря на то, что в туркменском языке краткие широкие *a*, *e(ä)* и краткие узкие *y*, *i* гласные в последующих слогах огубляются под влиянием губных гласных первого слога, они отражаются на письме по-разному и в ограниченном объеме: широкие *o*, *ö* пишутся только в первом, а узкие *u*, *ü* гласные в первом и втором слогах слов; в киргизском языке губные гласные отражаются во всех слогах слова; например: туркм. *orak* ‘серп’, *oglan* ‘мальчик’, *oglanlar* ‘мальчики’, *köçe* ‘улица, дорога’, *köçeden* ‘из улицы’ *üzüm* ‘виноград’, *üzümñ hoşasy* ‘кисть винограда’, *durmuş* ‘жизнь’, *durmuşyñ meselesi* ‘вопрос жизни’ и др.; кирг. *boýloş* ‘одинакового роста, сверстник’, *bödönö* ‘перепел’, *bögönök* ‘овод’, *bölüngü* ‘разделен’, *döbölü* ‘с верблюдом’

При сравнении гармонии губных гласных туркменского языка с азербайджанским, турецким и гагаузским языками можно отметить следующие особенности.

а) В туркменском литературном языке и во многих его диалектах широкие *a*, *e* гласные огубляются и произносятся как *o*, *ö* в последующих слогах под

влиянием губных гласных первого слога. Но в азербайджанском, турецком и гагаузском языках эти же гласные, как было отмечено выше, не огубляются в указанных позициях слов. Следовательно, в азербайджанском, турецком и гагаузском языках отсутствует сингармонизм с широкими гласными.

б) Можно отметить общие особенности гармонии губных гласных для туркменского, азербайджанского, турецкого и гагаузского языков. Во всех этих языках краткие узкие *y(ы)*, *i* гласные огубляются и произносятся как *u*, *ü* в последующих закрытых слогах при наличии губного гласного в первом слоге. Вместе с тем имеется и различающий их признак. В туркменском языке гласные *y(ы)*, *i*, находящиеся в конечном открытом слоге слов, не гармонируют с губным гласным первого слога, т.е. не огубляются, тогда как в азербайджанском, турецком и гагаузском языках эти же гласные в указанной позиции огубляются и произносятся как *u*, *ü*; например: туркм. *tokly* 'годовалый барашек', *uly* 'большой', *durdu* 'он остановился', *gördi* 'он увидел', *köpri* 'мост', *üçünji* 'третий'; аз. *buzlu* 'со льдом, ледяной', *guru* 'сухой', *guruju* 'строитель', *köprü* 'мост', *dördünjü* 'четвертый'; тур. *buzlu* 'ледяной', *dogru* 'правильный, ровный, прямой', *dünkü* 'вчерашний', *sürü* 'стадо'; гаг. *dolu* 'полный', *dooru* 'прямой, правильный', *köprü* 'мост', *dokuzunju* 'девятый'.

Указанные факты свидетельствуют о том, что по действию гармонии губных гласных туркменский язык занимает место между киргизским языком и азербайджанским, турецким и гагаузским языками. Это наглядно видно из приведенных ниже таблиц № 1, № 2 и № 3.

Таблица № 1

Изменения слов с губными гласными *o*, *ö* в первом слоге при присоединении аффикса принадлежности 3-го л. и мн. числа в языках огузской группы

Языки	Основа слова	Аф. принадл. ед. ч. 3 л.	Аф. мн. ч.	Аф. принадл. мн. ч. 3 л.
кирг.	kol köl	kol-u köl-ü	kol-dor köl-dör	kol-dor-u köl-dör-ü
азерб.	gol göl	gol-u göl-ü	gol-lar göl-lär	gol-lar-y göl-lär-i
тур.	kol göl	kol-u göl-ü	kol-lar göl-ler	kol-lar-y göl-ler-i
гаг.	kol göl	kol-u göl-ü	kol-lar göl-lär	kol-lar-y göl-lär-i
туркм.	gol	gol-y	gol-lar, gol-lor	gol-lar-y, gol-lor-y
	kö:l	kö:l-i	kö:l-ler, köl:-lör	kö:l-ler-i, kö:l-lör-i

Таблица № 2

Изменения слов с губными гласными *u, ü* в первом слого при присоединении аффикса принадлежности 3-го л. и мн. числа в языках огузской группы

Языки	Основа слова	Аф. принадл. ед. ч. 3 л.	Аф. мн. ч.	Аф. принадл. мн. ч. 3 л.
кирг.	kuş küç	kuş-u küç-ü	kuş-tar küç-tör	kuş-tar-u küç-tör-ü
азерб.	guş güj	guş-u güj-ü	guş-lar güj-lär	guş-lar-y güj-lär-i
тур.	kuş güç	kuş-u güç-ü	kuş-lar güç-ler	kuş-lar-y güç-ler-i
гаг.	kuş güç	kuş-u güj-ü	kuş-lar güç-lär	kuş-lar-y güç-lär-i
туркм.	guş	guş-y	guş-lar, guş-lor	guş-lar-y, guş-lor-y
	gü:ç (güyç)	güyj-i	güyç- ler, güyç-lör	güyç-ler- i, güyç-lör-i

Таким образом, в киргизском языке широкие *o, ö* и узкие *u, ü* гласные сохраняются во всех слогах многосложных слов. В туркменском же языке указанные гласные употребляются в словах с некоторыми ограничениями – в зависимости от конкретных фонетических условий. Широкие *o, ö* гласные, несмотря на то, что произносятся во втором и последующем слогах слов в большинстве диалектов, отражаются только в первом слого. А узкие *u, ü* гласные не произносятся в последнем открытом слоге слов.

В азербайджанском, турецком и гагаузском языках широкие *o, ö* гласные употребляются только в первом слого. Напротив, в этих языках сингармонизм с узкими *u, ü* гласными действует во всех слогах многосложных слов. Следовательно, можно представить схематически общее действие губного сингармонизма в языках огузской группы тюркских языков в таблице № 3.

Таблица № 3

Общая схема действия губного сингармонизма в языках огузской группы

Фон. условие Языки	Во 2-м слоге слова при наличии в 1-м слоге <i>o</i>		Во 2-м слоге слова при наличии в 1 слоге <i>ö</i>		Во 2-м слоге слова при наличии в 1-м слоге <i>u</i>		Во 2-м слоге слова при наличии в 1-м слоге <i>ü</i>	
	<i>a > o</i>	<i>y > u</i>	<i>e > ö</i>	<i>i > ü</i>	<i>a > o</i>	<i>y > u</i>	<i>e > ö</i>	<i>i > ü</i>
кирг. яз.	+	+	+	+	-	+	+	+
азерб. яз.	-	+	-	+	-	+	-	+
тур. яз.	-	+	-	+	-	+	-	+
гаг. яз.	-	+	-	+	-	+	-	+
туркм. яз.	+ -	+	+ -	+	+ -	+	+ -	+

ЛИТЕРАТУРА

- Алымова А.* Сингармонизм в современном киргизском языке / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Фрунзе, 1980.
- Амансарыев Ж.* Түркмен диалектологиясы. – Ашгабат, 1970.
- Ахматов Т.К.* О сингармонизме в киргизском языке // Тюркское языкознание. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. – Ташкент, 1985.
- Баскаков Н.А.* Тюркские языки (общие сведения и тюркологическая характеристика) // Языки народов СССР, т. 2. Тюркские языки. – М., 1966.
- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. – М. 1969.
- Батманов И.А.* Современный киргизский язык, в.1. – Фрунзе, 1963.
- Бертагаев Т.А.* Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава слова // ВЯ, 1968, № 2.
- Богордицкий В.А.* Законы сингармонизма в тюркских языках // Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-ое. – Казань, 1953.
- Бодуэн де Куртене.* Резья и резьяне // Славянский сборник. – СПб., 1876.
- Джунисбеков А.* Сингармонизм в казахском языке. – Алма-Ата, 1980.
- Исхаков Ф.Г.* Гармония гласных в тюркских языках // ИСГТЯ, ч. 1. Фонетика. – М., 1955.
- Кенесбаев С.К.* Фонетика // Современный казахский язык. Фонетика и морфология. – Алма-Ата, 1962.
- Ковшова А.А.* Сингармонизм тюркского слова // СИГТЯ. Фонетика. – М., 1984.
- Мельников Г.П.* Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках // ВЯ. – М., 1962, №6.
- Поцелуевский А.П.* Фонетика туркменского языка. – Ашхабад, 1936.
- Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М., 1955.
- Черкасский М.А.* Опыт формального описания гармонии гласных в тюркских языках // ВЯ. – М. 1961, №5.
- Яваш М.* Опыт экспериментального исследования гармонии гласных в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1987.
- Radloff W.* Phonetik der Nördlichen Turksprachen. – Leipzig, 1882-1883.

***Nurmuhamedov A.* LABIAL HARMONY OF VOWELS
IN THE OGHUZ GROUP OF THE TURKIC LANGUAGES**

Summary. In the article the author presents summarized materials upon the peculiarities of harmony of vowels in the Oghuz languages in comparison with that of the Kirghiz language.

Key words: harmony of vowels, Oghuz languages, Kyrgyz language, labial harmony

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ****ПРОЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ В ТУРЕЦКОМ РОМАНЕ:
ПРАЗДНОВАНИЕ ИМЕНИН**

Селяхаттин Читчи, г. Стамбул (Турция)

Резюме. Ориентация Османской империи на Запад, берущая своё начало в период Танзимата (1817–1876 гг.), после провозглашения в 1923 г. Турции республикой проявляла себя не только в плане установления основных институтов государства и общества, она формировала общественное сознание. Турецкий роман отражает в литературе процесс модернизации и вестернизации Турции. В романах республиканского периода возможно проследить все варианты вестернизации Турции: от наиболее сдержанных до самых радикальных. Одним из них является совершенно не связанный с турецкой народной культурой и религиозной традицией феномен празднования именин. В турецком романе празднование именин выступает наиболее важным признаком вестернизации. Писатели-западники, создававшие свои произведения в тот период, не рассматривали изменение имени представителями османского общества как отчуждение от собственной культуры, они интерпретировали эту тенденцию как стремление соответствовать духу времени и приобщиться к цивилизации.

Ключевые слова: турецкий роман, именины, модернизм

Инициативы османской политической элиты по вестернизации османского общества, предпринимаемые с целью реорганизации прогнивших военных, политических и экономических структур Османской империи, со временем приобрели характер национального проекта. С установлением республиканского строя вестернизация воспринимается уже не только как средство для реорганизации основных институтов, но и как модель мышления. Республиканский строй явился главным проектом вестернизации в турецкой истории; руководители республиканской Турции наряду с преобразованием государственных институтов ставили своей целью изменить понимание турками культуры и цивилизации в соответствии с европейским греко-римским и христианским менталитетом.

В частности, подробное рассмотрение социальной и культурной сфер жизни республики Периода однопартийного правления (1923–1946 гг.) показывает, как элита республиканской Турции формировала модель нового образа жизни.

В турецких романах республиканского периода возможно проследить все виды вестернизации образа жизни людей, проживающих на территории Османской империи, начиная от наиболее сдержанных проявлений и заканчивая самыми радикальными. В качестве одного из таких проявлений вестернизации

общества можно указать совершенно не связанную с турецким национальным и религиозным наследием христианскую традицию празднования именин, о которой народ, воспитанный преимущественно в исламской морали, не знал вплоть до провозглашения республики.

Именины являются праздником, во время которого люди, носящие имена святых, поминают своих небесных покровителей. Имена и соответствующие дни поминания определяются церковью, к которой обращаются желающие дать имя ребенку родители. Празднование именин в зависимости от конфессии или культурной среды сопровождается различными ритуалами. В православной традиции именины означают день памяти того или иного православного святого; многие имена восходят к именам в Старом и Новом завете. Православные семьи, дающие своим детям имена святых, празднуют их именины в день памяти небесных покровителей детей. Именины, будучи широко распространенным праздником преимущественно в католических и православных странах, во многих европейских государствах, таких как Швеция, Норвегия, Финляндия, Германия, Франция, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Украина, Россия, Беларусь, Болгария и Греция, празднуются наряду с днем рождения. В некоторых странах, таких как Греция, многовековая европейская традиция празднования именин занимает более важное место по сравнению с днём рождения¹.

Дни именин определяются в соответствии с днями, посвященными какому-либо христианскому святому или важному христианскому деятелю. Например, если человека зовут Иисус (исп. Хесус, араб. Иса, англ. Джошуа.- прим. пер.), то день его именин отмечается 25 декабря. Поскольку день Святого Михаила празднуется 29 сентября, именины людей, носящих имя Михаил, празднуются тоже 29 сентября. Все Николаи и Никосы празднуют свои именины в день Святого Николая, то есть 6 декабря. Стоит отметить, что поскольку невозможно было найти святого для каждого дня года, в некоторых странах дни, связанные с именами выдающихся людей, ставших символами в истории данной страны, отмечаются как именины. Например, в США для людей по имени Джордж днем именин считается 22 февраля, поскольку в этот день родился первый президент США Джордж Вашингтон. В Швеции день рождения короля Карла Густава и именины всех людей по имени Карл празднуют в один день – 28 декабря. Греки также празднуют именины людей, оставивших значительный след в культурном и историческом наследии Греции, – римского императора Константина и его матери Елены

В Османской империи в дореспубликанский период празднование именин наблюдалось в основном среди православного населения, преимущественно у греков. В современной Турции именины являются традицией, сохраняемой православными церквями, прежде всего греческой, болгарской, а также армянской церковью. Каждый год 11 июня в церкви Святого Георгия при Вселенском греческом Патриархате в районе Фенер празднуется день жившего в XVI в. Святого Варфоломея. В 2005 г. в праздничном богослужении участвовал министр иностранных дел Греции Михалос Панайотис².

Исходя из всего сказанного выше можно отметить, что абсолютно западная по своему происхождению традиция празднования именин является одним из

¹ <http://www.mynameday.com>

² «Kilisede İsim Ayini», *Radikal Gazetesi*, 12 Haziran 2005. <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=155594>.

самых трагикомичных явлений турецкой модернизации. При сопоставлении турецкого романа с западным наблюдается следующая особенность: характеры и образ жизни, описываемые в турецком романе, представляют собой не столько осмысление переживаемых реалий, сколько изображение желаемой картины жизни. Празднование именин является самым типичным примером этого. В то время как в русских и европейских литературных произведениях празднование именин является вполне типичным, поскольку отображает особенности описываемого общества, в турецкой литературе данная традиция не соотносится с реалиями жизни турецкого народа.

В признанном классическом произведении русской литературы романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1833) Татьяна, находясь под впечатлением от французских романтических произведений и стремясь приобщиться к французской культуре, готовит бал по случаю собственных именин.

В пьесе А.П. Чехова «Три сестры» (1900) празднует свои именины Ирина. В романе Ф.М. Достоевского «Записки из мертвого дома» (1861–1862) сибирские каторжники, даже находясь в ужасающих условиях, отмечают именины как религиозное действо: совершают трапезу после молитвы перед иконой святого или святой с горящей свечой³. В романе «Братья Карамазовы» повествуется о том, как Карамазов-отец попал в неприятную ситуацию, возникшую на именинах одного мещанина⁴. В пьесе «Дядюшкин сон» супруг Марии Александровны, Афанасий Матвеевич, приглашен на обед по случаю именин, он надевает один из своих белых галстуков и в таком виде выглядит крайне внушительно. В высмеивающей российскую бюрократию пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836) на именины взяточнику-городничему купцы несут подарки, однако ему этого не достаточно: «Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. – И что же вы делаете? – И на Онуфрия подарки шлём.»⁵

В романе Виктора Гюго «Отверженные» Мариус пишет письма своему отцу только на Новый год и в день Святого Георгия (Saint Jory), так как отца его звали Жори. В романе Эмиля Золя «Нана» главная героиня говорит, что у нее есть второе имя – Тереза. В соответствии с этим 15 октября все мужчины, с которыми у нее была связь, осыпают ее подарками, а лейтенант Филипп преподносит инкрустированную золотом сахарницу из саксонского (майсенского – прим. пер.) фарфора.

Празднование именин, как и празднование Нового года, входит в турецкую романистику с провозглашением республики и становится рядовым явлением, в особенности, применительно к героям – представителям светских кругов. Многие турецкие романы рисуют нам те коренные перемены, которые наблюдались в общественной жизни после провозглашения республики.

Вестернизация страны, начавшаяся в османский период, с установлением республиканского строя стала основополагающим незыблемым элементом по-

³ Dostoyevski, *Ölü Bir Evden Hatıralar*, İletişim yay., 2. Baskı, İstanbul 2009, s.69.

⁴ Dostoyevski, *Karamazov Kardeşler*, İletişim yay., 11. Baskı, İstanbul 2007, s.126. Romanın diğer bölümlerinde de diğer kahramanların isim günü kutlamalarına katıldıkları görülür. Oda hizmetçisi iki kız, hanımlarından izin almadan aynı sokakta oturan bir arkadaşlarının isim günü eğlencesine katılırlar (Bkz. s.335).

⁵ Gogol Nikolay Vasilyeviç, *Bütün Oyunları (Müfettiş/Tiyatrodan Çıkış/Bir Evlenme)*, çev.Melih Cevdet Anday, Erol Güneş, Adam yay., 2.Basım, Mayıs 1991, s.115.

литики нового современного национального государства. В этот период, когда от всего, что связывало страну с ее прошлым, избавлялись как от ветоши, имена, имевшие национальные, традиционные корни или же ассоциировавшиеся с османским временем, также активно заменялись⁶. Люди, обреченные на аккумуляцию, сопутствовавшую модернизации страны, и переживавшие кризис самоидентификации, брали новые современные имена и, чтобы отпраздновать такое событие в жизни, устраивали именины. Тема празднования именин, как правило, представлена в романах турецких писателей, получивших современное образование в западных учебных заведениях на территории Османской империи или же за рубежом.

Халиде Эдип Адывар является первой представительницей феминистского направления в турецкой литературе. Несмотря на тот факт, что в период правления султана Абдул Хаида II девушкам запрещено было получать образование в иностранных учебных заведениях, Халиде Эдип Адывар закончила Американский женский колледж. Халиде Эдип, мировоззрение которой складывалось под огромным влиянием ее преподавателя Мэрри Милз Патрик, в своих произведениях выдвигает на передний план западные ценности, западную культуру и осовременившуюся турецкую женщину.

В романе Халиде Эдип «Сын Зейно» празднование именин представлено как массовое увлечение. В произведении описывается, как эти праздники отмечались в формировавшейся светской элите Диярбакыра. Героиня романа «Татарочка» Сафиназ также получает новое имя Сюзан. Ее муж, Сунгур Балта, быстро разбогатевший и ставший вхожим в высокие круги, считая, что имя Сафиназ скорее подходит для подворотни, чем для светского общества, изменил имя своей супруги на Сюзан. Она в один из воскресных дней отмечает свои именины и устраивает по этому поводу вечеринку с танцами и музыкой⁷. В романе «Бесконечная ярмарка» помимо свадеб, помолвок, дней рождения также празднуются и именины.

В романе Решада Нури Гюнтекина «Вечернее солнце» Жюлиде для того, чтобы отметить свои именины, также устраивает бал⁸. В этот период смена имени считалась демонстрацией следования духу времени и приобщения к цивилизации.

В романе Мехмеда Ниязи «Плевна» русские войска стремятся приурочить победу именно ко дню тезоименитства Александра II для того, чтобы преподнести ему подарок⁹.

И всё же празднование именин в турецкой литературе встречается редко, в то время как среди тюркских мусульманских народов Центральной Азии и Кавказа включение подобного эпизода в сюжет произведения вполне обычно. Это в основном обусловлено тем, что данные народы в период их нахождения в составе Российской империи и Советского Союза были под сильным влиянием русской культуры. Например, среди произведений известного азербайджанского поэта Бахтияра Вагабзаде имеется стихотворение «Дни моих именин», написан-

⁶ Dönemin batılılaşmış dergi ve gazetelerinde eski isimlerin değiştirilmesine ilişkin pek çok yazı çıkar. Mesela Sabiha Sertel'in çıkardığı *Sevimli Ay*'da "Taliiniz Fena Gidiyorsa İsminizi Değiştiriniz" adlı bir yazı çıkar. ..., Taliiniz Fena Gidiyorsa İsminizi Değiştiriniz, *Sevimli Ay*, nr.8, Teşrin-i evvel 1926, s.36–37.

⁷ Halide Edip Adıvar, *Tatarcık*, Muallim Ahmet Halit Kitabevi, İstanbul 1943, s.102.

⁸ Reşat Nuri Güntekin, *Akşam Güneşi*, İnkilâp Kitabevi, İstanbul, s.144.

⁹ Mehmet Niyazi, *Plevne*, Ötüken Neşriyat, 2. Basım, İstanbul, Ekim 2011, s.203.

ное в 1965 г. и посвященное именинам. В этом стихотворении автор ностальгирует по праздничным мероприятиям в честь своих именин, которые ему устраивали в детстве¹⁰.

Заключение

В республиканский период замена старых имен на новые и современные велась как признак следования духу времени и приобщения к цивилизации. Однако по сути своей этот феномен основан на комплексе неполноценности, который поколение, порывающее со своей собственной культурой, испытывает перед более сильной культурой. Понятно, что насколько имя собственное связано с самоидентификацией и личностью человека, настолько же оно является и признаком его национальной и цивилизационной принадлежности. Ведь родители дают своим детям имена, отражающие особенности их культуры и цивилизации. И если в западной культуре празднование именин являлось показателем приверженности героев религиозным ценностям и культуре своего народа, то в турецком обществе подобная традиция, наоборот, демонстрировала отдаление представителей турецкого общества от своих религиозных и национальных корней. В то же время данная традиция в самом турецком обществе воспринималась как признак элитарности и принадлежности к высшим социальным кругам. В итоге можно отметить, что представители турецких интеллигентских и писательских кругов, получившие в XIX–XX вв. образование в иностранных учебных заведениях на территории империи или за рубежом, испытывали огромное влияние своего окружения и прочитанных ими литературных произведений, что существенно влияло на их творчество: турецкие писатели активно заимствовали мотивы из иной культуры, в особенности у европейских народов.

(Перевод с турецкого – Андриан Андрианов, Елена Оганова)

Литература

- Dostoyevski F.M., *Karamazov Kardeşler*, İletişim yay., 11. Baskı, İstanbul 2007, 795 s.
- Dostoyevski F.M., *Ölü Bir Evden Hatıralar*, Ergin Altay (çev.), İletişim yay., 2. Baskı, İstanbul 2009, 416 s.
- Gogol Nikolay Vasilyeviç, *Bütün Oyunları (Müfettiş / Tiyatrodan Çıkış / Bir Evlenme)*, Melih Cevdet Anday & Erol Güneş (Çev.), Adam yay., 2. Basım, Mayıs 1991, 290 s.
- Güntekin, Reşat Nuri, *Akşam Güneşi*, İnkilâp Kitabevi, İstanbul, 336 s.
- Halide Edip Adivar, *Tatarcık*, Muallim Ahmet Halit Kitabevi, İstanbul 1943, 170 s.
- Halide Edip (Adivar), *Zeyno'nun Oğlu*, İlhâmi-Fevzi Matbaası, İstanbul 1928, 411 s.
- Kilisede İsim Ayini // *Radikal Gazetesi*, 12 Haziran 2005. <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=155594>

¹⁰ Bahtiyar Vahabzâde, *Gün Var Bin Aya Değer*, Kaynak Yay., İstanbul 2006, s.39-40.

Taliiniz Fena Gidiyorsa İsminizi Değiştiriniz // *Sevimli Ay*, nr.8, Teşrin-i evvel 1926, s.36–37.

Özdemir, Mehmet Niyazi, *Plevne*, Ötüken Neşriyat, 2. Basım, İstanbul, Ekim 2011, 390 s.

Vahabzâde, Bahtiyar, *Gün Var Bin Aya Değer*, Kaynak Yay., İstanbul 2006, 264 s. <http://www.mynameday.com>

***Selahattin Chitchi. Project of modernization
in the Turkish novel: Name day celebration***

Summary. Westernization Movements which started with Tanzimat are not only means in order to reorganize governmental agencies but also a matter of mentality after the Republic. Turkish novel is a reflection of Turkish modernization and westernization to Turkish literature. It is possible to see all westernization samples which experienced in Turkey from the most radical to the most modest in The Republican period novels. One of them is the name day celebration which has not to do with Turkish national and religious life. Pro-western writers see this kind of changing as an indicator of modernity and civilization, not as a cultural alienation. It shows separation from religious and national values and snob lifestyle of the Turkish elite society.

Keywords: Turkic Novel, Name day, Modernism

**САТИРИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО МУЗАФФЕРА ИЗГЮ:
ПОЭТИКА СЮЖЕТА**

М.В. Красиков, Е.А. Оганова, г. Москва

Резюме. Статья посвящена исследованию поэтики сюжета в рассказах известного турецкого писателя-сатирика современности Музаффера Изгю. Здесь рассматриваются такие приемы, как гипербола, гротеск, карикатуризация, прием «перевернутого мира», метафоризация/деметафоризация действительности, замена объекта повествования, парадокс, совмещение/замещение реалистического и фантастического планов повествования.

Ключевые слова: Музаффер Изгю, поэтика сюжета, турецкая сатирическая литература.

Музаффер Изгю – один из самых читаемых турецких сатириков второй половины XX – начала XXI вв., также широко известный как детский писатель и драматург. На сегодняшний день в Турции и за рубежом (в Англии, Германии, арабских странах и др.) издано более ста пятидесяти книг М. Изгю, поставлено около двухсот созданных им радиоспектаклей.

Книги М. Изгю, преимущественно его сатирические рассказы, издаются большими тиражами и пользуются популярностью среди читателей различных возрастов и социальных групп. Некоторые из произведений, написанных им для детей, входят в обязательную школьную программу Турции. О высокой популярности и народном признании автора свидетельствует и тот факт, что в Измире, где он в настоящее время проживает, его именем названа одна из улиц города.

Новеллистическое творчество М. Изгю охватывает широкий круг тем от межличностных отношений до актуальных социально-политических проблем, отраженных в основном в сатирическом ключе. Турецкая сатирическая литература имеет давние традиции, заложенные еще в произведениях авторов XV–XVI вв., таких как Шейхи, Джафер Челеби, Зати и др. В XVII в., известном также как «век сатиры», им на смену пришли Рухи, Вейси, Юсуф Наби, Омер Нефи и др. Традиции, заложенные в средневековой литературе, были продолжены и в литературе нового типа. XX в. отмечен творчеством, прежде всего, таких мастеров сатирического рассказа, как Омер Сейфеттин, Азиз Несин, Рыфат Ильгаз, чьим преемником по праву называет себя М. Изгю: его произведения сопоставимы с наследием этих писателей как по уровню художественного мастерства, так и по популярности у читателей (конечно, с учетом меняющейся литературной конъюнктуры и пристрастий современных читателей, охотнее воспринимающих литературный продукт, написанный в русле мировых литературных тенденций к «упрощению», «доступности» читательской аудитории – как смысловому, так и стилистическому).

Большинство рассказов М. Изгю построено на весьма заурядной, бытовой ситуации, развертывающейся чаще всего в привычной для читателя «среде оби-

тания» (как правило, это турецкий жилой квартал) и вполне возможной в реальной жизни. Выбирая ту или иную ситуацию в качестве сюжетного остова своего рассказа, писатель ориентируется на максимально короткий объем произведения – для подавляющего большинства рассказов М. Изгю он не превышает нескольких печатных страниц текста. Такая художественная установка писателя в значительной степени обуславливает и первоначальный выбор сюжета, и экономное, подчас, минималистское использование писателем художественных средств.

В рамках данной статьи сделана попытка выявить поэтику сюжета сатирических рассказов Музаффера Изгю, создающуюся путем «искажения» положенной в основу рассказа ситуации. «Искажение» создается благодаря активному обращению писателя ко всей палитре средств художественной выразительности, входящих в арсенал мировой сатирической литературы, среди которых приоритетными для него являются гипербола, карикатуризация, гротеск, прием «перевернутого мира», метафоризация / деме́тафоризация действительности, замена объекта повествования, парадокс, совмещение/замещение реалистического и фантастического планов повествования и некоторые другие. Изолированное или комплексное использование этих приемов в рамках одного произведения и определяет сюжетную поэтику рассказов. Главным критерием для отбора тех или иных художественных средств для писателя является его установка на то, чтобы создаваемые им сюжеты были интересными, нестандартными и запоминающимися, с одной стороны, и способствовали углублению проблемного поля рассказа, с другой.

Одним из наиболее часто используемых М. Изгю приемов является *гиперболизация*, когда вполне возможная в реальности, даже типичная ситуация получает такое развитие, какое она едва ли получила бы в реальной жизни. Так, в рассказе «Полицейский-студент» (Üniversite polisi, 1990) полицейскому, под видом обычного студента занимающемуся слежкой за студентами и преподавателями университетов, удается за несколько лет такого псевдо-студенчества получить несколько высших образований. Гиперболизация сюжета призвана отделить мысль автора о том, какие поощрения получают служители закона за слежку и подавление инакомыслия и какие широкие возможности предоставляет им эта деятельность.

Примером использования гиперболизации на уровне всего сюжета служит и рассказ «Я посмел читать в автобусе» (Belediye otobüsünde kitap okudum, 1990), в котором изображается конфликт между читающим человеком и скептически, даже агрессивно настроенным по отношению к книгам обществом. Ситуация, изображенная в рассказе, достаточно жизненна, даже обыденна: пассажир автобуса, читающий книгу, вызывает раздражение у своих нечитающих попутчиков. В реальной жизни подобные конфликты, как правило, исчерпываются словесной перебранкой. Однако в рассказе конфликт развивается по самому неблагоприятному сценарию – в него вовлекается все больше пассажиров, а также водитель автобуса, в конечном итоге главный герой попадает за решетку. Таким образом, писателю удается показать, насколько сильна в обществе антипатия к книгам и интеллигенции, и какие далеко идущие последствия может иметь эта неприязнь при определенных обстоятельствах.

Частным случаем гиперболизации, определяющей сюжетную структуру рассказа, является гипертрофированная реакция одного из героев на вполне обычную ситуацию, на которую, как правило, реагируют иначе, более сдержанно, или вообще никак не реагируют. Так, герой рассказа «Кто тут мошенник?» (Kim dolandırıcı?, 1997) решает подать в суд на депутата, который в ходе

своей предвыборной кампании обещал дать работу всем безработным, но не смог выполнить этого обещания. В реальной жизни люди понимают, что предвыборные обещания являются явным преувеличением (в лучшем случае) и не ожидают их полного и буквального выполнения. Однако герой М. Изгю упорно добивается справедливости. Не слушая предостережений родных и друзей о том, что ему лучше не ввязываться в конфликт с представителем власти, не обращая внимания на доводы о том, что так было всегда и изменить ничего нельзя, он продолжает настаивать на своей правоте. По его мнению, не выполнивший предвыборных обещаний депутат совершил мошенничество. Таким образом, М. Изгю, демонстрируя пример необычного поведения, если и не призывает последовать примеру этого героя, то во всяком случае предлагает читателю поразмыслить над тем, стоит ли воспринимать невыполнение предвыборных обещаний как нечто естественное и неизбежное.

Наряду с тем, что гиперболизации может подвергаться вся ситуация, изображаемая в рассказе, или отдельные действия героя, объектом гиперболизации могут стать и переживания героев, что для М. Изгю также служит основой для выстраивания сюжета целого рассказа. Так, герой рассказа «Пахлава» (Baklava, 1983) видит в магазине пахлаву, покупает ее, но по дороге домой приходит к мысли о том, что такая покупка сильно ударит по семейному бюджету и возвращается в магазин, чтобы вернуть пахлаву. Перед читателем разворачивается картина напряженной внутренней борьбы героя, душевных страданий, на первый взгляд несопоставимых с имеющейся проблемой – покупать или не покупать пахлаву. Однако именно благодаря такому намеренному преувеличению М. Изгю удается продемонстрировать, насколько глубоко бедность поразила жизнь его героев, с какими проблемами связано для них удовлетворение даже базовых человеческих потребностей. Нравственные страдания героя, связанные с возможностью удовлетворения его простейших физиологических желаний, формирующие сюжет произведения М.Изгю и призванные заострить проблему социальной незащищенности беднейших слоев Турции, отсылают нас к пришедшемуся на вторую половину XX в. творчеству писателей-представителей турецкого «социального реализма». Так, рассказ «Пахлава» интересно сопоставить с рассказом наиболее известного представителя данного направления Орхана Кемала «Рыба».

Гиперболизация ситуации в целом, отдельных действий героев или их переживаний встречается во многих рассказах М. Изгю, например «Мэр-герой» (Kahraman Başkan, 1999), «Отечественная виагра» (Yerli viagra, 1999), «Кран» (Musluk, 1980) и др.

Еще одним приемом, к которому часто обращается М. Изгю для перенесения положенной в основу сюжета ситуации в плоскость сатирического изображения, является *карикатуризация* персонажей и их поступков. В этом случае благодаря тому, что те или иные особенности поведения героя заостряются и подаются в необычном ракурсе, он приобретает комичные черты, а вся ситуация, в которую он оказывается вовлеченным, представляет собой карикатуру на современное автору турецкое общество. Так, в рассказе «Страна людей, разговаривающих с самими собой» (Kendi kendine konuşanlar ülkesi, 1980) карикатуризация достигается посредством экстерниоризации мыслей героев – действующие лица в рассказе начинают выражать свое недовольство не «про себя», как это обычно делают люди, а вслух, причем это явление принимает массовый характер. В результате этого складывается впечатление, которого и желал добиться М.Изгю: вся страна сошла с ума. Прием карикатуризации также встречается в

рассказах «Новости» (Haberler, 1990), «Война быков» (Öküz savaşı, 1997), «Это же мой дееед!» (Benim dedeem ki!, 1990) и др.

Излюбленное художественное средство, в значительной степени определяющее поэтику сюжета в рассказах М. Изгю, – *гротеск*, в котором обязательным является «выражение внутреннего, подлинного через искажение видимого, внешнего» [Рюмина 2010: 118]. Один из самых ярких примеров гротеска в новеллистике М. Изгю – рассказ «Полицейский участок в каждый дом» (Her eve bir karakol, 1980), в котором повествуется о том, как в конце 70-х годов XX в. в связи с участвовавшими политическими убийствами потенциальным жертвам покушений стали выделять охранников из числа полицейских. Такого полицейского-телохранителя приставили и к герою рассказа, а поскольку он отнесся к своему телохранителю очень благожелательно и поселил его в собственном доме, среди полицейских нашлось немало желающих охранять этого человека. В итоге сюжет, начавшись на базе вполне реальной, жизненной ситуации, по мере развертывания приобретает явные гротескные черты: в дом главного героя переселяется целое подразделение полиции, всю работу они делают там же, а соседи начинают воспринимать дом главного героя как полицейский участок и приходят к нему домой подавать заявления о кражах и т.п.

Так же на гротеске строится сюжет рассказа «Социальная помощь» (Sosyal yardım, 2009). Герои рассказа получают так называемую «социальную помощь», по сути дела являющуюся предвыборной раздачей угля, продуктов питания и т.п. для обеспечения лояльности электората. По ходу рассказа герои получают социальную помощь всё чаще, всё больше, всё в более широком ассортименте, и в конце концов у них и вовсе пропадает необходимость работать, так как социальная помощь полностью обеспечивает их потребности.

В других случаях гротескный характер сюжета проявляется не по ходу его развертывания, а ощущается с самого начала рассказа. В рассказе «Процесс» (Dava, 2011) изображается Турция через несколько десятков лет: по замыслу автора, в Турции будущего до сих пор продолжается процесс по делу «Эргенекон»¹. Прокурорами и судьями выступают внуки прокуроров и судей, при которых начинался процесс, а в стране появилось большое число новых тюрем, поскольку аресты по делу все это время продолжались теми же темпами, что и в начале расследования. На гротеске построены также рассказы «Приятных каникул» (İyi tatiller, 1999), «Бедняга Осман» (Yazık oldu Osman'a, 1990), «Я только попросил показать удостоверение» (Kimlik istedim, 2009) и др.

В ряде рассказов М. Изгю изображает *«перевернутый мир»*, *«зазеркалье»*, в котором хорошее выглядит плохим, плохое хорошим, черное белым, а белое черным. Например, герои рассказа «Отдаем дочку, решено» (Kızı verdik gitti, 1997) руководствуются перевернутой системой ценностей. Выдавая дочь замуж, они фактически тем более одобрительно смотрят на жениха, чем шире сфера его криминального бизнеса, так как это означает, что и денег у него много. «Ну что, сынок, весь этот героин, гашиш, деньгу-то хоть какую-нибудь приносит?» – спрашивает будущий тесть у будущего зятя. «Приносят, эфенди», – отвечает жених. «Замечательно, просто замечательно», – радуется отец невесты [İzgülü

¹ В 2007–2013 гг. в Турции прошел ряд судебных процессов над участниками тайного общества «Эргенекон», среди которых были видные общественно-политические деятели, депутаты парламента, действующие и отставные генералы, академики и профессора ведущих вузов страны, известные журналисты и публицисты. Всего по делу прошло больше четырехсот человек.

1997: 27]. В рассказе «Очень уважаемые люди» (Çok saygın kişiler, 1997) трое друзей решают стать бандитами и создать свою банду, поняв, что преступникам живется на свете лучше всего: «По телевизору мы услышали новости о воровстве, увидели, что воры преспокойно разгуливают на свободе, и притом пользуются большим уважением» [İzgü 1997: 184]. В глазах героев рассказа те, кто украл у государства миллионы, становятся самыми умными людьми; друзьям не терпится обучиться воровскому ремеслу: «До чего же умны были воровавшие, все у них шло как по маслу, никто ни о чем и не догадывался. Где же и преподавали это ремесло? Как обучали воровскому делу, за сколько дней, месяцев, лет можно было сделать из человека толкового вора?» [İbid.]. По схожей сюжетной схеме выстроен и рассказ «Банда Доймаз» (Doymaz çetesi, 1999), в котором создание преступной группы изображается как полезное для государства деяние. Один из героев рассуждает: «Банды имеют право пользоваться всем, что только есть в этой стране. Потому что члены этих банд без остатка отдают себя стране. Они могут быть начальниками, в том числе начальниками полиции, а самые главные начальники полиции могут быть депутатами. И никто им ничего не может сделать. Никто не может отдать их под суд» [İzgü 1999: 50]. В рассказе «Ворюга» (Pis hirsiz, 1999) школьники, пришедшие со своим учителем на экскурсию в суд, видят двух подсудимых: бедняка, укравшего телевизор, и богача, обвиняемого в миллионных хищениях. Богач выглядит намного опрятнее, он совершенно не похож на преступника, и дети нисколько не удивляются тому, что его оправдывают, а укравшего телевизор бедняка отправляют в тюрьму.

Если говорить точнее, М. Изгю в вышеперечисленных рассказах не «переворачивает» мир, а показывает уже существующую в обществе систему ложных ценностей и перевернутых представлений о мире. Он лишь убирает полутона, оттенки, и со всей очевидностью демонстрирует читателю, что истинные ценности в обществе оказываются настолько искажены, что герои ведут себя прямо противоположно общепринятым нормам морали и нравственности.

Другим приемом конструирования сатирической реальности в рассказах М. Изгю служат *«перевернутые» поведенческие модели героев*, что применительно к сюжету рассказа в целом создает своеобразный «сюжетный оксюморон». Так, в рассказе «Скорее бы цены подняли» (Zam müjdesi, 2011) писатель изображает героев, которые с нетерпением ожидают повышения цен, то есть ведут себя ровно противоположно тому, как ведут себя реальные люди в реальной жизни. Когда цены наконец повышают, люди бурно выражают свою радость – один из героев рассказа, узнав о повышении платы за проезд, даже целует водителя маршрутки. Другим рассказом, где данный прием проявляется очень наглядно, является рассказ «Взломщик» (Soyguncu, 2011) – вор приходит к рассказчику домой, и оба они реагируют на эту встречу совершенно неестественным для данной ситуации образом:

- Здравствуйте, вы к кому?
- Да я вот кражу пришел совершать, аби, я войду, если разрешите.
- Да-да, конечно, добро пожаловать... Спасибо.

Из кухни послышался голос жены:

- Кто там, Орхан?
- Да грабитель, оказывается, пришел вот нас грабить...
- А-а, вот оно что, ну, пускай грабит, конечно [İzgü 2011: 71].

И действительно, вместо того чтобы попытаться воспрепятствовать вору, хозяин помогает ему обкрадывать собственный дом. Однако и вор поступает не-

ожиданно – поняв, что пытается обворовать бедных пенсионеров, он покидает дом ничего не взяв, и более того, уходя, сам дает хозяину двести лир.

М. Изгю прибегает и к такому распространенному в сатирической литературе приему выстраивания сюжета, как *метафоризация действительности*. В рассказе «Инжирлик» (İncirlik, 1999) Турция представлена образом оливкового сада, турецкое руководство – престарелым хозяином этого сада. Внуки хозяина (то есть турецкий народ) предостерегают его о том, как неразумно разбазаривать свой сад, позволять заграничному другу дедушке Хансу (явный намек на страны Запада и США) самочинно распоряжаться в саду. Вообще, завуалированное упоминание США нередко для рассказов М. Изгю: как правило, они «прочитываются» за откровенно ироничным определением «дружественная и союзная страна» – к США автор испытывает отчетливо проявляющуюся в тексте рассказов стойкую неприязнь.

Пример еще одной развернутой на уровне сюжета метафоры можно наблюдать, например, в рассказе «Главный по бабайкам» (Ösücübaşı, 1999), где образ «бабайки» символизирует СССР, так называемую «коммунистическую угрозу», которой турецкие власти долгое время запугивали свой народ. На метафоре построен сюжет таких рассказов, как «Официальный государственный медведь» (Devletin resmî ayısı, 1990), «Правительство танцует Чифтетелли» (Hükümet çiftetellisi, 2005) и др. Особенно характерно использование метафор в стилизованных под сказку рассказах, в создании которых М. Изгю следует традициям своих предшественников – Назыма Хикмета, Сабахаттина Али, Яшара Кемала, Азиза Несина и др. [подробнее см. Ларионова 2009].

Стилизация под сказку как частный способ метафоризации действительно проявляется у М. Изгю на всех уровнях – как в строении сюжета, так и в наличии формул и других стилистических маркеров сказки. Характерный пример – написанный в «сказочном» стиле рассказ «Разыскивается негодяй» (Namussuz ayanıyog, 1990). Сюжет рассказа развивается по характерной для сказок модели – от недостачи к ликвидации чего-либо: в некоторой стране отсутствует негодяй, его начинают искать, но не находят и тогда отправляют посольство в дальнюю страну (под которой подразумевается Америка), чтобы привезти какого-нибудь негодяя оттуда. Рассказ написан в характерном для сказок прошедшем времени на -miş и начинается с типичного сказочного зачина: «Было ли, не было ли, была на свете одна страна». В рассказе «Кто поимел Демократию?» (Demokrasiyi kim ş'aptı?, 1980) демократия изображается в виде сказочной красавицы: ее лицо расцветает лепестками роз, когда она смеется, на щеках играют прелестные ямочки и пр. Под «некоторой страной», в которой живет красавица-Демократия, в этом рассказе, как и во многих других, подразумевается Турция. Подобный прием изображения Турции под видом несуществующей страны не нов для турецкой литературы. Им пользуется, например, Азиз Несин в рассказе «Как перевернуть кресло» (Bir koltuk nasıl devrilir, 1961), в котором писатель изображает «государство Туштук, расположенное на северо-востоке континента Хапария, в горной труднодоступной местности между горами Джаперос и рекой Вирназут» [Nesin 1990: 12].

Аллегорическое и метафорическое осмысление проблем современной Турции и человеческих взаимоотношений зачастую проводится М. Изгю с использованием образов животных. Включение животных в разряд главных героев повествования имеет две функциональные нагрузки: перенесение на животных качеств, присущих людям, и противопоставление качеств животных и людей не в пользу последних. Так, в рассказе «Записки Робинзона» (Robinson'un anıları,

1990) некий «Робинзон», занимающийся разведением овец на острове, рассказывает о том, как он решил создать политическую партию. Робинзон выступает в роли учредителя партии, а его овцы – в роли рядовых членов партии. Овец, наиболее привязанных к нему, он делает министрами. Разумеется, через поведение животных автор изображает поведение людей в реальном обществе: « – Эй, бараны, ну-ка, говорю вам: смотрите на меня. Я объявляю себя генеральным председателем партии, хорошо? – Меее меее меее!».

Роль животных в данном рассказе и в ряде других рассказов писателя как нельзя лучше определяет следующее утверждение исследователя смеха и комического М.Т. Рюминой: «Еще со времен Аристотеля в эстетике утвердилось положение, что комическое, как и трагическое, есть характеристика только человека и его различных проявлений, в природе же комическое отсутствует. Если же мы смеемся над чем-то природным, скажем, над животными или какими-то неодушевленными явлениями, то смеемся постольку, поскольку они несут в себе какое-то определенное сходство с человеком и его проявлениями. Это совершенно верное замечание» [Рюмина 2010: 183].

В рассказе «Официальный государственный медведь» М. Изгю под видом медведя изображает президента страны (Тургута Озала), который ведет себя не очень чисто, однако наказать его не представляется возможным, так как он официальное лицо и государственный деятель. Впоследствии М. Изгю даже пришлось давать показания в прокуратуре в связи с этим рассказом, так как его пытались обвинить в оскорблении высших лиц государства. Если в «Воспоминаниях Робинзона» и «Официальном государственном медведе» под масками животными изображаются люди, то в рассказе «Ослы» (Eşekler, 1990) автор противопоставляет животных людям, демонстрируя, что свойственная людям чрезмерная жестокость невозможна в мире животных: «Послушай меня, осленок. Все, о чем ты тут рассказывал, присуще людям. Мы, ослы, умеем вести себя по-ослиному и не совершаем подобных человеческих поступков, даже не думаем об этом» [İzgü 1990: 84]. Подобным образом и в рассказе «Прошу прощения у пиявок» (Sülüklerden özür dilerim, 1990) М. Изгю также сравнивает животных и людей не в пользу последних. Главный герой рассказа называет пытавших его полицейских «пиявками» (т.е. кровопийцами) и тут же извиняется перед настоящими пиявками, ведь они не способны на подобную жестокость.

В некоторых рассказах М. Изгю пользуется противоположным метафоризации приемом – *деметафоризацией*, или «овеществлением / развоплощением метафоры». Развоплощение метафоры, предусматривающее умышленное нарушение привычных логических конструкций, является одним из самых эффективных средств создания гротескного мира, в котором открывается «простор для игры с реальностью, для разложения и свободного перемещения ее элементов, так что обычные соотношения и связи оказываются в этом заново построенном мире недействительными» [Эйхенбаум 1927: 322]. В этом случае метафора лишается своего переносного значения и понимается буквально. В рассказе «Истязатели» (İşkenceler, 1980) речь идет о том, что представители крупного бизнеса несут ответственность за проблемы рядовых граждан, о том, что они эксплуатируют население ради своей выгоды, то есть «мучают людей». Разумеется, мучения, которым они подвергают людей, являются все же метафорой, абстракцией, так как они никого не мучают физически, а только проводят такую политику, которая становится причиной страданий людей. Однако в этом рассказе писатель упрощает сложные причинно-следственные связи и изображает воротил бизнеса

настоящими истязателями, пытающими и избивающими героя рассказа. В рассказе «Кто подрывает основы государства?» (Devletin temellerine dinamik koynlar, 1980) простодушный житель глубинки, услышав в телевизионном обращении премьер-министра слова о том, что кто-то «закладывает динамит в фундамент государства», решает, что он должен охранять этот фундамент, и отправляется в столицу, чтобы узнать, где этот фундамент находится.

В целом ряде рассказов для достижения сатирического и юмористического эффекта писатель применяет *замену объекта повествования*. Для того чтобы обличить стремление правящей элиты к роскоши, автор в рассказе «Гостеприимная деревня» (Konuksever köy, 1990) выбирает местом действия не Анкару или Стамбул, не министерства и департаменты, а маленькую деревню в азиатской глубинке. Роскошные предметы быта, напитки и сигареты, которыми пользуются министры и их подчиненные, попадают в эту деревню благодаря тому, что несколько человек из деревни работают в столичных министерствах в качестве швейцаров. Рассказчик, приехавший в деревню в составе некоей делегации, узнает о происхождении предметов, которыми они пользуются во время банкета, от старосты, организовавшим банкет. Таким образом, в данном рассказе имеет место, во-первых, замена места действия – столица/деревня, а во-вторых, объекта – люди/предметы, которыми они пользуются. По тому, какие дорогие импортные вещи привозят домой швейцары, читатель может только догадываться, какой роскошью окружены сами министры.

В рассказе «На помощь, спасите!» (İmdat, kurtarın bizi!, 1990), темой которого являются пытки в полицейских участках, жертвами насилия оказываются сами полицейские. Один из героев рассказа был так поражен этой перемене, что даже потерял сознание: «Раньше-то всегда простых граждан привязывали к столу да к стулу, подвешивали под потолком, а когда увидел в таком положении полицейских, у меня прямо давление упало, и я грохнулся» [İzgi 1990: 57]. Замена ролей помогает автору продемонстрировать, до какой степени укоренился в людях страх перед полицией. Даже увидев перед собой связанных, взывающих о помощи полицейских, герои рассказа предпочитают убежать не оказав помощи, не «связываться», так как боятся, что их непременно в чем-нибудь обвинят.

В рассказе «Чернокожий футболист» (Zenci futbolcu, 1997) М. Изгю подтрунивает над тем, как футбольные клубы за миллионы долларов покупают друг у друга футболистов, в том числе африканского происхождения. Однако объектом повествования он избирает не какой-либо знаменитый футбольный клуб, а футбольную команду маленького провинциального городка, вследствие чего весь процесс поиска и покупки футболиста превращается в фарс.

В рассказе «Дядюшка Хасан» (Hasan Amca, 2009), посвященном политическим процессам по делам «Эргенекон» и «Кувалда», М. Изгю делает главным героем не политика, военного или общественного деятеля, а пенсионера, всю свою жизнь проработавшего путевым обходчиком. Дядюшка Хасан начинает опасаться, что его безобидное хобби – собирать обрывки писем, газет и прочие бумаги, выкинутые пассажирами поездов, – может привести и его на скамью подсудимых, а все эти бумаги станут материалами следствия. Все более и более поддаваясь страху, пенсионер сходит с ума. Таким образом, писателю удается продемонстрировать, что истерия вокруг этих судебных процессов достигла в обществе крайней степени и даже не имеющие никакого отношения к этим делам обыватели не чувствуют себя в безопасности и боятся стать жертвой «охоты на ведьм».

Еще одним интересным приемом, к которому прибегает писатель в выстраивании остова повествования, является *парадокс*, в основе которого лежит, как правило, развертывание устоявшегося клише, устойчивого сочетания в цельный сюжет. Рассказ «Слава богу, мы голодны» (Hamdolsun açız, 2009) построен на выражении «Hamdolsun» ('Слава богу'). Рассказчик начинает вдумываться в значение этого выражения, которое члены его семьи произносят после еды. Он приходит к выводу, что поскольку питаются они очень плохо, говорить «Слава богу» было бы не очень логично. Таким образом, в название рассказа в виде оксюморона вынесено противоречие, положенное в основу сюжета.

Другим сюжетобразующим приемом, основанным на пристальном внимании к слову, на лингвистических наблюдениях писателя, является *семантическая подмена*. Главный герой рассказа «Адалет... Адалет...» (Adalet, adalet, 1990) разминутся со своей женой по имени Адалет (справедливость, правосудие) во дворце правосудия. Пытаясь найти свою жену, он стал бегать по дворцу и кричать «Адалет, Адалет!», в результате чего его упекли за решетку за дебоширство. На первый взгляд, здесь изображен просто смешной случай, произошедший из-за недоразумения. В подтексте произведения – авторский намек на то, что во дворце правосудия больше нет правосудия, а те, кто его ищет, могут сами угодить за решетку. К рассказам, построенным на языковых парадоксах, игре слов, можно отнести также «Береги себя» (Kendine iyi bak, 1997), «Море у вас под ногами» (Deniz ayağınızın altında, 1980), «Не раздевай меня, мне стыдно» (Soyma beni utanırım, 2002) и др. Добавим, что все эти рассказы в то же время представляют собой своеобразный «лингвистический анекдот».

Поэтику сюжетов ряда рассказов М. Изгю определяет *совмещение/замещение реалистического и фантастического планов* – от отдельного фантастического допущения (включение в ткань повествования фантастических/мифологических персонажей и пр.) до полного выхода за границы реальности (перенесение действия в загробный мир, повествование «с того света» и пр.). Как правило, рассказы такого типа построены на постепенном совмещении реалистического и фантастического дискурсов или «внезапном», обескураживающим читателя замещении реалистического дискурса фантастическим (эффект, к которому, собственно, и стремится М. Изгю)

Рассказ «Потусторонний мир» (Öteki dünya, 1999) начинается с размышлений рассказчика, возвращающегося домой в своей машине. Реалистический план повествования сменяется на фантастический после того как, попав в аварию, рассказчик погибает и вместе с другим погибшим водителем, чье хамское и безответственное поведение на дороге и стало причиной аварии, начинает подниматься в потусторонний мир. В финале рассказа героев разделяют: рассказчик отправляется в «Потусторонний мир для людей», виновник аварии – в «Потусторонний мир для быдла». Описание судьбы персонажей в загробном мире позволяет автору выразить свое отношение к типу, представленному отрицательным персонажем, провести мысль о том, что люди, совершающие подобные хамские поступки, рано или поздно понесут заслуженное наказание.

В рассказе «Каждому по подушке» (Herkesine bir yastık, 1999) местом действия является реальный мир, но с главным героем происходит фантастическое происшествие: путешествуя на мотоцикле по окрестностям города Сельчук (по данному маршруту любит путешествовать на мотоцикле и сам М.Изгю), герой встречается с мифологическими персонажами, известными в христианской, а

вслед за ней и в исламской традиции как «Семеро спящих»². По просьбе одного из них, Мекселины, герой рассказа сообщает о том, что в данный момент происходит в Турции и вообще в мире. Мекселина дает критическую оценку турецкому обществу, пребывающему в полном бездействии, апатии, в состоянии «вечного сна»: «Эээй, Йемлихааа, ээй, Мернуууш, ээй Сазнууш, ээй Дебернууш, ээй, Меслина, вставайте же! Поднимитесь и посмотрите на 65 миллионов сонь!» [İzgü 1999: 13]. Участие мифологических персонажей не только позволяет сделать рассказ более оригинальным и занимательным, но и придать высказываемой критике объективность: ведь данный мифологический персонаж смотрит на Турцию как бы со стороны, из глубины веков, он сам не является членом турецкого общества. Кроме того, наличие персонажа, который «долго спал и все пропустил», позволяет автору органично вписать в рассказ краткое изложение основных событий политической жизни Турции последних лет и дать им оценку, вложенную в уста главного героя.

В отличие от рассказов «Потусторонний мир» и «Каждому по подушке», где реальное и фантастическое переплетаются/взаимозамещаются задолго до сюжетной развязки, в рассказе «У всякого начальника есть свой начальник» (Deveden büyük fil var, 1980) фантастическая доминанта «раскрывается» в самом конце и проявляется совершенно в другом ракурсе. Весь сюжет данного рассказа от начала и практически до конца подан в реалистическом ключе: рассказчик повествует о том, как на него было совершено покушение, о том, как он тщетно пытался обезопасить свою жизнь, обращаясь в полицию и другие вышестоящие инстанции, в финале рассказа обескураживая читателя признанием, что в конце концов он был застрелен на пороге собственного дома. Предвидя вопрос читателя о том, как он может об этом рассказывать, если его застрелили, рассказчик говорит: «– Вы сейчас спросите, так ты что же, с того света, что ли, пишешь? – Да, с того света... потому что живых в этой стране больше не ценят; ну, ладно мы мертвые, может, хоть соседи поумнеют, скажут “пожалуй, не будем теперь так захлопывать окна, когда где-то стреляют”» [İzgü 1980: 103]. Тот факт, что герой уже мертв, подчеркивает серьезность проблемы; его слова звучат горьким упреком властям, не сделавшим ничего для обеспечения безопасности героя, и соседям, не пожелавшим помочь расследованию. Переплетение реального и фантастического планов также встречается в рассказах «Ной наших дней» (Modern Nuh, 1980), «Не раздевай меня, мне стыдно» (Soyma beni utanırım, 2002) и др.

Итак, как мы попытались продемонстрировать, что поэтика сюжетов большинства рассказов М. Изгю определяется их краткостью, увлекательной «аранжировкой» привычных, даже заурядных бытовых ситуаций, проблемной емко-

² «Семеро спящих» (Yedi Uyuyanlar), «те, кто в пещере» (Ashab-ı Kehf), «семь спящих отроков» – молодые люди, спрятавшиеся вместе с собакой в пещере вблизи античного города Эфеса, чтобы уберечь свою веру в единого бога во время преследований. Сюжет изложен в 18-й суре Корана «Пещера». Согласно Корану, Аллах усыпил их на 309 лет, которые показались им как «день или часть дня». Впоследствии юноши были снова усыплены в той же пещере, на этот раз до времени Страшного суда и пробуждения мертвых. Коранический рассказ является вариантом христианского сказания о «семи спящих отроках эфесских». В православной традиции отроки носят имена Максимилиан, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан, Антонин, в мусульманской – Мекселина (Mekseline), Йемлиха (Yemliha), Мислина (Mislina), Мернуш (Mernuş), Сазенуш (Sazenuş), Дебрениуш (Debrenuş), Кефештетаюш (Kefeştetayuş) и собака по кличке Кытмир (Kitmir). Именно под такими именами они и представлены в рассказе М. Изгю.

стью, нетипичным ракурсом подачи материала, что создается благодаря мастерскому использованию писателем комплекса различных художественных средств и приемов. Характерно также, что ситуации, положенные в основу сюжета рассказов М. Изгю, будучи типичными не только для турецкого общества, «перерастают» его, ведь проблемы, затронутые писателем, знакомы и понятны читателям и других стран, что и определяет популярность писателя не только в Турции, но во многих других странах мира.

Литература

Ларионова 2009 – *Ларионова Е.И.* Современная турецкая литературная сказка: типология и эволюция жанра / Дисс... к.ф.н. – М., 2009.

Рюмина 2010 – *Рюмина М.Т.* Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность. – М., 2010.

Эйхенбаум 1927 – *Эйхенбаум Б.М.* Как сделана «Шинель» Гоголя. Литература: Теория. Критика. Полемика. – Л., 1927.

İzğü 1997 – *İzğü, Muzaffer.* Hırsız köpek. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 1997.

İzğü 1999 – *İzğü, Muzaffer.* Herkese bir yastık. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 1999.

İzğü 2011 – *İzğü, Muzaffer.* Padişahım çok yaşa. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 2011.

İzğü 1990 – *İzğü, Muzaffer.* Bir namussuz aranyor. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 1990.

Nesin 1990 – *Nesin, Aziz.* Bir koltuk nasıl devrilir. – İstanbul: Adam yayınları, 1990.

Krasikov Maxim, Oganova Elena. Satiric short stories of Muzaffer Izgu: Poetological features of the plot

Summary. The article is devoted to the analysis of poetological features of the plot in the short stories of Muzaffer Izgu – one of the most popular modern Turkish satiric writers. The authors dwell on such poetological features as hyperbole, grotesque, methods of caricaturing, metaphorization, demetaphorization, substitution of the objects of narration, convergence/substitution of realistic and fantastic levels of the narration.

Key words: Muzaffer Izgu, poetological features of the plot, Turkish satiric literature.

**СТИЛЕВЫЕ ИСКАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(в контексте романа А. Нурпеисова «Половодье»
и Т. Каипбергенова «Зеница ока»)**

З.У. Бекбергенова, г. Нукус (Узбекистан)

Резюме. В данной статье в сравнительно-типологическом аспекте исследуется проблема стилизованных исканий в романах казахского писателя А. Нурпеисова «Половодье» (1983) и каракалпакского писателя Т. Каипбергенова «Зеница ока» (1986). В двух романах поставлен вопрос защиты экологии Аральского моря, Амударьи и Сырдарьи. Писателей связывает общая идея – своевременное художественное отображение глобальной экологической проблемы одновременно с общечеловеческой. Ниже анализируются идейно-тематическое содержание произведений, мастерство авторов в использовании диалогов и монологов при раскрытии образов и характеров героев, а также построении конфликта.

Ключевые слова: экологическая проблема, диалог, монолог, стилизованные искания, конфликт, характер.

В 80-х годах прошлого века почти одновременно с дилогией «Половодье» («Сең») автора известной трилогии «Пот и кровь» («Қан мен тер») А. Нурпеисова вышел в свет роман Т. Кайыпбергенова «Зеница ока» («Көздің қарашығы»). Окончательный вариант романа А. Нурпеисова был издан под названием «Последний долг» в 1999 г. «Но осмысление его <...> идет и сейчас и, думается, будет идти в дни грядущие, как оно бывает с настоящими текстами – с книгами, на которых лежит отблеск вечности» [Арцишевский 2012]. Дилогия «Последний долг» получила широкое признание общественности, и в 2003 г. автору была присуждена международная премия имени М.А. Шолохова.

Проблему стилизованных исканий писателей Центральной Азии мы решили показать в сравнительно-типологическом аспекте на примере указанных двух романов – «Половодье» («Сең») А. Нурпеисова и «Зеница ока» («Көздің қарашығы») Т. Каипбергенова. У каждого из этих писателей свой путь, свое видение общественной жизни и художественного отображения реальной действительности. Но их сближает одна идея – они смогли своевременно отобразить главную проблему нашего времени – состояние экологии Арала, Амударьи, Сырдарьи, играющих важную роль в сохранении природы Средней Азии и Казахстана, причем параллельно с вопросами общественной морали и этики.

Роман «Зеница ока» Т. Кайыпбергенова подчеркивает идею о необходимости беречь совесть как зеницу ока. В романе подняты две темы: одна – земли и воды, вторая – раскрытие отрицательных качеств характера человека. Описание непрерывной борьбы между старыми и новыми понятиями ведется на основе жизненных событий, полных драматизма. Застойное положение хозяйства «Жа-

налык», руководителем которого является Ержан Сержанов, сравнивается с усохшим старым руслом Амударьи. Тема борьбы добра со злом, вопросы чести и совести рассматриваются автором параллельно с идеей беречь природу как зеницу ока. Поэтому, несмотря на некоторое несовершенство художественного уровня, произведение получило положительную оценку критиков [Шермухамедов 1986: Орынбетова 1995].

Значение романа «Половодье» в том, что писатель с большим чувством описывает положение Аральского региона, Бель-Арана, Сырдарьи, свидетелем кризиса которых он стал, раскрывая неприглядные поступки ряда людей, ставших причиной сегодняшней тяжелой экологической обстановки. Каким путем можно сберечь Арал от высыхания? Поиск ответа на этот вопрос автор ведет через раскрытие психологического состояния героя, его мыслей. Поэтому этот роман-диалогия оценивается литературным критиком Бекеном Ыбыраймовым так: «В данном виде «Половодье» – настоящий психологический роман» [Ыбыраймов 1984:77–79].

Как объёмные характеры героев романа «Зеница ока» – Даулетова, Сержанова, Нажимова, Завмага, Шарипы, старика Кудайбергена, старухи Айлар, Светланы, старика Нуржана, так и неповторимые типы героев романа «Сең» – Жадигер, Азим, Бекизат, Жуан кара, Коткеншек кошен, Сары Шаи, Сары Иван, шофер и другие, показывает, что оба писателя глубоко изучили своих современников и смогли художественно передать их внутренний мир во всём разнообразии. В романе «Зеница ока» проблема конфликта и характера раскрывается на примере хозяйства «Жаңалық», а в романе «Половодье» – через описание жизни и быта народа, рыбаков Аральского региона. В двух романах явно чувствуется любовь к родной земле, ее природе.

Жаксылык Даулетов пришел в хозяйство «Жаңалық», чтобы исправить ранее допущенные прежним директором Ержаном Сержановым ошибки и недостатки и поставить на ноги дела этого хозяйства, попавшего в затруднительное положение. *«Товарищи, – сказал Даулетов, – представьте себе нашу родную Амударью. Одно время это была полноводная и быстротечная река. Иногда она омывала оба берега, даже могла затопить близлежащие аулы. С этим напором она вливалась в Арал. Теперь же вам известно, воды Амударьи уменьшились, Арал высыхает. Теперь она не то что затопить, не может даже своевременно доставить воду посеваемым землям этих аулов, создавая много проблем... Судьба хозяйства «Жаңалық» стала похожей на судьбу Амударьи»* [Кайыпбергенов 1986: 135-136]. Эти справедливые слова Даулетова не понравились Сержанову и его окружающим. Для людей хозяйства «Жаңалық» Сержанов был как родной отец. Причина этого кроется в том, что он вопросы выполнения плана решал без лишних хлопот, никого не беспокоя. Он хорошо сходится как с вышестоящим руководством, так и со своими подчиненными. Используя слова «друзья», «дорогие», «братья» он хитростью мог договориться с ними. *«Дорогие братья, – сказал он, поднявшись, – я от всей души благодарен вам, я вырос среди вас. Мой народ, я умру, если вы прикажете, я ничего не пожалею ради вас. Я согласен на все.... – Сержанов говорил не очень сильно»* [Там же: 40]. Этот монолог Сержанова прозвучал при освобождении его от должности. Люди, раньше не слышавшие строгое слово «товарищи», с некоторым недоверием смотрят на Даулетова. Привыкшие к Сержанову, они долгое время с трудом достигают взаимопонимания с Даулетовым. Опытный руководитель, Сержанов всегда чувствовал себя собственником хозяйства «Жаңалық» и живущих в нем людей. Директорское

кресло навсегда должно быть за ним. Возможно, поэтому за последние двадцать пять лет он ни разу не был в родных краях, оставаясь слугой директорского кресла. Он не пожалеет того, кто выступит против него. Вот что пишет Ш. Амиров в статье «Гражданское кредо Даулетова» об особенностях раскрытия в романе главного конфликта между Сержановым и Даулетовым и методами их работы: «Линия Даулетова и Сержанова характеризует борьбу между справедливостью и подлостью» [Амиров 1988: 85].

Производственный конфликт между героями, а также психологический конфликт в их мировоззрении мастерски передается через диалоги и монологи героев.

«...Сержанов не мог найти никакого изъяна ни в своей жизни, ни в своей работе последних лет. По его мнению, его несправедливо освободили от должности. К тому же назначение Даулетова – вторая ошибка руководства. Пусть меня освободят, но они не должны были вместо меня назначать Даулетова... Действительно, мое освобождение от должности само собой большая ошибка. Можно ли было освободить по заявлению?.. Столько лет моих заслуг... Сколько трудился за честь района, области. Я хотел, чтобы они одумались, стали просить меня, а они что сделали? Почему они плюют на мои заслуги? Все это для меня большой позор. Пусть так поступают. Пусть отправляют кого угодно, но не Даулетова...» [Кайыпбергенов 1986: 52].

Таковыми средствами автор ясно и четко передает неприглядные черты характера героя через его психологическое состояние. А как же раскрыт образ Жаксылыка Даулетова в романе? Главная черта Даулетова как нового директора – обеспечить ответственность каждого за свою работу. Поэтому в год своего прихода в хозяйство он испытывал большие трудности: особенно много хлопот ему было в работе с Сержановым, завмагом и с поддерживающим их руководителем района Нажимовым. Стараясь раскрыть все недостатки в работе, Даулетов сталкивается с различными препятствиями, устраиваемыми Сержановым, сложностями в выполнении плана по сбору хлопка, что стало большим ударом для него. Но он старается преодолеть все невзгоды. Интересен момент, когда Даулетов доверяет ответственную государственную работу Сержанову, хотя знает о его с ним противостоянии; факт, доказывающий, что Даулетов еще недостаточно опытен в деле руководства.

В романе «Половодье» многопланово решены вопросы сегодняшнего и завтрашнего дня. Герой произведения Жадигер – руководитель рыболовецкого общества. Он сталкивается с различными трудностями как в работе, так и в личной жизни. По окончании учебы в Алма-Ате Жадигер приходит к одному из больших руководителей Жуану кара. При этом через поведение Жуана кара перед нами предстает типичный живой портрет некоторых руководителей: *«Жуан кара еще раз откинулся своей широкой, как у кабана, спиной на скрипящую спинку кресла и громко засмеялся. При этом его большой, как набитая подушка, живот ходил взад-вперед. Его полный подбородок тоже двигался. Щеки с обвислыми губами также двигались в такт его смеху. Вдруг он остановил свой смех, наполнивший маленький кабинет, и уставился на влетевшую откуда-то черную муху. Следя за мухой, которая, жужжа, летела по комнате, то поднимаясь вверх, то слетая вниз, он стоял с газетой-опахалом, держа его дубинкой. Он теперь забыл о надоевшем с утра неуклюжем чернявом «сопляке», напомнившим ему прошлую жизнь, унесенную горячим ветром Арала»* [Нурпейсов 1983:13].

В этот раз черты, не соответствующие характеру руководителя учреждения,

удивили его настолько, что отпечатались в его памяти. Он встретился с Жуаном кара через много лет в Алма-ате на одном собрании. Тот полностью изменился. Очень удивился тому, что Жуан кара стал кандидатом наук и предался удовольствиям, не имея хоть какого-то верного представления о родном крае, народе, Арале. Однако исполнились и мечты Жадигера, когда он приезжает к себе в аул, находящийся вблизи Арала. Но на пути к своей мечте он потерял больше, чем нашел. *«Если говорить о жизненных и общественных противоречиях, – как отмечает сам писатель, – зло и добро, честность и подлость до настоящего времени идут рядом. И их проводниками являются люди разных характеров»* [Ыбыраймов 1984: 178].

Жадигер – человек, думающий о судьбе Арала, активно беспокоящийся о жизни рыбаков, всей душой любящий природу родного края. Терпеливость, стеснительность, спокойствие характера Жадигера бросаются в глаза. Вот мысли Жадигера как руководителя: *«С тех пор дехкане, живущие на обоих берегах широкой Сырдарьи, стали брать из нее воду то для хлопка, то для риса, то для скота, то для людских нужд, и к устью реки не оставили ни капли воды. А далее – быстротечные воды Амударьи, стремительно уносящие поплавию в ее волны лодку, сильные мира сего обратили вспять и увели куда-то дальше, в Каракумы. Этого показалось мало, и сегодня посмотрите на старика Арала, считавшего, что пока на земле будет жизнь, ему ничто не угрожает. Как только ушли его воды, он стал похож на несчастного человека. И ты с тех пор изменился...»* [Нурпейсов 1983: 21].

Опасность природной катастрофы для жизни и здоровья людей, участь усыхающего Арала раскрывается параллельно и в связи с судьбой самого Жадигера, еще одного сына пустынной шири. Конфликт между героями построен на противостояниях в общественной и личной жизни. Например, Жадигер и Азим различаются по характеру, мировоззрению, различны их взгляды на окружающий мир, народное дело, жизненные проблемы.

Азим – кандидат экономических наук. Его характер, внешний вид отличен от Жадигера. Это очень активный человек, который может откровенно выразить свою мысль, никого не стесняясь. Может спеть, когда надо, сглаживая при этом недостатки шутками. Худощавый, светловолосый красивый Азим совсем не похож на Жадигера. Чернявый, совестливый, стеснительный Жадигер взвешивает каждое свое слово. Оба они выросли вместе в ауле, были друзьями и поступили на учебу в институт в столице. В студенческие годы они влюбились в одну девушку – Бекизат. Бекизат дружит с Азимом, но между ними происходит размолвка, и она выходит замуж за Жадигера, вследствие чего между друзьями возникает противостояние. Тринадцать лет жизни, проведенные Жадигером с Бекизат, кажутся ему пустыми. Конфликт состоит и в том, что Бекизат оставила своего мужа и ушла к Азиму.

Различаются их душевные переживания, их мысли об Арале. Одно из научных открытий Азима состоит в том, что он предлагает высушить Аральское море и выращивать на его месте хлопок и продовольственные растения. А Жадигер против такого предложения.

«... Кто только не руководствовал этой страной? Он помнит, что в последнее время был на приеме у многих из них. Когда им с горечью говоришь о высыхающем море, страдающем народе, ох, подлецы, который из них стал действовать? Как только попадешь на прием, оставляют наедине, а когда поймут, о чем речь, сразу становятся хладнокровными...» [Там же: 135].

Жадигер знает быт рыболовецкого аула, знает трудности в выполнении плана. Его не интересуют удовольствия, он предан своему делу. А его противник Азим не согласен с предложением Жадигера, связанным с защитой интересов рыболовецкого хозяйства. Его предложение осушить море и выращивать на его месте хлопок не нравится Жадигеру и его аульчанам. Жадигер был среди кочующего народа и своими глазами видел все невзгоды, которые пережил его народ. Ему не нравятся поступки других руководителей, допускающих очковтирательство, приписки, взяточничество, подхалимство. Для читателя, Жадигер с его пассивностью, неумением постоять за свое мнение получает от автора романа как бы слабую личностную характеристику на фоне других образов романа.

При этом мы видим опустевшие аулы, высыхающий Арал, народ у безводной Сырдарьи, а также образы Жадигера, Азима, Бекизат – всё это являет собой тяжелую картину жизни людей этого региона. Подобное мы наблюдаем и в романе «Зеница ока» Т.Кайыпбергенова. Вот внутренний монолог старика Нуржана о своей единственной дочери Шарипе Сержанове: *«Не обманул ли он мою Шарипу, намереваясь бросить свою жену и дочь? Ой, несчастная моя дочь, у тебя тоже не сложилась личная жизнь. Твое счастье похоже на Амударью, оно напоминает мне Аральское море. Говорят, что среда, природа каждого края действует на его народ. Несчастливая моя дочь, не подействовала ли на тебя среда с безводной Амударьей, высыхающим Аралом? Боже упаси»* [Кайыпбергенов 1986: 258]. В романе «Половодье» образ Бекизат, описание ее внешности и характера вышли неплохо. Но, думая о личном спокойствии, она не смогла побороть тяготы жизни и оставила мужа, с которым прожила тринадцать лет. При сравнении ее образа с гидрологом Шарипой («Зеница ока»), в словах и характере Бекизат нельзя найти заботы о судьбе народа.

В двух произведениях схожи деловые и личностные качества героев, но их характеры отличаются друг от друга. В конце романа «Зеница ока» судьба Жаксылыка Даулетова, после его ранения, вселяет большую надежду: он решает исправить свои ошибки, допущенные в руководстве, и начать свою работу заново. А в романе «Половодье» мы видим Жадигера во время ледохода, погруженного в тяжелые думы, не находя решения вопросов о судьбе своего опустевшего аула и о собственной судьбе.

Оба романа написаны в одно и то же время и посвящены вопросам современности, оба автора имеют свой взгляд, свое видение их решения. Вывод, к которому приходит читатель, подводит к идее о том, что человек не должен руководствоваться личными интересами, а должен бороться за счастье родной земли, своего народа, потому что он член этого общества.

Мы рассмотрели образы Сержанова в «Зеница ока», Азима и Жуан кара в романе «Половодье», думающих о личной выгоде. Они несчастны, хотя их карманы набиты деньгами. Оба писателя убеждают нас в этом. Можно присоединиться к авторской позиции в вопросе о том, счастливы ли герои, кажущиеся положительными, – Жаксылык Даулетов, Шарипа Сержанова («Зеница ока»), Жадигер, Бекизат («Половодье»). Мы ищем ответ на этот вопрос в обоих романах. Пусть Жаксылык Даулетов в должности директора имеет большой авторитет, а Шарипа Сержанова добилась успеха в качестве гидролога, тем самым достигнув своей детской мечты стать ученым, но они не имеют счастья в личной жизни. Жадигер из романа «Половодье» предан своему делу и всегда стоит на стороне справедливости, но мы не можем считать его счастливым в тринадцатилетнем браке с Бекизат.

Стилевые искания привели писателей к тому, что они смогли художественно-

но отобразить противоречия нашего времени на фоне действий героев в жизни и их личностных качеств и поступков.

Литература

Арцишевский – *Арцишевский А.* «Последний долг» Абдижамиа Нурпеисова как предощущение катастрофы // www.camonitor.com/archives/4845 (дата обращения: 15.10.2013).

Амиров 1988 – *Амиров Ш.* Гражданское кредо Даулетова // Амударья. 1988. №8.

Кайыпбергенов 1986 – *Кайыпбергенов Т.* Зеница ока. – Нукус: Каракалпакстан. 1986. – 410 с. (на каракалп. яз.).

Нурпейсов 1983 – *Нурпейсов А.* Половодье. – Алма-ата: Жалын. 1983. – 245 с. (на казак.яз.).

Орынбетова 1995. – *Орынбетова Н.* Проблема раскрытия характера героев в романе Т.Кайыпбергенова «Зеница ока» // Вопросы филологии. Вып. 1. – Нукус: Билим. 1995.

Шермухамедов 1986. – *Шермухамедов П.* Мир писателя, его народ, его книги: – Нукус: Каракалпакстан. 1986. – 177 с.

Ыбыраймов 1984 – *Ыбыраймов Б.* Писатель широкого масштаба // Жулдыз. 1984. №10.

Bekbergenova Z.U. Stylistic searches of the Central Asian writers (upon the novels «Ice Drifging» by A. Nurpeisov and «Apple of the Eye» by T. Kaipbergenov)

Summary. The author of the article researches in comparative typological aspect ideological thematic conflicts, creating characters, usage of dialogues and monologues in the works «Ice Drifging» (Almaty, 1983) by A. Nurpeisov and «The apple of the eye» (Nukus, 1986) by T. Kaipbergenov. Every writer has his own way and style to evaluate and depict life and people in his works. But one common feature of their novels is that they both raise global and universal problems of the modern world – ecological problems. In the works they focus on the problems of the Aral Sea, the need to protect the rivers Amu Darya and Sir Darya.

Key words: ecological problems, dialogue, monologue, stylistic peculiarities, conflict, characters.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИРОДА ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. II.

И.Л. Кызласов, г. Москва

Резюме. Лаконичные енисейские надписи, нанесенные на скалы Саяно-Алтайского нагорья, оставлены в знак совершенных в тех местах личных молитв манихеев, а также в результате деятельности проповедников этой религии. Обычай наскального письма не был присущ манихейству Переднего Востока и Средней Азии и возник только в условиях сибирско-тюркского манихейства. Здесь он продолжил древнюю традицию горных молитв, приводивших к созданию петроглифов и нанесению личных знаков-тамг. Манихейская письменность повлияла на руническую орфографию, добавив обозначение узких гласных и нарушив строй согласных в ряде надписей.

Ключевые слова: раннее средневековье, енисейская руническая письменность, сибирско-тюркское манихейство, молитвенные наскальные надписи и тамги, руническая манихейская орфография.

4. Приход письменности в горные моления¹

Енисейские наскальные надписи, которых известно уже более 120, оказались в подавляющем большинстве молитвенными и наставительными. Содержание их указывает на манихейскую веру писавших. Были среди них и миряне, и приходские проповедники, и миссионеры [Кызласов И.Л. 1994а: гл. V, разд. 4; 2001а; 2001б].

Покрытые 31-ой молитвенной енисейской надписью скалы горы Ялбак-Таш в устье Чуи на Алтае определённо показывают, что в раннем средневековье существовало два этапа почитания этой горы [Кызласов И.Л., 2003а]. Первый представлен резными рисунками оленей. Во всех случаях, когда это может быть установлено, надписи нанесены позднее изображений и порой не считаются с ними. Ко второму этапу почитания скалы принадлежат сами рунические надписи. Выполненные тем же алфавитом – алтайской разновидностью енисейского письма – наскальные надписи Северо-Западной Монголии позволяют наметить еще один этап и еще одну форму поклонения горам, сменившую традицию сакрального нанесения зооморфных изображений и в ряде мест предшествовавшую начертанию надписей. Дело в том, что тамги, иной раз вырезанные на камне близ рунических строк, не всегда прямо связаны с руническими надписями. Напротив, надписи преемственно, обрядово связаны с тамгами – тексты были нанесены на уже отмеченный личными знаками священный природный объект. Эту ситуацию рассмотрим в следующем разделе 5.

Истоки обычая наскального молитвенного письма, вероятно, могут быть определены довольно точно. При более чем девяти десятках открытых на Алтае енисейских надписей показательное полное отсутствие там наскальных надписей

¹ Начало статьи, посвященное связям религии с литературным языком и письменностью, а также культовой природе енисейских эпиграфов, см.: РТ, 2013, № 2. С. 79–90.

младшего орхонского алфавита, время существования которого в целом совпадает с победой манихейства в Уйгурском каганате. Известна только одна камне-писная орхонская надпись той поры, вырезанная на скале Бичикту-Боом в долине р. Кара-Кол [Кызласов Л.Р. 1997: 110–112]. Такой разительной картины не могло возникнуть, если бы восточное манихейство изначально, с 763 г., несло с собою в Центральную Азию обряд наскального ритуального письма. Нет манихейских наскальных надписей и в иных пределах первоначального или раннего распространения этой религии – ни на Переднем и Среднем Востоке, ни в Средней Азии². Мы вправе заключить, что изучаемый обряд нанесения надписей на скалы является характерной особенностью северного, сибирско-тюркского манихейства и сложился он на местной южносибирской почве. Его неоспоримая связь с енисейским письмом указывает на древнюю местную природу тех воззрений, которые с принятием манихейства привели к культовому письму на скалах.

Об этом же свидетельствуют и особенности размещения рунических строк на скальных плоскостях с рисунками. В Хакасско-Минусинской котловине енисейские рунические надписи явно тяготеют к скальным поверхностям с изображениями предшествовавших эпох [Кызласов И.Л. 1994а: рис. 18, 21, 22, 25, 39]. Несмотря на это, сами енисейские письмена на Среднем Енисее (в отличие от Тувы и Алтая) никогда не вырезались поверх рисунков более раннего времени. Руны идут в стороне от них или изгибаются между изображениями [Кызласов И.Л. 2008: 452–457, рис. 1, 2, 4–6]. Видимо, в этих краях писавшие продолжали считать древние рисунки священными. Рунические надписи Хакасско-Минусинской котловины прямо называют имеющие писаницы скалы *beŋkü qaĵa* или *teŋkü qaĵa* «вечная скала» (Сулек I и II, Е 39/1, Е 39/2), а то и превозносят гору как божество (...*tebsej täŋri* «...божество [гора] Тепсей», Е 115) [Кызласов И.Л. 1992б; 1994а: 186, 187, рис. 18, 39; 2008: рис. 2]. Не случайно, некоторые средневековые наскальные рисунки Хакасии VIII в., наиболее вероятно, воспроизводят канонические образы Тенгри и Умай – богов языческой эпохи [Кызласов И.Л. 1998в; 2008: рис. 3].

Нередко енисейские наскальные надписи содержат прямое обращение к богу [Кызласов И.Л. 2001а: 246–248]. Всё это означает, что доманихейский местный горный культ получил с приходом новой религии письменную форму выражения. Мольбы у издревле священных утёсов продолжали звучать по-прежнему, но изображений на скалы уже не наносилось – в знак свершения обряда оставлялась краткая надпись. Вероятно, по мнению тюркоязычных верующих, письменное слово сильнее, чем произнесенное, воздействовало на божество или было доступнее ему. Создание наскальной надписи, возможно, отвечало восходящей к зороастризму нравственной манихейской триаде единства помысла, слова и поступка: благой помысел (постижение религиозного закона) порождает благое слово (молитву) и завершался благим делом (начертанием надписи).

С территориальным ростом Древнехакасского государства и распространением енисейского письма и манихейской теологии обычай наскальных молит-

² Манихеями, однако, в IX в. были оставлены некоторые наскальные согдийские надписи в верховьях Инда. Это явление оказалось настолько редкостным, что не было узнано востоковедами несмотря на высеченные показательные имена и примененное в надписях характерное летоисчисление по эре Йездигерда [Симс-Вильямс 1995: 61–66. Фото на с. 62] и было определено Л.Р. Кызласовым по типичной форме манихейского креста, начертанного среди камнеписных строк [Кызласов Л.Р. 2006а; 2006б: 314–322].

венных написаний разошёлся по всей Южной Сибири, Северо-Западной и Центральной Монголии, восточной части Средней Азии и Казахстану – по тем землям, где до той поры не существовало феномена наскальных надписей [Кызласов И.Л. 2005а; 2005б; 2012]. Это продвижение сибирско-тюркского манихейства на запад (подтверждаемое вертикальностью снизу вверх начертанных строк, употреблением характерных словесных формул и орфографии) примерно в X в. привело к формированию таласского рунического письма, фактически являющегося палеографическим вариантом енисейского.

5. Религиозные причины высекания тамг на скалах

Южносибирские и центральноазиатские тамги тюркских народов раннего средневековья имели не родовое или племенное, как часто думают, а фамильно-личное назначение. Эта существенная особенность местной гербовой системы выявлена Л.Р. Кызласовым более полувека назад по характерному видоизменению геральдических знаков енисейских эпитафий IX–X вв. и соответствующих наскальных отметок [Кызласов 1960; 1965; 1979]. В подтверждение истинности такого восприятия ныне следует привести и весьма показательные лексико-этимологические данные. В отличие от композиционно сложных русских словесных конструкций, необходимых для содержательно-точного определения данной тамговой традиции, графическим древом выстраивавшей эмблемы по поколениям, в тюркских языках Саяно-Алтая поныне бытует вполне отвечающий сути исторического явления собственный термин. Им обозначаются мужские поколения одной патриархальной семьи: отец, его сыновья и сыновья его сыновей [Дыренкова 1940: 434]. Таков хак. *төл*, одновременно означающий и «род», и «поколение», и «потомство», шор. и сев.-алт. *töl / төл / төле / төлү / төлге* «подразделение рода», «патриархальная семья», «фамилия», тув. *төл* «дети, потомки, наследники» [ХРС 1953: 235; 2006: 661; Словарь 2005: 369; Дыренкова 1940: 434, 435; ТРС 1968: 418]. Именно этой фамильно-личной направленностью термин *төл* противостоит понятию *сөөк / сөөк*, хотя и переводящемуся тем же русским словом «род» (а ранее – и «поколение» [Словарь 2005: 307; ХРС 1953: 196]), но несущему значительно более широкий смысл, определяя крупное историко-культурное объединение многих *төл*'ей разного происхождения (от того в словарях отмечено для него и значение «племя», а то и «национальность, народность») [ХРС 2006: 505; ТРС 1955: 370; 1968: 386]. В связи с названными особенностями *сөөк*'и никогда не имели в истории Южной Сибири тамгового выражения, в то время как существование *төл*'ей как раз и получило свое отражение в построении аристократической фамильно-личной эмблематики эпохи рунического письма: отцовскую графическую основу каждый из сыновей дополнял индивидуально размещенным штрихом-отпятнышем – из поколения в поколение. Обладание каждым *төл*'ем собственной территорией (также явлением глубоко традиционным, в позднее время прослеженным этнографией [Дыренкова 1940: 434, 435]), позволило по размещению конкретных геральдических линий взаимосвязанных тамг выявить земельные владения IX–X вв. внутри Тувинской и частично Хакасско-Минусинской котловин [Кызласов Л.Р. 1960; 1965; 1979].

Личные тамговые знаки нередко оказываются вырезаны рядом с енисейскими наскальными надписями. Взаимоотношение двух этих эпиграфических элементов не всегда столь очевидно, как на эпитафийных стелах [Кызласов

Л.Р. 1960; 1965]. Известные материалы позволяют различать три ситуации. При первой тамга на скале завершает руническую строку, расположена слева от нее и нанесена тем же инструментом. Такой знак служил подписью писавшего, заменявшей указание имени (Крес-хая, Е 137; Тепсей XI, Е 126). Второй случай – относительно одновременное нанесение разрозненных надписей и тамг. Наиболее отчетливо он, видимо, представлен многочисленными начертаниями скалы Хая-Бажи в Туве (Е 24), на которой одна из рунических строк даже вписана внутрь геральдического знака (Е 24/9) [Васильев, 1983: 63, 79, 80; Кызласов И.Л. 1994а: рис. 20, 26; 2000].

Известна надпись, указывающая на нанесение тамги на скалу. Строка XX на горе Ялбак-Таш (Алтай), содержащей, как помним, только молитвенные строки, гласит: (j)ig (i)n(i)g : b(e)d(i)zγ(a)li : uz (e)gm(i)š «С тех пор, как вырезал благую тамгу, он стал искусен» [Кызласов И.Л. 2003а: 71–74, рис. 21, 25]. Речь идёт о начертании на утёсе личного знака молившегося и о благополучном результате такого обряда. Выходит, не только писание на скале было для манихеев Южной Сибири богоугодным делом, так же воспринималось и вырезание личной тамги в ознаменование произнесенной молитвы [Кызласов И.Л. 2001а: 257; 2003б]. Потому тамга и названа в нашей надписи благою.

Отныне понятны причины скопления личных знаков рядом с надписями на почитаемых горах – Сулекской или Тепсей в Хакасии и Хая-Бажи в Туве. Одновременность наскальных енисейских надписей и древнехакасских тамг в пределах IX–X вв. показана, как говорилось, ещё 50 лет назад [Кызласов Л.Р., 1960; 1965], но только теперь можно видеть, что вызванный манихейством обычай не был лишь древнехакасской особенностью, а распространялся на все народы Саяно-Алтайского нагорья, входившие в единое государство и исповедовавшие общую религию.

Сказанное имеет особое значение при рассмотрении третьей ситуации соседства тамг и надписей на скалах. Она прослежена при изучении енисейской эпиграфики Северо-Западной Монголии [Кызласов И.Л. 2004: 115–117, рис. 4–10]. Три серии тамг, соседствующих с руническими надписями Дэл-ула (IX–X вв.), относятся к предшествующему появлению камнеписных строк уйгурскому периоду местной истории, т.е. к середине VIII – началу IX в. Рассмотрение других местонахождений (Тэс I, Шарбулак I/1 и пр.) также показывает, что геральдические знаки не позволили тексту занять нужное пространство. Выходит, до появления енисейских надписей такая скала уже почиталась не одним поколением семьи, поставившей на ней свои знаки (см.: [Шинехуу 1976: рис. 2, 3, 4; Кляшторный 1978, фото 1]). Не случайно, тамги, относящиеся к уйгурскому времени, расположены на горно-алтайской скале Ялбак-Таш (плоскость I) компактным скоплением, обособленным от надписей IX–X вв. [Кызласов И.Л. 2003б: рис. 2; 2004: рис. 9]. Следует заключить, что обычай отмечать личными тамгами почитаемые скалы на Монгольском и Русском Алтае восходит к середине VIII – началу IX в. и предшествует созданию здесь енисейских по алфавиту надписей. Их появление на камне продолжает местную, ещё дописьменную традицию горных поклонений. Еще раз замечу, что наскальных молитвенных надписей орхонского алфавита, одновременного обсуждаемым тамгам, Южная Сибирь и, насколько можно судить по публикациям, Монголия пока не знает.

Так проясняются причины появления тамг на южносибирских скалах (но не на стенах). Ошибочно расценивать раннесредневековые тамги лишь как символы обладания (вроде меток – клейма или тавра). Изложенное вновь доказывает,

что на Саяно-Алтайском нагорье того времени они были персональными отличительными знаками (и только в силу этого – отметками собственности). Теперь очевидно, что тамги на скалах высекались с теми же целями, что и надписи – молившийся отмечал факт своего поклонения святыне. Наиболее вероятно, что акт нанесения на скалу личной тамги указывает на манихейское вероисповедание её обладателя. Если это подтвердится, мы получим самостоятельные эпиграфические возможности определить время принятия манихейства, как уже научились датировать по тамгам каждую из енисейских эпитафий.

Специального внимания требует появление тамг на скалах Южной Сибири лишь начиная с VIII в.³ По причине такого обстоятельства геральдические знаки предшествующих веков и эпох остаются малоизвестными. В Хакасско-Минусинской котловине эти ранние тамги, начиная, пожалуй, с тагарской культуры раннего железного века (VIII–III вв. до н.э.), и целиком включая культуры таштыкскую (сер. I в. до н.э. – V в.) и чаатас (VI – середина IX вв.), выставлялись на стояки могильных курганов, но не на скалы. В этом также заметны две стадии духовного развития Саяно-Алтая. Другим хронологическим приделом служит, вероятно, рубеж X и XI вв., когда лично-фамильные тамговые знаки пропадают со скальных обнажений и курганных камней (они вновь возникнут лишь в этнографической современности, ближе к XVIII в., сменяясь кириллическими инициалами⁴). Можно предположить, что эта культурная особенность не случайно совпадает по времени с исчезновением енисейских эпитафий.

Нельзя думать, что геральдическим знаком как подписью в раннем средневековье пользовались не способные писать неграмотные люди. Наскальные енисейские надписи, сопровождаемые тамгами авторов, сегодня известны практически по всему основному ареалу енисейского письма (в Хакасии, в Туве и в Северо-Западной Монголии) и тем самым противоречат допущению о необразованности знати, отмечавшей молитвенные обращения личным геральдическим знаком. Этот вывод следует распространить и на мир орхонской письменности. В том убеждают уйгурские тамги горы Дэл-ула – одна из их разновидностей принадлежит семье грамотеев-резчиков, создавших две известных орхонских эпитафии – Тэрхинскую и Могойн Шине Усу (кагану Баян-чору) [Кызласов И.Л. 1999а; 2004: 115, рис. 6, 7].

Учитывая сказанное, следует, скорее, предположить, что надписи без тамг оставляли простолюдины и священники. Неслучайно, имена, указанные в таких строках, неблагозвучны и лишены титулов [Кызласов И.Л. 1999а; 2003а]. Люди этих сословий не имели возможности отметиться иначе: их общественное положение не позволяло иметь личных гербов, отличавших только знатные семьи и передававшихся в них по наследству. В отношении Южной Сибири историки до сих пор не имели данных для подобного вывода. Пожалуй, перед нами новые для науки эпиграфические признаки социального расслоения раннесредневекового саяно-алтайского общества.

³ Примечательно, но всё еще не понято кардинальное изменение графической основы тамг Саяно-Алтая и Монголии, очевидно, также произошедшее в VIII в. Зооморфные и спиралевидные знаки сменились пересечениями дугообразных и прямых линий.

⁴ Три кириллических инициала, нередко составляющие хакасские отметки позднейшего времени, обозначают не имя, отчество и фамилию, как это ныне воспринимают исследователи, а начальные буквы имени деда, отца и самого писавшего (т.е. его принадлежность к определенному *төл*'ю) – так в новом знаковом выражении отразилась искомая сущность фамильно-личной тамговой традиции.

6. Религиозный индивидуализм в енисейской письменности

Все мировые религии обращаются к отдельно взятому человеку и направлены на индивидуальное осознание и поведение. Манихейство требовало того же. В этом, думается, заключена коренная причина появления письменной формы тех обрядов, которые связаны на Енисее с пониманием и выражением роли отдельной личности. При всём своеобразии эпитафий (ещё до конца не постигнутом) каждая из них – это биография конкретного, по имени названного человека, а любая наскальная строка – личная просьба, моление об одном верующем или воззвание к нему, как и всякая вырезанная тамга – знак собственного обращения к святыне.

Енисейские надписи на стелах и скалах (как и тамги на тех и других) выявляют важнейший поворот в общественном сознании Древнехакасского государства, а с ним и всей Южной Сибири – рост внимания к отдельно взятому человеку. Религиозная, в нашем случае манихейская, природа произошедшего ясна, как несомненно и то, что страна, официально признавшая мировую религию, была уже к этому готова.

Ситуация не была неизменной. Памятники манихейской эпохи показывают дальнейшее развитие идеологической жизни Саяно-Алтая от IX в. к XI-му. Породив эпитафийные надписи, новое мировоззрение постепенно влияло на их древнее, по сути, еще языческое, содержание, в корне изменяя его. Горестные, но по старинке самодовольные строки дополняются немыслимыми прежде словами о греховности умершего [Кызласов И.Л. 2001а: 243-245]. А возрастающее воздействие манихейства приводит к отмиранию самого обычая водружать памятные стелы. С ним пропадают и эпитафийные надписи. Последние памятники относятся к XI, может быть, даже XII в.

7. Влияние религии на руническую орфографию

Влияние религии на енисейское письмо не ограничивалось социальной сферой. Манихейство прямо воздействовало и на само устройство рунической письменности. Енисейские надписи подразделяются на три типа орфографии, лишь один из которых отражает классическое руническое правописание. Два других возникают как результат внешнего воздействия на руническое письмо и, строго говоря, нарушают его нормы [Кызласов И.Л. 1997; 1999б].

Во-первых, в ряде надписей обозначены обычно опускавшиеся узкие гласные закрытых слогов. Этот тип письма можно назвать полногласным. Кроме енисейских памятников он широко известен в орхонских рунических рукописях на бумаге, найденных в монастырях Восточного Туркестана. Такое написание могло быть порождено единственной знавшей этот принцип письменностью Средней и Центральной Азии того времени – собственно манихейским письмом. Изобретённое пророком Мани, оно было сознательно наделено греческими основами полного алфавитного написания. Второй тип орфографии назовем псевдоруническим, ибо он искажал сам принцип рунического письма – размежевание знаков для согласных твёрдых и мягких слогов. Люди, так писавшие, видимо, тоже перенесли на руны уже закрепленные личные знания какого-то западного алфавитного письма.

За орфографическим многообразием енисейских надписей скрывается важнейший для осознания культурный феномен: владение раннесредневековыми грамотеями несколькими системами письма одновременно. Несмотря на отсутствие прямых данных, очевиден факт былого распространения в Южной Сибири в эпоху рунического письма одновременных ему различных алфавитных письменных систем западного происхождения. Наиболее вероятно связь их применения с религиозной средой и литературой (прежде всего, но вероятно, не единственно, – с манихейской).

Вероятно, к этой проблеме следует отнести и те енисейские рунические строки, которые, вопреки обычному направлению письма, оказались начертанными слева направо. Их еще предстоит собрать и рассмотреть как отдельную совокупность. Видимо, это явление также отражает внешнее воздействие на руническую письменность. Быть может, в таком отклонении проявилось использование сибирскими манихеями буддийской литературы, использовавшей письмо брахми. Как известно, пребывание природных саяно-алтайцев в буддийских монастырях Ганьсу и Восточного Туркестана отмечено раннесредневековыми документами [Кызласов Л.Р. 1969: 127; 1984: 141] и подтверждается енисейскими руническими граффити на стенах жилых пещер в Ярхото, обнаруженными Д.А. Клеменцем (см., например, [Кызласов И.Л. 1994а: 197, рис. 29]).

8. Основные итоги

Известная нам по письменным памятникам – прежде всего енисейским и орхонским – так называемая эпоха рунического письма начинается с VIII в. Однако имеющиеся материалы позволяют считать, что в истории существования тюркоязычной рунической письменности она является не первым, а вторым периодом. Его можно именовать явным. Известные ныне науке эпиграфические памятники появляются вследствие демократизации древней письменной культуры, наступившей как в области светской (государственный статус обоих письменных систем), так и духовной жизни (манихейская грамотность, связанная с развитием младшего орхонского и особенно енисейского письма). Основным фондом енисейской эпиграфики – ее камнеписные тексты – порождены культовой практикой южносибирского манихейства. Светская письменность в основном представлена надписями на предметах. Однако и они принадлежат к обрядовой сфере обычного права; следует помнить: любая надпись средневековья делалась на официальном языке и официальном письме конкретной религии (хотя бы и той, которая не занимала в стране господствующего положения).

Предшествовавший названному первый период существования рунических письменностей Азии, длившийся с древности до VIII в., можно именовать скрытым. Нижняя граница его не определена, свидетельства былого использования рун имеют косвенный характер (к ним отнесем архаичность системы письма и порядка строк в эпитафийных текстах, облика культовых письменных документов-протографов, руническое койне, восприятие рун пришедшей манихейской религией). Отсутствие эпиграфических памятников этого скрытого периода и сохранение древнейших черт письменной культуры, восходящих к нему, указывают на былой статус письма – оно являлось особой привилегией замкнутого и косного сословия. Таковым было жречество, посвященное в религиозные таинства. Неведомая древняя его идеология использовала религиозные тексты. И эти

писания велись на ранней сакрально-поэтической разновидности литературного тюркского языка.

Таковы те два основных исторических этапа в развитии духовности, которые сегодня выявляются средствами енисейской эпиграфики в древности и раннем средневековье Южной Сибири.

Литература

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: Наука, 1983. – 127 с.

Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – XL + 448 с.

Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник. 1975. – М.: Наука, 1978. – С. 151–158.

Кызласов И.Л. Древнехакасские надписи с названием горы Тепсей // Северная Азия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 1992б. – С. 220–221.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература, 1994а. – 327 с.

Кызласов И.Л., Разновидности древнетюркской рунической орфографии (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // Acta Orientalia, t. L, fasc. 1-3. – Budapest, 1997. – С. 163–184.

Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице (Хакасия) // ЭО, 1998в, № 4. – С. 39–53.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА, 1999а, № 4. – С. 99–117.

Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. – М.: ИСАА при МГУ, 1999б. – С. 85–111.

Кызласов И.Л. Фыркальская руническая надпись и её тамга // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2000. – С. 69–75.

Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Восточная литература, 2001а. – С. 243–270.

Кызласов И.Л. «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001б. – С. 111–129.

Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М.: Гуманитарий, 2003а. – 109 с.

Кызласов И.Л. Раннесредневековые личные тамги и надписи на скалах Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. – СПб., 2003б. – С. 246–249.

Кызласов И.Л. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: Институт археологии РАН, 2004. – С. 104–122.

Кызласов И.Л. Таласские наскальные надписи // РА, 2005а, № 2. – С. 46–55.

Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. – Бишкек: Илим, 2005б. – С. 51–64.

Кызласов И.Л. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – С. 451–463.

Кызласов И.Л. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов междунар. научно-практического семинара. – Алматы: Service Press, 2012. – С. 40–44.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА, 1960, № 3. – С. 93–120.

Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА, 1965, № 3. – С. 38–49.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 211 с.

Кызласов Л.Р. О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии. – Абакан, 1979. – С. 130–136.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. – М.: Высшая школа, 1984. – 167 с.

Кызласов Л.Р. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // ВМУ. Серия 8. История, 1997, № 1. – С. 103–112.

Кызласов Л.Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на р. Чу // ВМУ. Сер. 8. История, 2006а, № 2. – С. 138–150.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. – М.: Восточная литература, 2006б. – 360 с.

Симс-Вильямс Н. Путешественники в Тибет: согдийские надписи Ладака // ВДИ, 1995, № 1.

Словарь 2005 – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Составил В.И. Вербицкий. 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 496 с.

ТРС 1955 – Тувинско-русский словарь / Под ред. А.А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1955. – 723 с.

ТРС 1968 – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 646 с.

ХРС 1953 – Хакасско-русский словарь / Ред. Н.А. Баскаков. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1953. – 487 с.

ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь / Хакас-орыс сөстiк / Ред. О.В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Шинехуу М. Тэсийн эртний түрэг бичээсийг дахин нягталсан нь (Новое исследование древнетюркской надписи на реке Тес) // Археологийн судлал (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. VII, fasc. 9). – Улаанбаатар, 1976. – С. 113–121.

Kyzlasov Igor.L. Religious nature of the Yenisei inscriptions. II

Summary. The laconic Yenisei inscriptions put on rocks of Sayan-Altai uplands are left as a sign of the personal prayers made in those places, and also as a result of activity of preachers of Manichaeism. The rock inscriptions weren't inherent in Manichaeism of the Middle East and Central Asia and arose only in the conditions of a Siberian-Turkic Manichaeism. Here it continued ancient tradition of the mountain prayers leading to creation of petroglyphs and drawing personal signs-tamgas. Manichaeism writing affected runic spelling, having added designation of narrow vowels and having broken a system of consonants.

Key words: early Middle Ages, Yenisei runic writing, Siberian-Turkic Manichaeism, prayerful rock inscriptions and tamgas, runic Manichaeism orthography.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ОТ ИДЕИ К РЕАЛЬНОСТИ

Ж.С. Сыздыкова, г. Москва

Резюме. В статье прослеживается становление и современное восприятие возникшей в кругах русской эмиграции Евразийской идеи. В последнее десятилетие Евразийство рассматривается многими представителями гуманитарных наук как основная теоретическая модель, раскрывающая возможности и пути объединения субкультур Евразии.

Ключевые слова: региональная глобализация, евразийство, межэтническое взаимодействие, диалог культур, культуроцентризм

Одним из вариантов региональной глобализации является интеграция народов, проживающих на Евразийском континенте, а именно в той его части, где с 1991 г. образован Союз Независимых Государств (СНГ). У народов и государств, расположенных на этой территории много общего, прежде всего, большинство из них были некогда частью таких государственных образований, как Золотая Орда, Российская Империя и Советский Союз. Эти народы взаимодействовали друг с другом веками, что привело к унификации определенных черт их менталитета и культуры. Изучение этнокультурных связей между ними не только представляет теоретический интерес, но имеет прямое отношение к решению экономических, социальных и политических проблем¹. Поэтому важность культурологических исследований процессов межэтнических и межкультурных взаимодействий не вызывает сомнений.

Евразийская идея, возникшая в кругах русской эмиграции и оформленная в логически стройную концепцию в трудах Н. Трубецкого, Г. Вернадского, П. Савицкого, В. Ильина, М. Шахматова, Л. Карсавина, Л. Гумилева, в последнее десятилетие рассматривается многими представителями гуманитарных наук как основная теоретическая модель, раскрывающая возможности и пути объединения субкультур Евразии.

Евразийцы придерживались концепции многолинейности исторического процесса и теории локальных цивилизаций. Развивая идеи Н.Я. Данилевского о прогрессе не как о поступательном движении общества и государства, а как о реализации разнообразных возможностей, заложенных в различных культурах, Н.С. Трубецкой пришел к выводу о необходимости преодолеть европоцентризм во взглядах на мировую историю. Европа такая же локальная цивилизация, как и другие, и ее претензии на универсальный, общечеловеческий, общецивилизационный характер и исключительность есть не что иное, как «эгоцентризм» романо-германских народов².

Н.С. Трубецкой разрабатывал соответствующее современному понятию «локальная цивилизация» понятие «автаркия» – единство наций, создающих целостный культурный мир и спаянных не только экономикой, но и историей

(«общностью судьбы»), национальными особенностями и национальным равновесием (т.е. отсутствием господства одной из наций). Основу «автаркии» составляли, по его мнению, культурно-исторические зоны. В работе «Вавилонская башня и смешение языков» он развил это понятие: «Культуры отдельных соседних друг с другом народов представляют всегда целый ряд черт, сходных между собой. Благодаря этому среди этих культур обозначаются известные культурно-исторические “зоны”, например, в Азии зона мусульманской, индостанской, китайской, тихоокеанской, степной, арктической и др. культур. Границы всех этих зон взаимно перекрещиваются, так что образуются культуры смешанного или переходного типа. Отдельные народы и части народов специализируют данный культурный тип, внося в него свои специфические индивидуальные особенности. В результате получается та же радужная сеть, единая и гармоничная в силу своей непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференциации»³.

Одним из первых призыв Н.С. Трубецкого преодолеть европоцентризм в истории поддержал П.М. Бицилли в работе «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света». «Концепции истории Старого Света как истории дуэли Запада и Востока может быть противопоставлена концепция взаимодействия центра и окраин как не менее постоянного исторического факта». П.М. Бицилли говорит о Срединном Континенте – Евразии, населенной по преимуществу восточнославянскими, финно-угорскими и степными кочевыми племенами. При этом Европа (наряду с Китаем, Индостаном, Ираном) представляется как окраинно-приморская часть целостного Континента»⁴.

Согласно П.М. Бицилли, Срединный Континент – это единое пространство, ограниченное с запада реками Неман, Западный Буг, Сан, устьем Дуная, с востока – Тихим океаном, с севера – тундрой, с юга – горными цепями Кавказа, Памира и Тянь-Шаня. Его степная зона представлялась стеновым хребтом истории и государственности Старого Света. При этом тот, кто владел степью, становился политическим и государственным объединителем Евразии и двух периферических миров.

Главным фактором истории, как считает П.М. Бицилли, является борьба за контроль над торговыми путями, ведущими с Запада на Восток и связывающими в одну систему основные хозяйственные миры. Ученый отмечал: «Эта тенденция ярко прослеживается в политике царей Ассирии и Вавилона, позднее Ирана-Персии, А. Македонского, тюрко-монгольских ханов, русских императоров. Продвижение России в Среднюю Азию, в Сибирь и в Приамурский край, проведение Сибирской железной дороги – все это с XVI в. и до наших дней составляет проявление одной и той же тенденции. Ермак Тимофеевич, Кауфман, Скобелев, Дежнев и Хабаров – продолжатели великих монголов, пролагатели путей, связующих Запад и Восток, «Европу» и «Азию», «Та-Тзин» и «Китай»⁵.

По утверждению Г.В. Вернадского, исторический процесс являет собой проявление некой «жизненной энергии», которая заложена в народе. Эта «энергия» оказывает давление на окружающую географическую и этническую среду. «Создание народом государства и усвоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает»⁶. Эти идеи, по сути, были дальнейшим развитием взглядов В.О. Ключевского, у которого элементы истории также складывались из взаимодействия личности, людского общества и природы страны.

В «Начертании русской истории» (1927) Г.В. Вернадский отмечал, что «месторазвитие» обозначает не просто географическую территорию, а определенное социально-этническое и географическое единство. «История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа»⁷.

Важнейший аспект, внесенный евразийцами, – это взгляд на ход исторического процесса не изнутри, а извне, с позиции включенности в мировую историю. Г.В. Вернадский для этого ввел понятие «мировых империй», политических образований, объединяющих разнородные цивилизации⁸. Так, Римская, Византийская и Монгольская империи были мировыми именно потому, что обеспечивали взаимодействие культуры земледельческой, морской и культуры кочевнической, степной. Кочевые народы, волнами накатывавшиеся в черноморские степи из глубины континента, являлись посредниками между цивилизацией и культурой средиземноморской и дальнеазиатской (китайской и индийской) и инициировали процессы объединения народов. Это особенно наглядно в Монгольской империи, являвшей собой многоярусный конгломерат политических образований, существующих в рамках единой мировой империи. Так, Улус Джучи являлся одним из центров владений Великого хана, но он имел в свою очередь несколько центров, одним из которых являлась Русская земля. Включение восточно-русских земель в состав Монгольской империи означало перемещение их из маргинального положения, которое они занимали в системе взаимоотношений с Византией, в самую стремнину «исторического потока»⁹.

Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, П.М. Бицилли на обширном историческом материале показали, что история Евразии представляла собой последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Процесс образования государства на евразийских территориях проходил последовательно через периоды объединения и дезинтеграции, переходов от единой государственности к системе государственных образований. Долгие тысячелетия, начиная с медного и бронзового веков, в Евразии происходило скрещивание и перемешивание разных этносов. И Россия – наследница скифской, гуннской и особенно монгольской держав.

Так, общая периодизация истории Евразии представлялась Г.В. Вернадскому в следующем виде:

1. а) Единая государственность (Скифская держава).
б) Система государств (сарматы, готы).
2. а) Единая государственность (Гуннская империя).
б) Система государств (авары, хазары, камские болгары, Русь, печенеги, половцы).
3. а) Единая государственность (Монгольская империя).
б) Система государств: первая ступень распада Монгольской державы (Золотая Орда, Джагатай, Персия, Китай), а затем – вторая ступень ее распада (Литва, Русь, Казань, киргизы, узбеки, ойраты-монголы).
4. а) Единая государственность (Российская империя — СССР)¹⁰.

Согласно этой периодизации в настоящее время евразийская государственность переживает вторую фазу четвертого периода истории Евразии, связанную с ее распадом на систему государств. Тем не менее, по мнению Г.В. Вернадского, который еще в 1927 г. предположил возможность распада

СССР, понимание геополитического и экономического единства евразийских регионов может привести к созданию нового объединения.

С точки зрения теории месторазвития периодизацию русской истории Г.В. Вернадский определил следующим образом:

1. Попытки объединения леса и степи (до 972 г.) – создание прообраза русского евразийского единства в период правления Святослава.
2. Борьба леса и степи (972–1238 гг.) – осознание необходимости объединения леса и степи в западной части Евразии.
3. Победа степи над лесом (1238–1452 гг.) – включение восточно-русских земель в мировую историю в составе Монгольской империи.
4. Победа леса над степью (1452–1696 гг.) – вступление московских государей в наследство Золотой Орды.
5. Объединение леса и степи (1696–1917 гг.) – утверждение России в ранге мировой державы¹¹.

Еще одно видение периодической ритмики государствообразующего процесса в Евразии приводит П.Н. Савицкий в «Геополитических заметках по русской истории» (1927). Это периодизация русской истории в соответствии с ритмикой «существования и несуществования укрепленных линий» Руси-России на Востоке: «I. До времен Владимира Святого укреплений не существует; II. Время от конца X по XIII вв. есть эпоха существования противостепных укрепленных линий; III. Время от XIII до начала XVI вв. есть эпоха отсутствия таких линий (монгольское владычество); IV. С начала XVI по конец XIX вв. продолжается новая эпоха строительства укрепленных линий; V. Она сменяется исчезновением этих линий в конце XIX в.»¹².

Свою концепцию цикличности российской истории предложил и Н.С. Трубецкой. Она распространяется на XIX и начало XX в. и связывается с процессом вестернизации страны. По Н.С. Трубецкому, для устранения «отставания» вестернизируемым странам и народам необходимо преодолеть за короткое время тот путь, который романо-германские государства прошли постепенно в течение нескольких столетий. Этот способ «движения» к Европе Н.С. Трубецкой называл скачками.

Евразийцы по-новому подошли к изучению русской истории, иначе взглянув на ряд устоявшихся положений традиционной историографии России. В статье «Россия и Европа в их историческом прошлом» С.Г. Пушкарев указывает, что любое соприкосновение Руси с западным миром вело к войне на взаиморазрушение (войны с Ливонским орденом, шведами, поляками и др.). И наоборот, русские смешивались с татарами, многие татарские царевичи крестились и переходили на русскую службу, а общее количество татар на службе у царя на рубеже XVI – XVII вв. составляло около 50 тысяч человек. «Таким образом, если Россия защищала Европу от татар, то, с другой стороны, татары защищали Россию от Европы»¹³. На этнографической карте Евразии ясно обозначено соседство и прорастание друг в друга двух мощных этнических массивов, двух сообществ – славянского и тюркского. Именно это соседство и сращение в немалой степени определяют и диктуют реалии федеративного устройства России¹⁴.

Н.С. Трубецкой отметил, что монгольские завоевания не разрушают «цветущую Русь», но устанавливают контроль над разрозненными восточнославянскими областями, находящимися в вечных усобицах. Миф о Киевской Руси, по его мнению, созревает в монгольскую эпоху как ностальгия по «золотому веку» и имеет «проектный», «мобилизующий» характер для будущего державного

возрождения¹⁵. Такой же позиции придерживался и П.Н. Савицкий, утверждавший, что Киевская Русь, расположенная в меридиональном направлении, по рекам, не отвечала требованиям общеевразийской государственности, предполагавшей объединение всего евразийского пространства в направлении с Запада на Восток. В Киевской Руси господствовал принцип «государственного минимализма», что и привело к феодальной раздробленности и краху государства при нашествии монголов. Объединение же огромных евразийских пространств требует сильной центральной власти, которая была общей чертой всех евразийских государств¹⁶.

Евразийцы считали, что монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя. Московское государство стало преемником монгольского, а Российская империя почти завершила государственное объединение Евразийского материка. «Россия силою вещей принуждена была продолжать историческое дело государственного объединения Евразии – дело Чингисхана: присоединение Крыма, Кавказа, Закаспийского края, Туркестана, закрепление за Россией Восточной Сибири – все это были этапы на том же пути собирания разрознившихся частей евразийского улуса Чингисхановой империи...»¹⁷.

В.Н. Иванов отмечал: «...после распада Монгольской империи, Московская Русь сделалась ее наследницей. Русская экспансия была ответным движением на монгольскую и шла в обратном направлении, но по тому же сценарию. Никакая передача на Москву сомнительных регалий Константина исторически не вывела бы нас и Москву на твердую дорогу, на которую мы вышли нашим монгольским путем ...»¹⁸.

«Связующими началами» цивилизации Г.В. Вернадский считал политическое и духовное единство составляющих тот или иной «мир» народов. В статье «Два подвига Александра Невского» через призму личностей Александра Невского и Даниила Галицкого он рассматривает нелегкий выбор, перед которым стояла Русь в XIII в.: Восток или Запад, монгольская орда или латинский орден¹⁹.

Согласно евразийской исторической концепции наивысшей точкой подъема русской государственности явилось Московское царство. Национальная идея получает новый статус. Москва становится «Третьим Римом». Конец этого периода евразийцы начинают отсчитывать с Раскола XVII в., трактуя его не только как церковное, но и как геополитическое и социальное явление: «Россия обращается к Европе, аристократия стремительно отчуждается от народных масс. Петровский период окончательно разрушает национальное единство, сопровождаясь порабощением церкви государством и значительным упадком духовной жизни русского народа»²⁰.

Евразийцы близки к славяновилам в относительно негативной оценке реформ Петра I, считая, что внешнеполитические успехи этого периода создавали иллюзию преимущества российской государственности. Однако в целом европеизация России, начатая Петром и продолженная его преемниками, привела к потере евразийской самобытности, замутнению национального самосознания интеллигенции. Это привело к расколу общества на «низы» и «верхи», в итоге к революции.

Таким образом, общность исторической судьбы народов, проживающих в Евразии, их естественная совместимость, историческая целостность территории Евразийской цивилизации и преемственность в развитии евразийских государств рассмотрены в работах П.М. Бицилли, С.Г. Пушкарева, М.В. Шахматова,

М.Г. Торновского, В.П. Никитина, Э.Д. Хара-Давана и др. Как отмечалось выше, на исторические темы писали также Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий. Главная же заслуга в придании евразийской исторической концепции и методологии целостного академического характера принадлежит Г.В. Вернадскому²¹.

Остановимся на факторах, определивших, по мнению евразийцев, роль России в истории XX в.

Первый. Каждый из представителей евразийства, отталкиваясь от своего конкретного культурно-исторического материала и опыта, обращался к проблематике философии культуры, историософии, связанной с диалектикой Востока и Запада в русской и мировой истории и культуре, проблемам геополитики. Обобщая их учение можно констатировать: Россия – это не Европа и не Азия, а совершенно самобытная страна-континент Евразия с преобладанием в ней не европейского, а «азиатского» («туранского»), более органичного для нее начала. При этом Европа, включая западное славянство, представлялась евразийцам отнюдь не образцом, а опасным для российской культуры фактором. Так, идеи представительной демократии и социализма, якобы противопоказанные Евразии, по мнению евразийцев, были искусственно занесены в Россию с Западной Европы.

Второй. Русская эмиграция была явлением политическим, непосредственным следствием политических событий. Как бы ни старались русские эмигранты уйти от политики, они не были в состоянии сделать это, не перестав быть эмигрантами. Сущность возникшего в процессе переселения понятия «беженства» определялось евразийскими идеологами и историками в связи с наступившей вследствие революционных политических событий паникой. Они считали, что как только причины, вызвавшие эту панику, перестанут существовать, беженцы – поскольку они только беженцы, могут вернуться на Родину. Характеризуя роль большевистской партии в Советской России в конце 20-х гг. XX в., они старались опереться на ее положительный опыт, видимо, робко полагая, что их собственные услуги в теории управления государством рано или поздно понадобятся.

Третий. В попытках евразийцев оценить роль и значение капитализма в развитии мировой и русской истории весьма актуальными представляются взгляды евразийцев «первой волны» 20-х гг. XX в. По мнению П.Н. Савицкого, издавшего в 1929 г. книгу «Евразийство и коммунизм», капитализм является одним из наиболее ярких проявлений западной культуры. Евразийцы отмечают, что культурой они называют совокупность и единство тех ценностей, которые определяют смысл общественной жизни людей и ее историческое развитие. В основе западной культуры как базовое ценностное представление лежит экономический интерес. В капиталистической культуре высшие ценности имеют отвлеченный характер и не находят социального признания. Капитализм есть одно из наиболее ярких проявлений западной культуры или, еще точнее, сама западная культура, взятая с точки зрения экономических основ ее жизни.

Четвертый. Классические евразийцы, находясь в эмиграции, акцентировали внимание на географической, политической уникальности страны, от судьбы которой они не отделяли не только свою судьбу как представителей данного движения, но и всей русской эмиграции. Так, П.Н. Савицкий в своей работе «Коммунистический интернационал или евразийский национализм? (о происходящем в России)» писал о том, что каждая власть может существовать лишь до тех пор, пока она созвучна ритму жизни той стороны, которую она возглавляет.

Пётр I и его преемники ответили настоящей жизненной потребности, когда они стали «европеизировать» Россию: ей необходимо было воспринимать многие элементы европейской жизни, которых в ней до той поры не было. Эти элементы были восприняты. А императорская власть всё еще не могла освободиться от представлений, возникших в начальную эпоху «европеизации»: она продолжала рассматривать Россию как часть Европы, в то время как Россия не являлась и не является таковою. Императорская власть попала в разноту с ритмикой жизни своей собственной страны.

Славяно-туранское единство, согласно евразийцам, является основой самобытности культурного мира России-Евразии. Основным разработчиком данной концепции был Н.С. Трубецкой, который отмечал: «Россия уже объединила под сенью своей государственности значительную часть туранского Востока ... Необходимо, чтобы русская культура не исчерпывалась восточным православием, а выявила бы и те черты своей основной народной стихии, которые способны сплотить в одно культурное целое разнородные племена, исторически связанные с судьбой русского народа»²². «По целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к Востоку, так что граница “востока” и “запада” иной раз проходит между славянами и русскими...»²³.

Ключевая мысль евразийцев – призыв к объективной оценке всех народов, населяющих Россию-Евразию, стремление к преодолению того высокомерия, которое насаждалось идеологией европоцентризма. «Видеть в туранском влиянии только отрицательные черты, – отмечали евразийцы, – неблагодарно и недобросовестно. Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими, и обязаны благодарностью как тем, так и другим. Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и к туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию»²⁴.

Н.С. Трубецкой особо отмечал влияние психологического облика туранцев (тюрков) на русский менталитет. Он считал, что с психической точки зрения тюрков любит симметрию, устойчивость и равновесие. Разыскивать и создавать схемы, на которых должны строиться вся его жизнь и мирозерцание, для него достаточно мучительно, ибо это разыскивание связано с острым чувством отсутствия устойчивости. Вследствие этого тюрков охотно готов брать «чужие схемы, умопостроения и верования», но для этого в них «непременно должны присутствовать ясность и простота, а главное, они должны быть удобной схемой, в которую можно вложить почти весь мир во всей его конкретности».

Уверовав в определенное мироощущение и достигнув на этом основании состояния устойчивого равновесия, тюрков успокаивает и крепко держится за свое мироощущение. Благодаря этому у него нет разлада между мыслью и внешней действительностью, между образом идей и бытом. «Внешние впечатления, мысли, поступки и быт сливаются в одно монолитное неразделимое целое, соответствующее единой и бескрайней системе степей Евразии. Отсюда ясность и спокойствие, уравновешенность и ощущение континента»²⁵.

Евразийцы были убеждены, что туранский психический склад в сочетании с творческим началом степняков-кочевников создает благоприятные условия для государственной и культурной устойчивости и силы. Русский народ перенял его у тюрков, и именно этот психический склад, по их мнению, дал основу, на которой держалась государственность и во многом мировоззрение старой допетровской России.

Культуроцентризм привел евразийцев к отказу от национализма (деления евразийских народов на русских и инородцев) и замене его концепцией общеевразийского дома. В восьмом выпуске «Евразийских хроник» за 1927 г. В.Н. Ильин в статье «О евразийском патриотизме» подчеркивал недопустимость утверждения одностороннего «русского патриотизма» через подавление и вытеснение составляющих Россию-Евразию народностей²⁶. Эту же позицию занимал и Н.С. Трубецкой: «Национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация ... Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством».

Современное евразийство существенно расширило свой контекст. Благодаря усилиям Н.А. Назарбаева суверенный Казахстан стал активным субъектом, подлинным автором евразийства, равноправным и важнейшим участником международного евразийского диалога. И эта позитивная тенденция не ограничивается Казахстаном. Расширение евразийского диалога и партнерства привело к равноправному включению в контекст обсуждения евразийских проблем всего Центрально-Азиатского региона. Своим проектом, своей инициативой Н.А. Назарбаев объективно открыл дорогу к евразийскому диалогу всем странам СНГ.

29 мая 2014 г. в Астане Россия, Беларусь и Казахстан учредили Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Создание ЕАЭС выводит страны-участницы на более высокий уровень интеграции. Три государства берут обязательства гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики: в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте. Таким образом, завершается формирование крупнейшего общего рынка на пространстве СНГ, который станет новым мощным центром экономического развития.

¹ *Сыздыкова Ж.С.* Новая повестка для диалоговой площадки СНГ // <http://www.newskaz.ru/comment/20100507/564216.html>

² *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // *Н. Трубецкой. Наследие Чингисхана.* – М., 1999. – С. 117.

³ *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // *Н. Трубецкой. Наследие Чингисхана.* – С. 380.

⁴ *Бицилли П.М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого Света ... – С. 320.

⁵ Там же. – С. 324.

⁶ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. – М., 2002. – С. 5.

⁷ Там же. – С. 5.

⁸ Там же. – С. 9.

⁹ *Вернадский Г.В.* Монгольское иго в русской истории // *Г. Вернадский. Сфера Евразии.* – М., 2005. – С. 240.

¹⁰ Там же. – С. 34.

¹¹ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. – С. 42.

¹² *Савицкий П.Н.* Геополитические заметки по русской истории // *П.Н. Савицкий. Континент Евразия.* – С. 303–332.

- ¹³ *Пушкарёв С.Г.* Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 73.
- ¹⁴ *Сыздыкова Ж.С.* Евразийский союз к будущему с учетом прошлого // Теория и практика общественного развития. 2012, №10. С.
- ¹⁵ *Пушкарёв С.Г.* Указ. соч. – С. 227.
- ¹⁶ *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // *П.Н. Савицкий.* Континент Евразия. – С. 334.
- ¹⁷ *Трубецкой Н.С.* Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока ... – С. 290.
- ¹⁸ *Иванов В.Н.* Мы. На Западе и на Востоке. – СПб.: НУ «Центр стратегических исследований», 2005. – С. 195.
- ¹⁹ *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского // *Г. Вернадский.* Сфера Евразии. – М., 2005. – С. 243.
- ²⁰ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. – С. 52.
- ²¹ *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания. – Париж, 1927; *Савицкий П.Н.* О задачах кочевниковедения. – Прага, 1928; *Бицилли П.М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях: Утверждение евразийцев. – Берлин, 1922. Кн. 2. – С. 310–332; *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. – Белград, 1929; *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. – Прага, 1927; *Он же.* Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. – Берлин, 1934; *Он же.* Звенья русской культуры. – Берлин, 1938.
- ²² *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // *Н. Трубецкой.* Наследие Чингисхана. – С. 136–162.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Ильин В.Н.* О евразийском патриотизме // Евразийская хроника. – Париж, 1927. Вып. 8. – С. 14.

Syzdykova Jibek. Euroasian integration: from idea to reality

Summary: The article discusses the formation and current perception emerged in the circles of Russian emigration of the Eurasian idea. In the last decade Eurasianism is considered by many representatives of the humanities as the basic theoretical model, revealing the possibilities and ways of uniting sub-cultures of Eurasia.

Key words: regional globalization, Euroasianism, inter-ethnic collaboration, dialogue of cultures, culturecentrism

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

БУЛАВА: ИЗ ИСТОРИИ БРОДЯЧИХ СЛОВ

И.Г. Добродомов, г. Москва

Резюме. В статье рассматривается история «бродячего слова» *булава* и устанавливается его вероятный источник – тюркские или монгольские языки.

Ключевые слова: этимология, заимствования, бродячие слова, тюрко-монгольские связи

Название разновидности холодного оружия в виде палицы, дубинки с утолщением или шаром на конце (с рядом производных значений) *булава*, известное довольно поздно (с XV–XVII вв.) в русском, белорусском, украинском и польском языках, считается иногда праславянским наследием [1], хотя и без особых на то оснований, но до последнего времени не имело удовлетворительной этимологии, считаясь заимствованием из неизвестного источника: «*bulawa* już XV w. ‘maczuga’; ros. *buława* ‘glówka, gałka; *buława*’, *buławka* ‘szpilka’, ukr. *bulawa* ‘bulawa’. – Nieprzejrystość słowotwórcza i geografia wyrazu przemawiają za pożyczką (wbrew Vasmerowi REW 141) ale źródło niepewne» [2]. Русский исторический словарь отмечает его в начале XVII в.: «БУЛАВА, ж. 1. *Короткая палица с шарообразным утолщением на конце, служащая оружием. Живописец Дорофей Ермолаевъ росписывал красками два топорка, булаву, шестоперъ, пистоль, карабинъ – потѣшные деревянные, въ хоромы къ г. ц – чу. Арх., бум. Петра I, 21, 1672 г. 2. Жезл с шаром или утолщением на конце, служивший знаком военачалия и власти. Дмитрий царевич писалъ до нихъ грамоту... послалъ имъ хоругвь и булаву царскую (Листы смол. лазутчиков) АИ II, 201. 1609» [3].*

В словари оно попало в первой половине XVIII в. В.Н. Татищев (1686–1750) включил это слово в свой незаконченный «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской»: «Булава, жезл правления, есть палка длиною одного локтя в знак власти, власно как государи имеют скипетр» – и далее перечисляет их разновидности на Руси и в Польше [4].

В XIX в. появляются попытки выявить происхождение данного слова.

В самой общей форме о тюркском происхождении слова *булава* говорилось в этимологическом лексиконе Ф.И. Рейфа: «БУЛАВА́ (tatar.), *sf. massue, bâton noueux, ancien bâton de commandement*» [5].

Этимологическая справка Ф.И. Рейфа, который консультировался по проблемам восточного материала с востоковедом Ф.Ф. Шармуа (1793–1868), в дальнейшем была принята Ф. Миклошичем и Н.В. Горяевым без конкретизации источника, но с заменой неопределенного названия языка-источника *татарский* столь же неясным *северно-тюркский*, используемым И.Н. Березиным и означавшим «тюркские языки, употребляемые в России» [6].

Лаконичные соображения Ф.И. Рейфа без приведения тюркского материала были приняты Ф. Миклошичем: «bulava*: р. *bulava keule* – nord-türk bulav(a)», – и далее Н.В. Горяевым: «Булава (пол. id): ств. тюрк. bulav(a) (Миклошичъ)» [7].

Догадка Ф.И. Рейфа о тюркском происхождении загадочного слова получила распространение в многочисленных словарях иностранных слов русского языка XIX–XX вв.: «Булава, *там.* 1) Палка, жезль верховнаго достоинства (напр. гетманскаго у казаковъ). 2) Палка съ шаромъ на верху у швейцаровъ» [8]. «Булава. а) Жезль, служивший признакомъ гетманскаго достоинства у казаковъ. в) Длинная палка съ шаромъ на верхнемъ концѣ, съ которою стоятъ швейцары» [9]. «Булава *тур.* – жезль съ шаромъ на верхнемъ концѣ» [10]. «Булава́ – т.-т. – жезл, палица с шаром на верхн. конце; служила знаком гетманскаго достоинства у запорожских казаков и поляков» [11].

Указание на тюркский источник слова *булава* фигурирует также в популярных и дилетантских изданиях [12]. Но в серьезные исследования по тюркизмам слово *булава* не попало из-за отсутствия этого слова в тюркских словарях [13].

Попадало слово *булава* в словари иностранных слов и без указания на источник: «Булава́ – жезль съ шаромъ на верху, знакъ гетманства у запорожских казаковъ и поляковъ» [14].

Не получило широкой поддержки предположение А.Г. Преображенского: «Въроятно, заимств. изъ лат. *bulla* через герм.» [15], – однако оно фигурировало в популярном в 40–50-е гг. XX в. «Словаре иностранных слов» Государственного издательства иностранных и национальных словарей и «Советская энциклопедия»: «Булава́ – *лат.* [*bulla* металлический шарик] – жезл, палица с шаром на конце; в 16–17 вв. служила знаком гетманской власти у запорожских казаков и у поляков» [16].

Отсутствие слова *булава* в доступных тогда исследователям тюркских источниках заставило этимологов искать источник его на славянской почве, что было сделано Ф.С. Шимкевичем, неустанным критиком Ф.И. Рейфа, в составе небольшого этимологического гнезда:

«БУЛка, *с. ж.* хлѣбець, испеченный изъ пшеничной муки. = Пол. *bulka*, Мор. *belka*. - § а. Пол. *bula*, ЛРус. *булка*, коврига; б. Бог. *baule, bulka, *búla* шишка на тѣлѣ; в. Бог. *baule* нарость на растеняхъ; г. ЛРус. *булава́* шаръ на церковномъ куполѣ подъ крестомъ; д. (Бог.) густые облака. // Англ. *boul*, Гол. *ból* шаръ, небольшой хлѣбъ; Нѣм. *Veule*, твердая шишка на тѣлѣ, желвакъ» [17].

Собранные Ф.С. Шимкевичем материалы подвергались перетолкованиям в весьма многочисленной литературе и в новейшей неубедительной трактовке были включены в переделку «Словаря русского языка» С.И. Ожегова под редакцией Н.Ю. Шведовой: «Укр., блр. *булава́*, польск. *bulawa*; производн. на -ава от **bula* (с-хорв. *була* ‘нарыв, гнойник’, словен. *bóla* ‘водяной пузырь’, диал. ‘пригорок’); родств. гот. *uf-bauljân* ‘надувать, делать надутым, чванли-

вым'; ср.-в.-нем. *biule*, нем. *Beule*. С тем же корнем *булыжник*. Сюда же *булавка* [18].

Ф. Славский предполагает заимствование из неизвестного источника. А.Е. Аникин склонен отнести слово *bulava* к бродячим словам [19].

В условиях, когда не удалось доказать ни восточную (тюркскую) этимологию, ни западную латинскую, ни исконную (славянскую) этимологию слова *булава*, необходимо искать относящийся к происхождению загадочного слова новый материал, который мог бы сдвинуть проблему с мертвой точки.

В силу сложившейся ситуации с бесперспективностью исконной и западной этимологий загадочного слова *булава* остается возможность искать его источник на Востоке (в том числе и тюркском) с его плохо документированным лексикографами лексическим богатством.

Такой материал был найден недавно в тюркском памятнике XIV в. «История пророков» (قصص لاذيبا) Рабгузи (ريغزى) в одной из рукописей [20]: «Слово *bulagu* встречается в одном предложении из повествования о битве при Кербеле, где был убит Хусейн, внук пророка Мухаммада: *Zur'a bin Sariki-t-tamimī Husayniñ äligiñä bulagu* (بولاغو) *birlä urdī* «Зур'а б. Шарик ат-Тамими ударил Хусейна булавой в (sic!) его руку» [21]. В Бакинской рукописи в этом же предложении, однако, использовано персидское заимствование *gürz*: *sol äligiñä gürz birlä uradilar* «Они ударили булавой в (sic!) его левую руку» <...> [22].

Использование слова *gurz* вместо *bulagu* примечательно само по себе, так как обычно в данном тексте для обозначения «булавы» используется слово *toruz*, и *gurz* не встречается нигде более [23].

К сожалению, Х. Бусхотену, который обнаружил слово *bulagu* (بولاغو) в Лондонском списке «Истории пророков» Рабгузи, осталась неизвестной находка польского тюрколога А. Зайончковского этого слова в половецком языке – *bulav* ‘орудие для битья, дубина’ [24], что учтено А.Е. Аникиным в его новом «Русском этимологическом словаре» (вып. 5, М., 2011, с. 105).

Дальнейшие поиски восточного источника для слова *булава* привели также к монгольскому материалу.

В памятнике XV в. «Мукаддимат ал-Адаб» тюркскому названию дубины *čotaq* в монгольской части соответствует монгольское *bula'u*, а тюркскому *yüiç čotaq* ‘деревянная палица’ – монгольское *modun bula'u* [25]. Нельзя исключить возможность того, что монгольскому слову *bula'u* из словаря «Мукаддимат ал-Адаб» соответствует бурятское *булуу*, *була* ‘округлый конец, головка (входящая в сустав)’.

Следовательно, тюркское слово *būlayu* بولاغو из одного списка сочинения Рабгузи «Кыссас ал-Анбия» имело точное звуковое соответствие в среднемонгольском *bula'u*, но в русский язык это тюрко-монгольское слово попало, как это видно из конечного ударения *булава́*, скорее всего, от тюрк.

Есть это слово и за пределами тюрко-монгольской общности – в тунгусо-маньчжурских языках: «БОЛӢ палица: Сол. болӢ палица. Ульч. булау устар. посох (шаманский, железный). нан. боло Нх. устар. посох (шаманский с балдашником) [26].

География этого бродячего слова заслуживает более пристального изучения, особенно применительно к востоку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 3. – М., 1976. – С. 93.
2. *Ślawski Fr.* Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. – Kraków, 1952–1956. – S. 50.
3. Словарь русского языка XI – XVII вв., вып. 1. – М., 1975. – С. 352.
4. *Татищев В.Н.* Избранные произведения. – Л., 1979. – С. 199.
5. *Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка <...>, т.1. – СПб., 1835. – С. 63.
6. *Poppe N, Jr.* Studies of Turkic Loan Words in Russian. – Wiesbaden, 1971, s. 4 (=Asiatische Forschungen, Bd. 34).
7. *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. – Wien, 1886. – S. 417; *Горяев Н.В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис, 1896. – С. 33; и в составе большого списка тюркских слов с. XXXIX (особой пагинации); Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. АН, вып. 1. – СПб., 1891. – С. 288.
8. Первое прибавление к «Полному словарю иностранных слов, вошедших в состав Русского языка, составленному по словарю Гейзе». – СПб., 1863. – С. 8.
9. *Дубровский Н.* Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов <...>. 4-е изд. – М., 1879. – С. 91.
10. *Гавкин Н.Я.* Карманный словарь иностранных слов, изд. 20-е. – Киев, 1903. – С. 98.
11. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Составили К.С. Кузьминский, М.М. Каушанский, Я.А. Рохлин. – С.С. Бровкин. – М., 1933. – С. 200.
12. *Огиенко И.И.* Иноземные элементы в русском языке. – Киев, 1915. – С. 35; *Юналеева Р.А.* Тюркизмы в русской классике. – Казань, 2005 (по указателю).
13. *Дмитриев Н.К.* О тюркских элементах русского словаря // *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 503–569; *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата, 1976, 444 с.
14. *Головков Д.* Иллюстрированный словарь иностранных слов <...>, изд. 4-е. – Одесса, 1914. – С. 58.
15. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка, вып. 1. – М., 1910. – С. 52.
16. Словарь иностранных слов / Составлен бригадой государственного института «Советская энциклопедия». – М., 1937. – С. 99.
17. *Шимкевич Ф.* Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками, ч. 1. – СПб., 1842. – С. 20.
18. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. – М., 2007. – С. 65.

19. Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. – Kraków, 1952–1956. – S.50; Аникин А.Е. Русский этимологический словарь, вып. 5. М., 2011. – С. 106.
20. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. – С. 323–341.
21. MS British Library Add. 7851, fol. 248 r / 2] [Boeschoten H., Vandamme M., Tezcan S. Al-Rabghūzī. The Stories of the Prophets. Vol. I. Text Edition. – Leiden, 1995. – P. 556; факсимиле рукописи: Grønbech K. Narartiones de Prophetis Cod. Mss. Britt. Add. 7851. – København, 1948.
22. Ms. Ac. Sc. Baku B 1460, fo 2. 146, v 4.
23. Бухотен Хендрик. О происхождении славянского *булава* // Российская тюркология, 2013, № 1(8). – С. 67–68.
24. Zajczkowski A. Studia orientalistyczne z dziejów słownictwa polskiego. – Wrocław, 1953 (= Prace Wrocławskiego towarzystwa naukowego; seria A. № 49). – S. 50. Ср. также Siawski Fr. // Język polski, 1954, 34, I, s. 34.
25. Понне Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. – М., 1938 (= Труды ИВ АН СССР, 14). – С. 125, 237; Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. III. – Wiesbaden, 1967. – S. 94.
26. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. – Л., 1975. – С. 93.

Dovrodomov I. Bulava: To the history of ‘roaming words’

Summary. The article reveals the history of the “wandering word” *bulava* and fixes its possible origin – Turkic or Mongolian languages.

Key words: etymology, borrowings, wandering words, Turkic-Mongolian contacts

ОДИНОЧЕСТВО ГЕНИЯ

Поэтическое эссе

*Творческий портрет Фызыла Хюсю Дагларджа
глазами Тофика Меликли*

М.В. Николаева, г. Москва

*Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которую дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.
Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?..
Николай Гумилев*

Резюме. В сообщении говорится о поэзии известного турецкого поэта Ф.Х. Дагларджа, творческий путь и жизнь которого представлены в новой книге Т. Меликли.

Ключевые слова: поэтическое творчество, жизненный путь, лирическое начало

Слово «кустад» в турецком языке многозначно – это и учитель, и мастер, и мудрец. Так обращаются только к большим, признанным мастерам своего дела, пользующимся всеобщей любовью и уважением.

Фызыл Хюсю Дагларджа – один из самых популярных, самых любимых поэтов современной Турции. Автор более восьмидесяти поэтических сборников. Написанные им в разные годы стихотворные сборники «Дитя и Аллах» (1940), «Асу» (1955), «Хайди» (1968), «Петух» (1977) стали важнейшими вехами не только жизненного и творческого пути самого поэта, но и всей современной поэзии Турции. Он награжден почти всеми национальными литературными и многими международными премиями. На Международном поэтическом фестивале в Югославии (в г. Струга) он был увенчан Золотым венком за вклад в мировую поэзию.

Действительно, можно сказать, что Фазыл Хюсю Дагларджа – поэт от рождения, отмеченный, что называется, божьей искрой. Его образ мышления, восприятие действительности, взгляд на окружающий мир, сам способ творческого самовыражения свидетельствуют об уникальности художника, создавшего особый, чрезвычайно оригинальный, непривычный мир.

Так что же ищет в жизни и в современном мире этот ни на кого не похожий турецкий поэт? Ответу на этот вопрос посвящена книга Тофика Давудовича Меликли о творчестве Фазыла [Меликли 2014].

Автор рассказывает о том, какими сложными, извилистыми путями развивалось творчество этого мастера слова. И оказывается, что для того, чтобы стать знаменитым и успешным совсем не обязательно копировать достижения известных современных или традиционных течений и художественных школ. Главное – это искать и находить в жизни самого себя и свое собственное авторское лицо. Именно это стремление Фазыла Хюсю к собственному творческому почерку, стремление найти свое лицо и сказать свое собственное слово в национальной культуре и мировой литературе позволило турецким критикам говорить о Дагларджи как о поэте «одиноким школы», о представителе самоценного и цельного течения в турецкой поэзии.

Однако анализ творчества этого одаренного мастера слова, представленный в книге Тофика Меликли, показывает также и то, насколько тесно связано творчество поэта с национальной турецкой литературой и культурой в целом. Интерес читателя к этой книге во многом обусловлен именно тем, что при написании работы ее автор прежде всего опирался не только на произведения самого Фазыла Хюсю и критические литературные труды о нем, но и на его личные письма, записи, сделанные во время многочисленных личных встреч и бесед автора книги с турецким поэтом.

Именно то, что почти сорок лет, вплоть до самого ухода из жизни Фазыла в 2008 г., его связывала с автором книги тесная дружба, что в многочисленных встречах, обменах личными письмами раскрывались их общие потаенные мысли, важные стороны личности и яркие аспекты поэтического дарования, вырабатывались общие взгляды на природу искусства, обусловило столь достоверное и увлекательное воссоздание в этой книге целостного творческого облика и духовного портрета турецкого художника слова в контексте исторического пути современной Турции.

Книга Тофика Меликли – первая и единственная сегодня комплексная работа о творчестве этого выдающегося мастера слова, созданная и опубликованная за пределами его родины – Турции. И то, что ее отличает не только фактологическая точность и научная обстоятельность, но и особая лирическая стилистика изложения и изысканная поэтичность композиции, объясняется тем, что сам автор исследования – наш современник – тоже поэт. Основное содержание работы – стихи, поэтические тексты, красота которых, возможно отчасти теряется в переводах. Но та «божественная искра», которая загорается в сердцах подлинных поэтов всех стран мира, воспаляет души людей, для которых живут и сгорают в огне своего пламенного вдохновения мастера слова. И тогда они рожают в нас тот интуитивный орган восприятия «шестого чувства», который делает понятными и близкими слова и мысли столь далеких и разных человеческих душ в самых дальних уголках нашего мира.

Так век за веком – скоро ли, Господь? –

Под скальпелем природы и искусства

Кричит наш дух, изнемогает плоть,

Рождая орган для шестого чувства.

И нам, русским, столь неожиданно близкими оказываются несколько строк размышления турецкого поэта, в которых мы узнаем гениальные интонации нашей национальной поэтической традиции, пронзительное признание Михаила Юрьевича Лермонтова, двухсотлетие которого отмечалось в 2014 г:

*Дует теплый ветер,
Ветер одиночества.
Вечное одиночество – корабль,
А я – парус.....*

Литература

Меликли Тофик. Одиночество гения. Фазыл Хюсню Дагларджа. – М.: Вече, 2014. – 232 с.

*Nikolayeva M. Solitude of genius: poetic essay
Creative portrait of Fazyl Husnu Daglarca viewed by Tofik Melikli*

Summary. The article is focused on the poetry of the famous Turkish poet Fazyl Husnu Daglarca, whose life and poetic heritage is analyzed in the new book of Tofik Melikli

Key words: poetry, life, lyrics

**УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЮБИЛЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ А.В. ДЫБО**

Н.Г. Шаймердинова, С.Ж. Тажимаева, г. Астана (Казахстан)

С 2.06 по 4.06. 2014 г. в Москве проходила научная конференция «Урало-алтайские исследования», организованная отделом Урало-алтайских языков Института языкознания РАН и приуроченная к пятидесятипятилетию д.ф.н, проф., чл.-корр. РАН Анны Владимировны Дыбо.

А.В. Дыбо в настоящее время возглавляет отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН. Она совмещает плодотворную научную деятельность с педагогической, является профессором Центра компаративистики Института восточных культур РГГУ. В 2013 г. в рамках Международной тюркологической школы А.В.Дыбо прочитала курс лекций для студентов, магистрантов и докторантов Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана), консультировала молодых исследователей кафедры тюркологии. Важное значение имеет и вклад ученого в развитие современной казахстанской тюркологии, отраженный в ее выступлениях на научных тюркологических форумах в Республике Казахстан, в публикациях книг и статей в Тюркской Академии и в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева.

Основная область научных интересов А.В. Дыбо – сравнительно-историческое языкознание, этимология, сравнительно-историческая фонетика, семантическая типология, этнолингвистика, алтаистика, уралистика, славистика, индоевропеистика, ностратика. Она подготовила плеяду талантливых исследователей по урало-алтайским языкам. В науке Анне Владимировне свойственны новаторство, принципиальность и последовательность. Объективность научных выводов в многочисленных трудах в области семантической реконструкции праязыка и протокультуры, глубинное знание истории тюркских языков, безусловно, представляют высокую ценность для мировой тюркологической науки.

Сфера научных интересов А.В. Дыбо затрагивает и проблемы по сохранению и развитию языков и культур малых народов России, находящихся на грани исчезновения. Актуальной задачей современной лингвистики является создание корпуса текстов миноритарных языков и диалектов, разработка методики корпусных технологий и создания электронного корпуса текстов.

Программа научной конференции была насыщенной и отражала основные направления научных интересов юбиляра: древние языки, памятники письменности, реконструкция языковых систем; фонетика, лексикология, морфология урало-алтайских языков, языковые контакты, создание языковых электронных корпусов, имеющих доступ в интернет-ресурсах.

В работе конференции приняли участие как известные, так и молодые исследователи: коллеги и ученики А.В. Дыбо, ученики ее учеников из ведущих российских вузов, научно-исследовательских институтов РФ – Казани, Уфы,

Новосибирска, Якутска, Кызыла, Абакана и др., а также из Германии, Казахстана, Киргизии.

Тематика докладов охватывала разные области языков урало-алтайской общности, проблемы тюркских, финно-угорских языков в диахронии и синхронии как с позиции традиционных лингвистических методов, так и в аспекте функциональной и концептуальной методологии. На конференции был представлен доклад, в котором давались новое прочтение, орфография и интерпретация тюркских рунических памятников Горного Алтая – «Old Turkic Runic inscriptions of religious content in the Altay Republic (Russian Federation)» (И.А. Невская). В докладе А.Г. Шайхулова «Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского, золотоордынского и евразийского сообщества (некоторые аспекты реконструкции кыпчакских и огузских корневых основ)» была рассмотрена концептуальная картина мира тюркских народов на основе тезауруса сопоставляемых языков. Вопросы реконструкции лексики духовной и материальной культуры были освещены в следующих докладах: «Уникальная лексика в Словаре Палласа» (А.В. Савельев); «Эволюция местоимений третьего лица в монгольских языках» (И.А. Грунтов, О.М. Мазо).

В рамках конференции прошли два методических семинара, посвященных применению инновационных технологий в современных лингвистических исследованиях: «Автоматический морфологический анализ в применении к структуре тюркских языков» (модератор А.В. Дыбо), «Создание диалектных аудиословарей в программе LinvoDoc» (модератор Ю.В. Норманская).

Особый интерес участников конференции вызвали новые результаты полевых исследований; проблемы контактов тюркских языков с монгольскими, финно-угорскими языками: «Барабинские татары: историко-лингвистический портрет» (О.Р. Хисамов); «Критерии определения финно-угорских заимствований в кыпчакских языках Урало-Поволжья» (И.С. Насипов, Н.А. Мукимова); «Тюркизмы в бесермянском диалекте удмуртского языка» (Р.И. Идрисов); «Телеутская, хакасская и русская интонационные системы» (Е.А. Шестера).

В докладах были затронуты проблемы языковой структуры в синхронии. Живой интерес и активную дискуссию вызвали доклады, прочитанные на секции «Морфология»: «Синтаксические средства выражения эвиденциальности в якутском языке (в сопоставлении с некоторыми тюркскими языками)» (Н.Н. Ефремов); «Проблемы конверсии как способа словообразования» (А.В. Есипова); «Особенности процессов категоризации в разноструктурных языках (Р.К. Гарипов); «Средства выражения категорий пространства и времени в тувинском языке» (Б.Ч. Ооржак, А.Б. Хертек).

На секции «Лексикология» был заслушан ряд интересных докладов, среди которых оживленное обсуждение вызвали следующие: «Мифологизация крови» (Ф.Г. Хисамитдинова); «Концепты *семья*, *дружба* как ядро этнического сознания (на примере тюркских фразеологических единиц)» (Р.А. Тадинова); «О соотношении пратюркского *qut* и иранского *žap* в современных тюркских языках»; «Слова со значением “умереть” в языке кобдских тувинцев Монголии (материалы полевых исследований)» (П.П. Серен) и др.

Пользуясь возможностью изложения докладов, представленных на конференции «Урало-алтайские исследования», авторы обзора хотели бы ниже более подробно остановиться на вопросах, освещенных в их собственных докладах.

Проф. Н.Г.Шаймердинова прочитала доклад «Праалтайская теория А.В. Дыбо и тюркские языки». В докладе отмечается вклад А.В. Дыбо в развитие позитивистской алтаистики, в воссоздании алтайской палеокультуры и концепту-

альной картины мира, в реконструкции праалтайского и прототюркского языков-основ на базе сопоставления тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Также отмечалось, что А.В. Дыбо смогла выявить в доагглютинативном состоянии пратюркского языка фузию, фонетические явления и морфонологические процессы, нехарактерные для системы тюркских языков в раннее, позднее средневековье и в новейшее время. Н.Г. Шаймердинова рассмотрела также связь изысканий юбиляра с исследованиями структуры слова в протоалтайских и современных тюркских языках, в частности роль первичных корней (мертвых корней) в формировании корневых морфем, глагольно-именной синкретизм и омонимичность корней-основ в тюркских языках и проявление этих явлений в современных языках, в т.ч. казахском.

Пратюркские односложные корни, известные в тюркологической науке как «первичные корни», «мертвые корни», «односложные лексические основы» стали базой для формирования новой структуры тюркского слова. К первичным корням *ke/ki*; *to*; *qo*; *ja*; *jo*; *ju*; *jü* и др. присоединялись залоговые показатели *q*, *k*, *l*, *r*, *n*, *t*, *s* ~ *c*, *z* ~ *s*, образуя корни по новой модели: *ke+l* ‘приходить’; *ke+s* ‘резать’; *ke+t* ‘уходить’; *ki+r* ‘входить’; *to+j* ‘насыщаться’, ‘пир’; *to+q* ‘сытый’; *to+z* ‘истощиться’; *qo+d* / *qo+b* / *qo+j* ‘класть’; *ja+n* ‘гореть’; *ja+q* ‘зажигать’; *jo+r* ‘идти’ и т.д. Смычные и сонорные согласные, изначально не входившие в структуру корня, но наделенные грамматическими значениями аффикса, позже образуют новый корень-основу по модели *S+V+C*. Так в тюркских языках формируется фонетически неизменяемый «новый тип корня, не поддающийся в сознании носителей языка членению на составляющие элементы» [8]: *kel-*, *ket-*, *kir-*, *toj-*, *qod-/qob-/qoj-*, *jog-/jög-/jur-/jür-* и т.п. Первичные корни как самостоятельные слова встречаются в памятниках древнетюркской письменности: *ай-* ‘говорить’ (Тон. 31, 32); *ыд-* ‘посылать’ (КТм. 2); *ба-* ‘связывать’ (Тон. 41, МЧ, 265); *са-* ‘считать’ (КТб. 27), *сы-* ‘ломать’ (КТм. 11), *то-* ‘насыщаться’ (КТм. 8) и т.д. Указанные корни все реже употребляются в средневековых текстах, а в современных тюркских языках признаются лишь этимологическими «мертвыми корнями».

В процессе превращения «мертвых корней» в новую структуру наблюдаются семантические изменения и явление фузии, недопустимые для структуры тюркского слова в более поздние эпохи, в т.ч. и современную. К таким процессам относятся: ослабление формообразующих функций указанных залоговых аффиксов, стирание границ между корнем и аффиксами и превращение их в законсервированные лексические единицы; сохранение семантики прежних корней в новых корнях.

Важной особенностью прототюркской структуры языка является глагольно-именной синкретизм, в результате которого наблюдалась омонимия корней, или омонимия глагольно-именных основ: *жар* ‘рассекай’, *жар* ‘любимый / друг / подруга’; *той* ‘насыщаться’, *той* ‘пир’; *тын* ‘дыхание’, *тын* ‘отдыхать’; *ой* ‘мысли / думы’, *ой* ‘впадина / яма’; *көш* ‘кочевка’, *көш* ‘переезжать / кочевать’ и т.д. Имя и действие и их грамматические формы в тюркских языках весьма отличаются от подобных в других языках отсутствием жесткой поляризации в источах, семантической вариативностью и развитием стандартных средств выражений.

Глагольно-именная омонимия сохранялась еще в древнетюркскую эпоху и, постепенно теряя свою продуктивность, в эпоху средневековья. При разрушении

глагольно-именной омонимии, как и в случае изменения структуры первичных корней, корневая морфема передает свои значения новым производным словам. Так, например, существительное *оку* – *оқу* – *оқу* (в тур., азерб. и др. языках) и глагол *оқу-* *оқу-* образованы от корневой основы *оқ* ‘крик’ и *оқ* ‘читать’; *аңқай* ‘зиять’ в ряде языков образовано от корневых омоформ *аң* ‘зияющий’ и *аң* ‘зиять’; *ора* ‘яма’, ‘ров’ образовано от корневой пары *ор-* *ор*, в которой именной член означает ‘яма’, ‘ров’, а глагол *ор* – ‘рыть (яму и т.п.)’; *ойук* ‘впадина’, ‘яма’, ‘выемка’ образовано от оморфных корней *ой* – ‘выдалбливать’, ‘рыть’, ‘копать’ и *ой* ‘впадина’, ‘углубление’, ‘рытвина’ [9].

В современных тюркских языках глагольно-именной синкретизм проявляется своеобразно и не всегда последовательно. В современном казахском языке наблюдается семантический алломорфизм в омоформах: *кой* ‘овца’, *кой* ‘положи’; *ат* ‘лошадь’, *ат* ‘стреляй’ и т.п. Считается, что глагольно-именная омонимия в казахском языке носит «скрытый» и «смешанный» характер. Например, в синкретичных основах *той* – *той* – *тол* – *тоқ* выявляется абсолютно омонимичная глагольно-именная основа *той* ‘насыщаться’ ‘наедаться’ и *той* ‘пир’, а также «скрытые синкретизмы» *тол* ‘наполняться’, *тоқ* ‘сытый’, ‘насыщенный’. Ярким примером смешанных синкретичных основ в современном казахском языках являются такие корневые основы, как *жой* – *жоқ*– *жон*– *жұу*– *жұл*– *жұр*–*жұт*–*жұд* – *жыт* – *жіт* – *зыт*: *жой* (*жо+й* ‘уничтожить’, ‘истребить’, ‘ликвидировать’); *жоқ* (*жо+қ* ‘отсутствующий’, ‘нуждающийся в чем-либо’); *жон* (*жо+н* ‘строгать’, ‘обстругивать’); *жұу* (*жұ+у* ‘мыть’, ‘обмывать’, ‘стирать’); *жұл* (*жұ+л* ‘выдергивать’, ‘рвать’; ‘щипать’, ‘общипывать’); *жұр* (*жұ+р/жұ+рдай* ‘гол как сокол’, ‘лишенный всего’); *жұт* (*жұ+т* ‘джут, падеж скота’, ‘глотай’); *жұд* (*жұ+д/де* ‘истощаться’); *жыт* (*жы+т* ‘убегать, удирать без оглядки’); *жіт* (*жі+т* ‘пропадать’, ‘исчезать’); *зыт* (*зы+т* ‘удирать, убежать без оглядки’) [10; 11].

Проф. С.Ж. Тажибаева выступила с докладом «Тюркские языки Казахстана: проблемы и перспективы исследования». Доклад был подготовлен совместно с И. Невской, Клаусом Шёнигом и Н.Г. Шаймердиновой в рамках международного проекта «Interaction of Turkic Languages in the Post-Soviet Kazakhstan». Этот проект реализуется профессорско-преподавательскими составами кафедры тюркологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева и Свободного университета в Берлине. Докладчиком были затронуты проблемы языковой ситуации в РК, особенности взаимодействия тюркских языков, проблемы документирования корпуса текстов исчезающих тюркских языков. И доклад, и сам проект в целом заинтересовали участников в конференции.

В постсоветском Казахстане проживают представители более 130 различных этносов и этнических групп [12]. Среди них подавляющее большинство представлено разными тюркскими этносами. Если весь тюркский мир объединяет более 40 этносов, проживающих на территории евразийского пространства, то в современном Казахстане, по данным переписи населения 2009 г., проживает 25 тюркских этносов. К сожалению, с лингвистической арены Казахстана исчез тофаларский язык [13].

Носители тюркских языков в советский период были в силу разных факторов изолированы друг от друга. Прежде всего, это касается компактно проживающих диаспор. В настоящее время они в условиях развивающегося Казахстана активно взаимодействуют друг с другом, кроме того усилились контакты с казахским языком. Это обусловлено рядом факторов:

Во-первых, за годы независимости страны казахский язык в целом состоялся в качестве государственного языка РК. Сфера его применения постепенно, но при этом неуклонно расширяется, одновременно с этим повышается и его престиж в обществе. Именно данный фактор, а также этническое и языковое родство объективно стимулируют активизацию взаимодействия между казахским языком и другими тюркскими языками Казахстана.

Во-вторых, благодаря своему успешному экономическому и социальному развитию Казахстан за последние годы реально превратился в объект пристального интереса и, в какой-то мере, подражания для целого ряда титульных этносов тюркских республик и тюркских национальных автономий в составе Российской Федерации. После создания в Астане Тюркской академии, открытия кафедры тюркологии в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева стало укрепляться взаимодействие между научной общественностью Казахстана и тюркских автономий РФ, а также тюркоязычных государств.

Наибольший интерес представляет происходящий в современном Казахстане процесс взаимодействия между близкородственными тюркскими языками. Этот процесс принципиально схож с аналогичными процессами, происходившими в тюркском мире на протяжении столетий и приведшими в итоге к формированию современных групп тюркских языков, не поддающихся однозначной, последовательной классификации ни по одному из базовых признаков, которые в разное время принимались за основу различными специалистами-тюркологами.

Международный проект «Interaction of Turkic Languages in the Post-Soviet Kazakhstan» стартовал 01.03.2014 г. Первый этап заключается в проведении социолингвистического исследования. С этой целью была составлена анкета, включающие следующие разделы:

- самоидентификация, этническая и национальная принадлежность по паспорту;
- определение национальности в межнациональных браках;
- история семьи (история миграции семьи);
- языковая компетентность, использование языков в различных ситуациях;
- поддержка государством языков тюркских этносов (преподавание в школе, средства массовой информации и др.);
- образование и др..

Анкетирование проводилось силами студентов специальности «Тюркология, турецкая филология» Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева по всем регионам Казахстана. Результаты социолингвистического исследования обрабатываются и синхронизируются в базе данных, доступной для широкой аудитории в Интернет-ресурсах.

Второй этап исследования будет посвящен документированию тюркских языков Казахстана, находящихся на грани исчезновения (язык караимов, крымчаков, шорский язык), выявлению вариантов турецкого языка. Согласно переписи населения 2009 г. в РК проживают 97.015 турков [14]. При проведении интервью, а также заполнении анкет представители турецкого этноса самоидентифицируют себя как «ахыска», «хемшиллы», «лазы». Их предки были депортированы в Казахстан в 1944 г. В их речи были отмечены некоторые отклонения от литературного турецкого языка, которые, несомненно, требуют проведения специального лингвистического анализа по всем уровням языка [15], доку-

ментирования и создания корпуса текстов уникальных вариантов турецкого языка.

В заключение, возвращаясь к тематике конференции, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что научное творчество Анны Владимировны Дыбо хорошо известно всем, кто занимается проблемами алтаистики и тюркологии в СНГ и за рубежом: она автор многочисленных трудов по грамматике, лексикологии, этимологии, исторической грамматике. Ею опубликовано более 130 научных работ (на русском, английском, французском, немецком, турецком языках), в том числе 11 монографий и словарей. Труды А.В. Дыбо, представленные ниже, входят в список обязательной литературы для студентов, магистрантов, PhD докторантов, осваивающих образовательные программы по специальности «Тюркология» в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан).

Наиболее значимые работы А.В. Дыбо

1. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Астана, 2013. – 620 с.
2. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. – М.: Вост. лит., 2007.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка / Отв.ред. Тенишев Э.Р., Дыбо А.В. – М., Наука, 2006. – (Совм. с Благовой Г.Ф., Кормушиным И.В., Мудраком О.А., Мусаевым К.М., Насиловым Д.М., Норманской Ю.В., Тадиновой Р.А., Тенишевым Э.Р., Эмба З.Н.).
4. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на Л, М, Н, П, С. – М., Вост. лит., 2003. – (Совм. с Г.Ф. Благовой, Л.С.Левитской, Д.М. Насиловым). (<http://www.altaiica.ru>).
5. Etymological dictionary of the Altaic languages. –Leiden: Brill, 2003 (3 тома). – (Совм. с С.А.Старостиным, О.А. Мудраком). <http://starling.rinet.ru>.
6. Новое в русской этимологии. I. – М.: Институт русского языка им. Виноградова, 2003. – (Совм. с Аникиным А.Е., Пичхадзе А.А., Сабениной А.С. и др).
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв.ред. Тенишев Э.Р. – М., Наука, 2002. – (В соавторстве с Благовой Г.Ф., Груниной Э.А., Кормушиным И.В., Мудраком О.А., Мусаевым К.М., Насиловым Д.М., Тенишевым Э.Р., Чеченовым А.А.)
8. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на К. – М.: Индрик, 2000. – (Совместно с Л.С.Левитской, В.И. Рассадиным). (<http://www.altaiica.ru>).
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997 / Переизд.: – М.: Наука, 2001. – (В соавторстве с Благовой Г.Ф., Добродомовым И.Г., Кормушиным И.В., Левитской Л.С., Мудраком О.А., Мусаевым К.М., Тенишевым Э.Р.)
10. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на К–Ка. – М.: Языки русской культуры, 1997. – (Совместно с Л.С.Левитской, В.И. Рассадиным). (<http://www.altaiica.ru>).
11. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины. – М.: Гнозис. Языки русской культуры, 1996. (<http://www.altaiica.ru>).

12. В.М.Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (р – q). (По картотекам автора). – М.: Наука, 1984. – (Совместно с А.Б.Долгопольским, В.А. Дыбо). (Электронный вариант).

Литература

1. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. – М.: Вост. лит., 2007.
2. Дыбо А.В. Тюркско-тахарская контактная лексика // Аспекты алтайского языкознания. М., 2007. – С. 80—108.
3. Дыбо А.В. К вопросу о пратюрко-монгольских контактах // Turkology. - Astana: LLP «Prosper Print», 2013. – 656 с.
4. Дыбо А.В. Морфонологический анализ и внутренняя реконструкция: к истории башкирского языка // Вестник Евразийского национального университета им.Л.Гумилева. Серия международные отношения. – № 3-4 (11–12) – 2013.
5. Дыбо А.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Астана, 2013. – 620 с.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред-ры Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006.
8. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических письменных памятников VII–IX вв. – М.; Л.: Наука, 1981.
9. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М: Наука, 1974.
10. Шаймердинова Н.Г. Репрезентация в языке древнетюркской картины мира. – Астана: Изд-во «Арман-ПВ», 2009.
11. Ибатов А.М. Морфемная структура казахского слова / Автореф. дисс.... докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1988.
12. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. –Алматы: Экономика, 2006.
13. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Языки народов Казахстана. – Астана: Изд-во «Арман-ПВ», 2007;
14. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан: Статистический сборник / Под ред. А. Смаилова. – Астана, 2010. www.stat.gov.kz
15. Тажобаева С.Ж., Козырев Т.А. Казахская латиница: pro и contra // Тілтаным-Языкознание. - №3, 2008.
16. Тажобаева С.Ж., Козырев Т.А. Statehood, Language, and Alphabet – Государственность, язык, алфавит // Central Asia and the Caucasus – Центральная Азия и Кавказ. № 4, Стокгольм, 2007.

17. *Ибрашева Ш.О.* Қазақстандағы түрік диаспорасы (этномәдени дамуы) /– Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2010

18. *Невская И.А., Тажибаева С.Ж.* Sociolinguistic situation of Turkic ethnicities in Kazakhstan. 6-th International Conference. – SDU – Almaty, 2014. Volume II. P. 219–226. www.sdu.edu.kz.

19. *Материалы полевого исследования.* – 18-26.04.2014. – Тараз, 2014.

20. *Тажибаева С.Ж., Шаймердинова Н.Г.* Тюркские языки Казахстана: современное состояние // Язык и глобализация: Сборник статей XVI международной научно-теоретической конференция. – Алматы: КазНУ, 2013.

РЕЦЕНЗИИ

ЕВРАЗИЙСТВО: ИСТОКИ, КОНЦЕПЦИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ – ПРОДУЦИРОВАНИЕ ЗНАНИЙ

У.М. Бахтикиреева, г. Москва

Резюме. Обсуждение опубликованного капитального труда «Евразийство: истоки, концепция, реальность».

Ключевые слова: евразийство, теория, концепция, новое знание, научный проект

Идеи евразийства, почерпнутые из учения Н.Я. Данилевского о циклическом развитии цивилизаций и теоретически оформленные в трудах «классических» евразийцев – представителей разных областей гуманитарного знания, доказали свою жизнеспособность. Не умозрительное, отвлеченно философское осмысление, а меж-, мульти-, метадисциплинарные подходы первых евразийцев к осмыслению объекта (особенно востребованные в науке начала третьего тысячелетия), обеспечили многолетнюю интеллектуальную жизнь теории евразийства.

Оформившись на основе конкретного культурно-исторического материала и собственно исследовательских практик евразийцев в осмыслении диалектики Востока и Запада в мировой истории и культуре, концепция евразийства на протяжении столетия продолжает оставаться в центре внимания как исследователей за рубежом, так и на постсоветском пространстве. Освобождаясь от упреков в «мифологизированности» и практической несостоятельности, в течение последних двадцати лет она приобретает свое доказательное практическое воплощение. Можно уверенно говорить о том, что теория евразийства приблизилась к нуждам современного человека и мира: евразийская модель доказывает свою состоятельность в принятии решений, содействующих более разумной организации общества, и влияет на его историю.

Заметим, что накопленный до выхода упомянутой книги на протяжении столетия материал по евразийской проблематике достаточно обширен. И казалось бы, постсоветский научный дискурс (как основной корпус текстов, относящихся к сфере знания «Евразийство») создан. Однако это, на самом деле, далеко не так. Об этом свидетельствует и этот основательный научный проект, дополнивший и расширивший исследовательское поле теории евразийства.

Книга «Евразийство: истоки, концепция, реальность» [Евразийство 2014] является результатом вдумчивого осмысления собственно евразийской истории, ее измерений: от зарождения и развития представлений о евразийской

общности в традиционных обществах Старого Света (Глава I), становления и развития классического евразийства (Глава II), исторического опыта взаимодействия тюркского и славянского миров до современных взаимоотношений России и Казахстана – государств-локомотивов евразийских интеграционных процессов (Глава III), и практических реализаций евразийских идей Н.А. Назарбаева (Глава IV).

Поскольку широта анализируемых вопросов, несомненно, заинтересует большое количество специалистов и новых исследователей, мы намеренно привлекаем их внимание к частным взаимодополнительным аспектам теории евразийства. Речь идет об исследовательском маршруте авторов данного научного проекта, который следует после четырех глав:

- Хронология развития евразийской мысли.
- Глоссарий.
- История развития евразийской мысли. Хрестоматия
- Международные отношения на евразийском пространстве. Хрестоматия

Как мы полагаем, обобщение этих аспектов в увязке с основными главами, будет способствовать снятию некоторых методологических затруднений, возникающих у исследователей в связи с недостаточностью информации, а также повышению эффективности научных исследований.

От социальных дебатов современных интеллектуалов до споров обиденных мыслителей о том, которые этносы и суперэтносы в формировании истории Евразии более прогрессивны и важнее, чье лидерство априори бесспорное и «кто где бы был, если бы ...», концепция евразийства обретает свое историческое лицо. Историки и лингвисты, литературоведы и философы, этнографы и психологи, публицисты и общественные деятели, «природные» мыслители, граждане – все заинтересованные люди – могут прирасти новой информацией для дальнейших собственных умозаключений. Для автора настоящей публикации – филолога (преимущественно лингвиста), особую ценность представляет онтология языковых факторов в геополитическом и социокультурном мире Евразии. Основываясь на тезисе о том, что языковые факторы наравне с географическими и другими являют собой подсистемы по отношению к системе государственной, считаем, что эти факторы играли одну из ведущих ролей в формировании филогенеза евразийцев и последовательном пере-структурировании евразийской территории.

Для формирования мировоззренческих установок нового поколения лингвистов (этно-, психо-, социолингвистов) и философов, социологов и политологов, экономистов и управленцев ценность представляют знания не только о характерных особенностях внутренней политики Золотой Орды (актуальных для нашей действительности) – «регионализм и культурная автономия (сохранение традиционных религий, языка, письменности)»; о народах «девяти языков» и более; преподавании уйгуро-монгольского и квадратного алфавитов; школах переводчиков, функционировании Императорской академии литературы и истории (1236 г.), медицинской (1261 г.), исторической (1271 г.), астрологической (1292 г.) академий и мн. др. Особая ценность заключена в знаниях о вкладе евразийцев в историческую реабилитацию монгольского и тюркского влияния на Россию, о влиянии тюрко-монгольского элемента «на различных уровнях: от преемственности элементов государственного устройства Монгольской империи в Московском царстве до влияния номадической культуры на русский менталитет», толерантности как важнейшей ценности евразийства, комплементарности народов на евразийском континенте. Эти знания способствуют более глубокому пониманию современных животрепещущих вопросов, связанных с влиянием

языка и культуры русского народа на филогенез сопряженных с ним народов и культур. Они дают, в частности, ответы на вопросы, кроющиеся в стенах представителей различных этносов по поводу вторичной роли этнических языков.

Лингвисту очевидно, что факты, приведенные в рассматриваемой книге, суть необходимые звенья для создания более полной картины исторического языкознания, социолингвистики, теории языковых контактов, би- и полилингвизма и в целом – частного и общего языкознания и других наук. Смены культурных типов на евразийской территории и связанные с ними процессы (в том числе языковые: использование юридической терминологии ордынского государства во время и после монгольского периода, оформление грамот на русском и татарском языках и мн. др.) – важные темы для специальных и / или альтернативных курсов в вузах. Направленный на формирование единого образовательного пространства путь отнюдь «для наших стран не исчерпан».

Не будет преувеличением, если скажем, что выход этой книги констатирует факт состоявшегося продуцирования знаний на евразийской территории – факт создания собственного, а не «заемного» дискурса о нас самих. Наука пополнилась новым паттерном знания, без которого как дальнейшие исследования евразийства, так и прогнозирование будущего сценария жизни становится невозможным. Мир европоцентристски настроенных оппонентов вынужден признать практическую реализацию сформулированной в начале XX в. евразийской идеи, ставшей реальностью в XXI в. благодаря прежде всего усилиям президента Казахстана Н.А. Назарбаева.

В качестве актуального продолжения можно расценивать и появившиеся отклики на эту книгу. Теория евразийства продолжает наращивать свой императив. Вместе с осознанием невозможности уместить в одной книге все грани любой серьезной проблемы, мы солидаризируемся с мнением о важности апеллирования к неклассическим евразийским концепциям, включая при определении исторических параметров теории евразийства известные идеи Исмаила Гаспринского [см.: Ульченко 2014]. Полагаем, что они существенны и плодотворны уже в силу своей контекстуальной обусловленности.

Контекстуально обусловленной является и концепция русского ученого Г.П. Мельникова, посвятившего свои лингвистические работы системной типологии языков. Кстати отметим, труды Г.П. Мельникова, по тюркологии, явно перевешивают работы, посвященные другим языкам. В одной из самых последних своих статей Г.П. Мельников писал: «<...> в ареале контактов “всадников” с “пахарями” Восточной Европы складываются условия, благоприятные не для слияния, а именно для *независимого* существования и развития духовной культуры тюрков и славян, несмотря на их тесные материально-хозяйственные и административные взаимодействия, что, в частности, <...> проявилось и в характере лексики, заимствованной славянами из тюркских языков. Мудрый политик Александр Невский предпочел терпеть материальную зависимость Северной Руси от ордынских ханов, лишь бы уберечь её от духовной экспансии со стороны католической Европы» [Мельников 2011].

Мультидисциплинарный подход первых евразийцев позволяет преодолевать узконаправленные координаты одной отдельно взятой дисциплины. Как видим, научный труд «Евразийство: истоки, концепция, реальность» – это продолжение начатого сто лет назад первыми евразийцами и пройденного нынешними евразийцами двадцатилетнего маршрута реальной интеграции после драматиче

ских перипетий начала 90-х годов XX в., маршрута, у которого, несомненно, тоже будет продолжение в трудах и действиях нового поколения. Заметим к тому же, что для постсоветской действительности в силу многих причин, связанных с недавним прошлым и относящихся к переживаемому нами настоящему, данное научное издание имеет особую ценность и отнюдь не только в плане «чистой науки» — не нуждающийся в дополнительных разъяснениях факт.

И нам остается только приветствовать выход в свет книги «Евразийство: истоки, концепция, реальность», приуроченный к 20-летию выступления Н.А. Назарбаева в МГУ имени М.В. Ломоносова 29 марта 1994 г.

Литература

Евразийство 2014 – Евразийство: истоки, концепция, реальность. К 20-летию выступления Н.А. Назарбаева в МГУ имени М.В. Ломоносова 29 марта 1994 г. / Под ред. проф. Мейера М.С., проф. Михайлова В.А., проф. Сыздыковой Ж.С. – М.: «Паблис», 2014. – 744 с.

Мельников 2011 – *Мельников Г.П.* Где центр глубинной евразийской культуры? (Идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков) // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семантика. Семиотика. – №1, 2011. – С. 6–13.

Ульченко 2014 – *Ульченко Н.Ю.* Истоки и развитие евразийства. Тюрко-славянский синтез: от Византии до РФ // Независимая (газета). – №122 (6169). 19 июня 2014 г.

Uldanai M. Bakhtikireeva. Eurasianism: origins, concept, reality **– the production of knowledge**

Summary. Review on the book «Eurasianism: origins, concept, reality».

Key words: Eurasianism, theory, concept, new knowledge, scientific project

PERSONALIA

ИГОРЬ ВАЛЕНТИНОВИЧ КОРМУШИН
(К 75-летию ученого)

В 2014 г. доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, председатель Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН Игорь Валентинович Кормушин отметил свой семидесятипятилетний юбилей. И.В. Кормушин известен как крупный специалист в области тюркологии, тунгусо-маньчжуроведения, алтаистики, сравнительно-исторического языкознания, он автор 200 опубликованных научных трудов, в том числе около 20 монографий.

И.В. Кормушин родился 25 января 1939 г. в Ленинграде, в семье студентов: отец, Кормушин Валентин Иванович, учился в Кораблестроительном институте, мать, Галина Владимировна, сначала училась на филфаке ЛГУ (французское отделение), а затем перевелась на искусствоведческое отделение Института живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств. Во время войны Игорь Валентинович жил с матерью в эвакуации на Дальнем Востоке – в гг. Спасске и Владивостоке. После войны вернулся в Ленинград, где в 1956 г. окончил среднюю школу. Год работал на заводе учеником слесаря, слесарем-сборщиком, такелажником, одновременно занимаясь на подготовительных курсах в ЛГУ. В 1957 г. он поступил на Отделение тюркской филологии Восточного факультета, которое закончил в 1962 г. с квалификацией востоковед-филолог. На востфаке слушал лекции и занимался у тюркологов А.Н. Кононова, С.Н. Иванова, А.П. Векилова, В.С. Гарбузовой, Н.И. Шамиловой, А.Д. Новичева, иранистов и арабистов И.П. Петрушевского, А.Т. Тагирджанова, Л.З. Писаревского. Во время учебы в течение года стажировался в Софийском университете им. Климента Охридского: занятия турецким языком у преподавателя Хюсейна Махмудова и в Национальной библиотеке им. Василя Коларова по османской дипломатике у проф. Бориса Недкова.

Научная деятельность Игоря Валентиновича связана Институтом языкознания АН, в котором он работает с 1965 г. (до 1976 г. в Ленинградском отделении ИЯ, а с 1976 г. в Москве, в Отделе урало-алтайских языков). В ЛО ИЯ прошел аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию «Категория каузатива в алтайских языках» (Л., 1968).

В орбиту его исследований входят современные и древние языки тюркской, тунгусо-маньчжурской и монгольской семей. В 60-е – 70-е гг. им проведено изучение и записи в полевых условиях языков малочисленных народов Дальнего Востока – удэгейцев и орочей, основные материалы этих записей вошли в фундаментальный «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (Т. I–II. Л., 1975–1977), а также вышли отдельной книгой «Удыхейский (удэгейский) язык: Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь» (М.: Наука, 1998. – 320 с.).

В тюркологии основные интересы Игоря Валентиновича – младописьменные и малоизученные языки Сибири: тувинский, хакасский, шорский, алтайский и их древние памятники. Пройдя школу в коллективе и будучи одним из авторов-составителей знаменитого «Древнетюркского словаря» (Л., 1969), И.В. Кормушин много сил отдает изучению древнетюркских рунических орхон-енисейских памятников. Здесь им сформулированы и впервые введены в науку основные понятия рунической палеографии (1975), поставлены и решены вопросы хронологизации недатированных памятников, разработаны приемы текстологического анализа наиболее трудных для истолкования древнехакасских и древнетувинских надписей бассейна Енисея IX–XI вв. Почти двадцатилетний труд в музейных хранилищах Сибири и в полевых условиях увенчался двумя книгами под общим заголовком «Тюркские енисейские эпиграфы» – «Тексты и исследования» (М.: Наука, 1997. – 304 с.) и «Грамматика и текстология» (М.: Наука, 2008. – 342 с.), обозначившими самое значительное со времен С.Е. Малова продвижение в прочтении и толковании енисейских надписей. В последние годы Кормушин И.В. все большее внимание уделяет орхонским памятникам, подготавливая новое русское академическое издание древнетюркских рунических памятников VIII–IX вв. с территории Монголии.

Среди трудов Игоря Валентиновича в области сравнительно-исторического языкознания следует назвать монографии по алтаистике – «Каузативные формы глагола в алтайских языках» (Л., 1978) и «Система времен глагола в алтайских языках» (М., 1984). Им также разработана и защищена в качестве докторской диссертации оригинальная теория тюркского праязыка, сформулированы приемы и принципы его анализа на древнейших этапах развития («Проблемы реконструкции пратюркского глагола: темпоральная система, ее истоки и преобразования», 1991).

В течение последних двадцати лет он принимал участие в авторском коллективе многотомного труда: «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» – «Морфология (М., 1988), «Лексика» (М., 1997), «Региональные реконструкции» (М., 2002), «Пратюркский язык-основа. Картина мира глазами пратюрка» (М., 2006). Другим многолетним трудом И.В. Кормушина является работа над первым российским изданием перевода словаря тюркских языков Махмуда Кашгарского «Дивану лугат ат-турк», начатая еще акад. А.Н. Кононовым (первый том опубликован в серии «Письменные памятники Востока» в издательстве «Восточная литература» в 2010 г., заканчивается подготовка к печати второго тома и ведется работа над третьим, заключительным томом).

И.В. Кормушин активно пропагандирует достижения отечественного языкознания: им опубликовано 15 статей в Лингвистическом энциклопедическом словаре (М., 1990), 13 статей в Энциклопедии Республики Хакасия (Т. 1–2, Абакан, 2007–2008) и уже до десятка статей в продолжающемся издании Большого Российского энциклопедического словаря.

И.В. Кормушин успешно сочетает исследовательскую работу с педагогической, разрабатывает и читает вузовские курсы по истории и сравнительной грамматике тувинского, хакасского, якутского и др. языков. Под его руководством защищены 10 кандидатских диссертаций – узбекскому (1), монгольскому (1), хакасскому (3), тувинскому (5), 2 магистерские диссертации по турецкому языку. Им разработан ряд учебных программ по тюркологии, в 2004 г. издан учебник для вузов «Древние тюркские языки».

И.В. Кормушин ведет активную научно-организационную деятельность. Свыше 20 лет он является ученым секретарем, заместителем председателя, а в сентябре 2007 г. утвержден председателем Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН.

Неоценим вклад Игоря Валентиновича в дело возрождения и становления современного Российского комитета тюркологов, здесь он стремится продолжать традиции советской тюркологической школы, и в частности, журнала «Российская тюркология» – органа РКТ.

Он является членом ряда диссертационных советов, членом редколлегии ряда отечественных Ученого совета ИЯ РАН.

Вклад И.В. Кормушина в развитие тюркологии получил признание широкой научной общественности: он – вместе с Э.Р. Тенишевым, К.М. Мусаевым и другими тюркологами Института языкознания РАН – лауреат Премии Абдель Азиза Сауд Аль-Бабтина (Кувейт, 1997); в 2000 г. он избран в Турции почетным членом Турецкого лингвистического общества; в 2003 г. за заслуги в области образования ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»; в 2010 г. он удостоен звания «Заслуженный деятель науки Республики Тыва».

Глубокая эрудиция в разных областях востоковедения, широта научных интересов, владение смежными отраслями алатистики, умение работать как в области сравнительно-исторических исследований, так и с современными живыми языками разных языковых групп, опыт лексиколога, интерес к этнолингвистике – всё это характеризует Игоря Валентиновича как достойного продолжателя деятельности его ленинградских учителей, заветы которых находят отражение в его разноплановых научных трудах и научно-организационной деятельности.

Друзья, коллеги и ученики поздравляют юбиляра и желают ему от всей души дальнейших успехов в осуществлении творческих замыслов, доброго здоровья, счастья и радости.

*А.В. Дыбо,
Д.М. Насилов*

ХАТИП ЮСУПОВИЧ МИННЕГУЛОВ**(к 75-летию ученого)**

Известный литературовед, тюрколог, доктор филологических наук, профессор, литературный критик, педагог, автор учебников и хрестоматий для средней школы, пособий для вузов и общественный деятель Хатип Юсупович Миннегулов родился 12 мая 1939 г. в деревне Сармаш по Ирне (Апач) Заинского района Республики Татарстан в многодетной семье. Отец (1909 г. рождения) погиб на фронте Великой Отечественной войне в 1944 г. Мать Гайнелхяат (1912–1999) одна воспитывала детей.

Начальное образование будущий ученый получил в родной деревне, далее учился в соседней Федоровской семилетней школе. Один год проработал в колхозе. В 1954–1957 гг. – ученик Старо-Кашировской средней школы Сармановского района РТ. Затем трудился на заводе в Ленинабадской области (г. Табошар) Таджикистана, после был зав. клубом в родной деревне. В 1959–1964 гг. – студент историко-филологического факультета Казанского госуниверситета (КГУ, ныне К(П)ФУ). В 1962–1963 уч. году работал учителем в Кутеевской средней школе Белинского района Пензенской области. С 1964 по 1966 гг. занимал должность директора Чукмарлинской средней школы Сармановского района. Далее в течение полутора лет был заведующим кабинетом партпросвещения Сармановского РК КПСС.

С ноября 1967 г. по настоящее время работает преподавателем (доцентом, с 1992 г. – профессором) на кафедре истории татарской литературы КГУ. В 1984–1989 гг. – зам. декана филфака, в 1999–2009 гг. – зав. кафедрой истории татарской литературы факультета татарской филологии и истории КГУ.

Как отмечает сам Хатип Юсупович в своих воспоминаниях, в науку он пришел довольно-таки поздно. Приняв приглашение ученых Х. Усманова и Н. Юзиева, с 1967 г. он становится ассистентом на кафедре татарской литературы. В 1972 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Переводы и оригинальные произведения Саифа Сарай» под руководством проф. Х. Усманова. Продолжив изыскания своего наставника, Х. Ю. Миннегулов навсегда связал свою исследовательскую деятельность с тюрко-татарской литературой Средневековья и изучением ее взаимосвязей с классикой мусульманского Востока. Так, в 1988 г. увидела свет его книга «Обрамленные повести в восточных и татарской литературах», объектом анализа которой стали такие известные памятники литературы, как «1001 ночь», «1001 день», «1001 утро», «Калила и Димна», «Тутинаме» и другие так называемые «обрамленные повести». Эта работа была по достоинству оценена в научном сообществе и предвозвестила о том, что на небосводе татарского литературоведения зажглась новая яркая звезда.

Область исследований определила и тему докторской диссертации – «Татарская литература и восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики)», которую Х.Ю. Миннегулов защитил в 1991 г.. Положительные отзывы на это исследование поступили как от официальных оппонентов, так и от ряда ведущих ученых бывших братских республик: С.Г. Исакова (Тартуский университет, Эстония), К.А. Талыбзаде (Институт литературы им. Низами АН Азербайджана), С. Вахидова (Таджикский университет им. В.И. Ленина). Монография, написанная на основе докторской диссертации и изданная в 1993 г., также получила высокую оценку со стороны научной общественности. Так, акад. М.А. Усманов назвал данный труд началом «нового прочтения» литературы дооктябрьского периода. В статье «Достойный вклад в развитие науки» акад. М.Х. Хасанов определил ее как «капитальный концептуальный труд, созданный с энциклопедической широтой». За эту исследовательскую работу в 1995 г. Х.Ю. Миннегулову было присвоено звание «Лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники».

Помимо анализа рукописных, печатных, архивных материалов на различных языках и раскрытия художественно-эстетического мира таких авторов средневековой тюрко-татарской литературы, как Юсуф Баласагуни, Ахмед Ясави, Кутб, Махмуд Булгари, Хисам Кятиб, Саиф Сарай, Мухаммедьяр, Таджеддин Ялчыгол, Мавля Колый и других, Х.Ю. Миннегулов параллельно ведет изыскания по творчеству и разносторонней деятельности писателей и просветителей XIX в.: Габдельджаббара Кандалий, Шамсуддина Заки, Мифтахутдина Акмуллы, Мусы Акъегетзаде, Загира Бигиева, Ризаэддина Фахруддина, Каюма Насыири, Шигабутдина Марджани, Фатиха Карими, Салихзьяна Кукляшева и других. У ученого есть публикации об Аль-Маари, Низами, Саади, Дж. Руми, Атгаре, Ахмеди, Мактумкули и о других классиках Востока. Все это позволило ему проследить проблему преемственности традиций и новаторства в тюркских и некоторых восточных литературах. Также ученый разработал систему жанров и литературных форм Средневековья. Эти термины и понятия позднее войдут в словари литературоведческих терминов, Татарскую энциклопедию.

Не остается в стороне от взора ученого и «золотая эпоха» татарской литературы. Х.Ю. Миннегулов внес значимый вклад в изучение и пропаганду творчества классика татарской поэзии Г. Тукая. Монография «Гаяз Исхакийның мөһажирлектәге ижаты» (2004) посвящена исследованию литературно-публицистической деятельности в эмиграции видного татарского писателя и общественного деятеля Гаяза Исхаки (1878–1954). Кроме того, у него есть публикации о Г. Ибрагимове, Дердменде, С. Рамиеве, Ш. Бабице, М. Гафури и других известных мастерах пера начала XX столетия.

Особо стоит отметить исследования ученого в области изучения творчества татарских писателей-эмигрантов Х. Габдуша, С. Гиффат, М. Исмагили, Х. Хамидуллы). Он является автором аналитических публикаций о журналах «Kazan», «Яңа милли юл» («Новый национальный путь»), «Азат Ватан» («Свободная Родина»), «Яңа япун мөхбире» («Новый японский вестник»), изданных за рубежом. Неоднократно литературовед обращается и к творчеству Т. Шевченко, М. Ауэзова, Ч. Айтматова. Среди татарских писателей XX в. его внимание привлекает М. Джалиль, К. Наджми, А. Гилязов, Р. Гаташ, А. Рашитов, Ф. Байрамова, К. Булатова и другие.

Одновременно с решением научно-теоретических вопросов и применением их на практике, Х.Ю. Миннегулов занимается кропотливой работой по текстологической обработке литературно-художественных памятников прошлого. Расшифровал,

снабдив научными комментариями, словарем и предисловием, он издал произведения многих авторов Средневековья – Саифа Сарай, Кутба, Таджеддина Ялчыгола, а также татарских писателей зарубежья.

Х.Ю. Миннегулов принимал активное участие в качестве автора и одного из руководителей в создании 33-томной истории, антологии и энциклопедии тюркоязычных литератур, изданных на турецком языке в Анкаре. Множество его статей об истории, теории и методике преподавания литературы, о принципах периодизации истории литератур, о состоянии современного литературоведения, о вопросах взаимосвязи религии и литературы, истории, этногенезу татар и т.д. не раз получали положительный отклик и являлись основой для новых изысканий.

Ученый активно участвует в работе различных научных конференций, форумов и симпозиумов, конгрессов в Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Анкаре, Стамбуле, Киеве, Хельсинки, Алма-Ате, Астане, Ташкенте, Туркестане, Тампере, Уфе, Екатеринбургe, Ашхабаде, Краснодаре, Тюмени, Ярославле, Ижевске, Набережных Челнах, Елабуге и в некоторых других городах. Частое участие на всевозможных научных мероприятиях тюркского мира позволяет ему делать выводы о татаро-турецких, татаро-казахских, татаро-узбекских, татаро-персидских и других литературных взаимосвязях. Именно поэтому, сегодня он является «Почетным профессором Международного Казахско-Турецкого университета имени Х.А. Ясави» (г. Туркестан), членом редколлегий журналов «Казан утлары» («Огни Казани»), «Билге» (Турция), «Туркология» (Казахстан).

Учебники по татарской литературе для IX–X классов, написанные Х.Ю. Миннегуловым и в соавторстве, не раз переиздавались. Структура, содержание и методика подачи материала в учебниках отличается строгой лаконичностью и логикой.

Создав свое направление, свою научную школу, Х.Ю. Миннегулов успешно руководит научной работой студентов, аспирантов, соискателей, участвует в оппонировании диссертаций, рецензировании, редактировании научных трудов. Под его руководством написано более десятка кандидатских диссертаций. Следует подчеркнуть, что их тематика не ограничивается лишь литературой Древности и Средневековья. Хатип Юсупович стремится восполнить пробелы в области изучения советской литературы, обратить взор молодых исследователей на тенденции развития современной литературы. Таким образом, не ограничиваясь лишь отдельными периодами в истории татарской литературы, ученый делает достойный шаг вперед на пути создания целостной картины татарской литературы в плане научной изученности.

Немаловажное значение в деятельности профессора Х.Ю. Миннегулова играет членство в Союзе писателей Республики Татарстан. Это позволяет ему напрямую следить за литературно-творческим процессом, вникать в духовный мир мастеров пера. Будучи и литературным критиком, ученый имеет свое четкое представление о развитии литературы в будущем, о гранях дозволенного и запретного в области решения спорных и каверзных вопросов в истории татарской литературы.

Хатип Юсупович и сегодня принимает активное участие в научно-общественной жизни татарского народа. В настоящее время он является членом специализированного совета по защите докторских диссертаций при КГУ, членом главной научно-редакционной коллегии и главным редактором отдела литературы Средневековья и XIX столетия «Татарской энциклопедии», членом президиума Ассоциации тюркологов мира, членом ученого совета Национального музея РТ и др. В 1994 г. он стал заслуженным деятелем науки РТ, а в 2005 г. – заслуженным деятелем науки РФ.

В 1996 г. был избран членом (академиком) Академии гуманитарных наук РФ. Ученый был признан «Международным человеком года» (Кембридж, 1998), в 2009 г. ему было присвоено звание «Заслуженного профессора Казанского университета». За труды по исследованию татарской диаспоры Ближнего и Дальнего зарубежья в 1998 г. ему была присуждена Международная премия имени Кул Гали. В 2005 г. за книгу «Гаяз Исхакийның мөһажирлектәге ижаты» («Творчество Гаяза Исхаки в эмиграции», 2004) Х.Ю. Миннегулов был удостоен премии Союза писателей Татарстана им. Г. Исхаки. Х.Ю. Миннегулов является председателем «Общества Тукая». За изыскания в области литературной критики в 2014 г. стал обладателем литературной премии им. Дж. Валиди Союза писателей Татарстана.

В марте 2014 г. практически одновременно увидели свет еще две книги ученого. Первая из них называется «Тюркское словесное искусство» и освещает развитие тюркских литератур вплоть до начала XXI в. Обзорный труд явился ответом на просьбу Тюркской академии (г. Астана) написать о тюркском словесном искусстве для Международного альманаха. Наверное, выбор на Х.Ю. Миннегулова пал не случайно. В итоге перед нами раскрывается многовековая словесная культура тюркских народов, которая представлена на мировой арене литературы именами Юсуфа Баласагуни, Ясави, Кул Гали, Юнуса Эмре, Навои, Махтумкули, Абая, Тукая, Джалиля, Мухтара Ауэзова, Чингиза Айтматова, Орхана Памука и др.

Труд «Этапы развития тюрко-татарской, античной и русской литератур» (Казань, 2014) состоит из двух частей: монографии и исследований последних лет в виде статей, докладов, тезисов и т.д. Название книги, прежде всего, соотносится с первой ее частью. Приступая к рассмотрению этапов развития литератур, Х.Ю. Миннегулов останавливается на принципах их периодизации. Автор книги уделяет внимание развитию тюрко-татарской литературы (до XX в.), античной в связи с ее влиянием на тюрко-татарскую словесность и русской литературы в типологическом соотношении с татарской (до XX в.). Такая постановка вопроса позволяет не только рассмотреть значимые периоды в истории развития мирового литературного процесса, но и показать место тюрко-татарской литературы на этом фоне. Тем самым автор работы говорит и о вкладе тюркских народов в общемировой литературный процесс.

Об авторе более 1000 публикаций на татарском, русском, турецком, английском, казахском, туркменском и на других языках, в том числе 42 книг (из них – 14 монографий, более 20 учебников и учебно-методических пособий), на сегодняшний день написано более 200 статей, книг на различных языках. И это лишь малая часть той благодарности, которую заслуживает ученый. Наряду с неутомимой деятельностью на научном поприще, Хатип Юсупович является просто прекрасным человеком: добрым, отзывчивым, всегда с улыбкой на лице. Он может разрядить обстановку, так как смотрит на жизнь с оптимизмом и юмором; в то же самое время для него характерна требовательность, принципиальность, строгость, аккуратность. Ученого считают мудрым наставником его коллеги. Он является «своим» человеком и среди студентов. Подобное восприятие личности ученого не только устанавливает тесную связь между поколениями, но и благоприятно влияет на дальнейшее развитие татарской науки.

Л.Ш. Бадертдинова

ТАЛГАТ НАБИЕВИЧ ГАЛИУЛЛИН

(К 75-летию ученого)

Талгат Набиевич Галиуллин, доктор филологических наук, профессор, член-корр. АН РТ – известный специалист в области теории и истории татарской поэзии, истории татарской литературы XX века, автор более двухсот научных и научно-методических работ, в том числе двадцати книг и монографий. Его научные труды («Дыхание времени», 1979; «Поэты и поэзия», 1985; «Ступени поэзии, 2002 и др.) существенно обогатили представления об истории татарской литературы XX в., стали методологической основой изучения поэзии XX в. вообще и отдельных этапов ее эволюции, в частности.

Основное направление научно-исследовательской деятельности Т.Н. Галиуллина – монографическое изучение поэтического наследия ведущих художников слова XX в. Им выработана концепция изучения творчества таких поэтов как Х.Туфан, С.Хаким, А.Файзи, Г.Афзал, Р.Харис, Р.Файзуллин и др. Галиуллин Т.Н. стал первым экспертом-критиком и научным интерпретатором творчества многих поэтов (М.Аглямов, Зульфат, Р.Зайдулла и др.) второй половины XX века.

Докторская диссертация Т.Н. Галиуллина (1981) по-новому оценивает эволюцию национальной поэзии 1917–1941 гг. В ней обосновано, что гуманистические традиции дооктябрьского периода были на новом идейно-эстетическом уровне продолжены и развиты талантливыми поэтами советского времени Х. Такташ, А. Файзи, Х. Туфан и др. Раскрывается связь между поэтическими эпохами, внутренняя идейно-эстетическая перекличка исканий художников слова, определяется характер преемственности традиций в татарской поэзии.

Результатом его научных поисков являются монографии «Здравствуй, поэзия» (М., 1987), «Родники творчества» (1988), «Древо жизни» (1991) и др., которые помимо активного использования в исследовательской практике широко применяются в учебном процессе ВУЗов, гимназий, школ. В них, наряду с системным и сравнительно-сопоставительным изучением поэзии XX в., широко освещается история татарской литературы в целом и во взаимовлияниях с народным творчеством, с песенной стихией.

В последние годы Т.Н.Галиуллин ведет перспективное в методологическом и методическом отношении направление, связанное с переосмыслением истории татарской поэзии после 1917 г., которое позволило ввести в научный оборот не-

заслуженно забытые имена и произведения, ликвидировать «белые пятна», избавиться от классово-конъюнктурного подхода к искусству слова и рассматривать поэзию XX в. как единый процесс. Его монографиям «Личности рождает эпоха» (2003), «Ступени поэзии» (2002) присуща новизна источниковой базы, стремление к научной объективности, новому прочтению художественного наследия.

Т.Н. Галиуллин родился 22 июля 1938 г. С 1965 г. он работает в вузовской системе, имеет большой опыт по подготовке научно-педагогических кадров для нужд республики. В 1971–1986 гг. он работал ректором Елабужского государственного педагогического института, где в полной мере проявились его организаторские способности. Руководимый им институт превратился в учебное заведение первой категории с девятью факультетами и новыми учебно-вспомогательными корпусами.

В 1986 г. Т.Н. Галиуллин был переведен из Елабуги в Казань профессором кафедры литературы Казанского государственного педагогического института, а в 1988 г. он возглавил вновь созданный факультет татарской филологии, истории и восточных языков и кафедру методики преподавания татарского языка и литературы Казанского государственного университета (до 2012 г.). За истекший период им было уделено серьезное внимание подготовке кадров высокой квалификации: под его руководством защищено 19 кандидатских и 2 докторские диссертации.

Преподавательская деятельность Т.Н. Галиуллина, наравне с чтением курсов лекций по истории татарской поэзии, сопровождается разработкой новых курсов по актуальным проблемам современной татарской литературы, анализа литературного произведения.

Под руководством Т.Н. Галиуллина, а также с его активным участием составлен ряд учебно-методических пособий: по современной татарской поэзии; по творчеству М.Джалиля и др. Кроме того, под его редакцией или с его обработкой опубликовано более 20 книг других исследователей.

В качестве академика РГАН (1995), член-корр. Академии наук республики Татарстан (1999) он активно участвует в крупных научных проектах по линии АН РТ: в написании Татарской энциклопедии, энциклопедии Тукая и др. Ученый систематически выступает с докладами во многих региональных, всесоюзных и международных научных конференциях и симпозиумах (Германия, Москва и др.)

Он является председателем с первого дня функционирования (1999) совета Д 212.081.12 по защите докторских диссертаций по тюркским языкам и литературам народов РФ при КГУ, где защищены 35 докторских и более 150 кандидатских диссертаций.

Благодаря инициативе Т.Н. Галиуллина при факультете открыта и более 10 лет успешно работает секция «Языки и литературы народов РФ» Совета филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию.

Т.Н. Галиуллин активно занимается творчеством как прозаик и литературный критик. Он член Союза писателей России и Республики Татарстан, редколлегии журналов «Казан утлары», «Татарстан», автор трех романов, десятки рассказов, повестей. Ученый всегда уделяет должное внимание критическим и публицистическим выступлениям на страницах периодической печати, является автором ряда книг по литературной критике («Завоевываемые новые высоты, 1972;

«Преемственность», 1988; «Костер жизни», 1991 и др.). Проводит значительную работу по публикации на родном языке научно-популярных статей по истории татарской культуры, адресованных молодым читателям, является соавтором ряда учебников по татарской литературе для средней школы и средних учебных заведений.

Т.Н. Галиуллин награжден орденами «Знак Почета» (1976), «Дружба» (1999), нагрудными знаками «Отличник народного просвещения» (1998), «Почетный работник высшего профессионального образования России» (1998). В 1993 г. за большие заслуги в научно-педагогической деятельности ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстана». Награжден медалью «В память 1000-летию Казани» (2005), Лауреат премий им. Г. Исхаки (1997) и Кул Гали (1998).

Ф.С. Сайфулина

ФЕРИТС ЮСУПОВИЧ ЮСУПОВ**(К 75-летию ученого)**

Имя Феритса Юсуповича Юсупова, доктора филологических наук, профессора, ведущего многогранную научную деятельность в разных отраслях татарского языкознания, этнографии, народного образования, педагогики и методики, хорошо известно не только ученым, работающим в области тюркского языкознания, но и тысячам учителей, школьников и их родителей. Он является автором более четырехсот научных трудов, многочисленных программ и учебных пособий для детских садов и средних школ. По составленным им школьным учебникам получают знания около полмиллиона учеников в татарских и русских школах в Татарстане и в разных областях России.

Феритс Юсупович Юсупов родился 15 мая 1939 г. в деревне с богатой историей Большие Кургузи (в письменных памятниках и официальных записях Олы Карагужа – Большие Кургузи), расположенной на границе Зеленодольского и Высокогорского районов РТ – в регионе Заказанья. Его отец, живущий в памяти односельчан как один из самых авторитетных людей, героически погиб на войне. Мама одна воспитала и вырастила маленьких детей. Несмотря на то, что маленький Феритс вырос без отца, ему передалось отцовское воспитание и душевное тепло со стороны двух дедушек – деда Шакира и деда Камали. Он с детства интересовался историей родной деревни, языковыми особенностями, присущими этому региону, этнографией. Закончив Большую Кургузинскую среднюю школу, Феритс в 1956–1961 гг. учился на историко-филологическом факультете Казанского государственного университета. Будучи студентом второго курса, Ф.Ю. Юсупов под руководством известного тюрколога Диляры Гарифовны Тумашевой участвовал в научной экспедиции по изучению языка сибирских татар. Спустя 30 лет, став уже известным ученым, он сам еще раз прошел этот путь и был удивлен тому, что уже в первых экспедициях подробно и правильно записал языковые особенности жителей татарских деревень, расположенных на берегах р. Иртыш. В будущем эти материалы будут служить достоверными источниками в его научных трудах.

В 1972 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Татарские говоры Южного Урала и Зауралья», затем и докторскую на тему «Татарский глагол в ареальном освещении». Он внес большой вклад в составление диалектологиче-

ского атласа татарского языка. Этот важный труд, который остаётся в истории, он создавал вместе с другими учёными диалектологами. Был руководителем экспедиций, организованных в Башкортостане, Марий Эл, Удмуртии, в Рязанской, Свердловской, Челябинской областях. Работал в архивах Москвы, Оренбурга, Уфы, Челябинска. Занимался обработкой и нанесением на карту собранного языкового материала. Изучение татарской речи новыми методами на довольно больших просторах Зауралья и Южного Урала, помогает Ф.Ю. Юсупову точно определить место до сих пор не известных научной общественности нугайбекского, эченского, сафакульского говоров в системе татарских диалектов. Эти говоры формировались под сильным воздействием соседних языков и в условиях изоляции на географической территории, оторванной от массовой татарской речи. Ученый, опираясь на архивные материалы, раскрывает исторические этапы формирования изучаемых диалектов татарского языка, которые занимают ныне высокий самостоятельный статус.

В 1977 г. была напечатана работа Ф.Ю. Юсупова «Преподавание фонетики у условиях местного говора» о распространенных в разных диалектах и говорах вариантах фонем татарского языка, об их отличиях от литературного языка, о правильном усвоении татарской орфоэпии. Там содержится широкая информация об артикуляции звуков в татарском литературном языке, показываются их варианты в говорах.

Большим достижением в татарской диалектологии стали известные труды Ф.Ю. Юсупова «Неличные формы глаголов в диалектах татарского языка» (1985 г.), «Изучение татарского глагола» (1985 г.), «Морфология татарского диалектного языка, категории глагола» (2004 г.), в которых представлено комплексное описание всех глагольных форм в татарских говорах.

Научную деятельность Ф.Ю. Юсупов начал в 1962 г. как научный сотрудник в институте языка, литературы, истории им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР. В 1984–1996 гг. он работал директором Татарстанского филиала Института национальных проблем образования Российского Министерства образования. В эти годы впервые под руководством проф. Ф.И. Юсупова были созданы программы и хрестоматии под названием «Гөлбакча» («Цветочный сад») и «Балалар бакчасы» («Детский сад») для русских и татарских детских садов, «Татарский букварь (Элифба)» для русскоязычных детей, обучающихся в I–IV классах русских школ, учебники татарского языка и методические пособия, словари, фонохрестоматии и т.д. для татарских детей, говорящих на русском языке. Эти труды имели большое значение для обучения родному языку занимающихся в русских школах детей татар, а также русскоязычных детей татарскому языку.

Под руководством Ф.Ю. Юсупова вышли самые первые учебники татарского языка для русскоязычных детей. Среди них «Татарский язык для 2 класса» (1993 г.; – в соавторстве с З.А. Казыхановой и Р. Мухияровой). Особенно достойны внимания учебники для русскоязычных детей (1998), написанные вместе с В.З. Гарифуллиным. Эти учебники оказались наиболее востребованными. В это же время ученый выпускает «Татарско-русский, русско-татарский лексический минимум».

В 2001 г. Ф.Ю. Юсупов совместно с Д.Г. Тумашевой, К.З. Зиннатуллиной, Б.М. Мифтаховым выпустил учебник «Татарский язык: для детей татар, обучающихся в 6 классе татарской средней общеобразовательной школы». В данный учебник был вложен большой труд со стороны авторов: соблюдены возрастные особенности учащихся; представлен интересный материал; сохраняется

межпредметная связь; выбранные тексты и упражнения рожают желание разговаривать и общаться на татарском языке, предлагаются занимательные рисунки.

Методические пособия, азбуки, школьные учебники, разработанные ученым, и сейчас могут быть образцом педагогической литературы. Изучив методические труды учёного, вчитавшись в его учебники татарского языка, приходишь к следующей мысли: он – учитель-мастер, методист и чуткий воспитатель.

Работая директором Института национальных школ, Ф.Ю.Юсупов вел большую общественную деятельность. Многие годы был членом редколлегии журнала «Мәгариф» («Просвещение»), являлся членом учебно-методического совета при Министерстве образования. Более 10 лет был научным руководителем семинара учителей татарского языка г. Казани. В те годы семинар превратился в важную организацию, защищающую интересы учителей, обобщающую самые положительные образцы опыта, сплавляющую в одну семью учителей татарского языка.

За добросовестный труд проф. Ф.Ю. Юсупов награждён медалью «За доблестный труд», медалью имени Д.М. Ушинского. Он «Отличник просвещения России», был делегатом Всероссийского съезда учителей. Ф.Ю. Юсупов избран член-корр. Турецкого лингвистического общества (2000). Недавно в Турции был напечатан его труд по татарской диалектологии, который был удостоен высокой оценки на международном симпозиуме, посвященном изучению состояния культурных связей между Турцией и Татарстаном.

Учёный избран членом ассоциации изучения Востока, был членом совета по защите кандидатских и докторских диссертаций КГУ, ИНПО, Дагестанского педагогического университета.

В последние годы учёный, снова возвращаясь к устному народному творчеству, истории, языку сафакульских татар, подготовил объемную монографию «Сафакульские татары, история, язык народное творчество» (2006, 607 с.).

Профессор Ф.Ю. Юсупов и сейчас в активном творческом и научном поиске, читает студентам Казанского Федерального университета лекции по татарскому языку, диалектологии и исламоведению.

*М.М. Шакурова,
Р.Мирхаев*

ЮЛАЙ ВАЛИЕВИЧ ПСЯНЧИН**(К 50-летию ученого)**

В 2013 г. исполнилось 50 лет башкирскому ученому-языковеду, доктору филологических наук, профессору Юлаю Валиевичу Псянчину. Он известен в Республике Башкортостан и за ее пределами не только как ученый-языковед, но и как лингвометодист, педагог и организатор науки.

Юлай Валиевич Псянчин родился 9 октября 1963 г. в г. Уфа в семье известного башкирского ученого-языковеда, тюрколога и педагога Вали Шагалиевича Псянчина (1930–2013). После окончания средней башкирской школы № 20 г. Уфы в 1980 г. поступил на филологический факультет Башкирского государственного университета, получив в 1985 г. специальность «Филолог. Преподаватель башкирского языка и литературы, русского языка и литературы».

В 1985–1988 гг. обучался в очной аспирантуре Института истории, языка и литературы БНЦ УО АН СССР по специальности 10.02.06 «тюркские языки». В апреле 1990 г. в г. Баку Ю.В. Псянчин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка» (науч. рук. – д.ф.н. Н.Х. Максютова). В 1989–1998 гг. работал ассистентом, старшим преподавателем, доцентом кафедры башкирского языка Башкирского государственного педагогического института. В 1997 г. стажировался в Институте языкознания РАН (г. Москва).

В 1998–2000 гг. проходил подготовку в целевой докторантуре при Отделе урало-алтайских языков Института языкознания РАН. В 2000 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка» (науч. консультант – чл.-корр. РАН, почетный академик АН РБ Э.Р. Тенишев). В 2001–2007 гг. работал доцентом, профессором кафедры башкирского языка ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы». В октябре 2009 г. утвержден в ученом звании профессора.

В 2007–2013 гг. работал на кафедре психолого-педагогического и гуманитарного образования Уфимского филиала ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова». Вел курсы «Башкирский язык (государственный язык РБ)», «Башкирский язык (родной язык)», «История отечественной литературы», «История цензуры», «Литература с основами литературоведения», «Основы литературоведения и анализ художественного текста». В 2007–2012 гг. являлся совместителем кафедры башкирского языка

Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой. В 2012–2013 гг. приглашался в качестве профессора-совместителя кафедры языкознания Российского исламского университета ЦДУМ России для чтения ряда курсов.

С 2.09.2013 г. профессор кафедры «Зарубежное регионоведение» факультета туризма и коммуникаций Уфимского государственного университета экономики и сервиса. Ведет курсы «Востоковедение», «Тюркские народы», «Культурно-религиозные традиции Азиатских стран», «Введение в зарубежное регионоведение», «История и современное состояние востоковедных исследований в Российской Федерации», «Зарубежная регионалистика».

Круг научных интересов Юлая Валиевича очень широк. Это и вопросы лексики, глагольной семантики, истории лингвистической науки и методики преподавания родного (башкирского) языка. Но прежде всего Юлай Валиевич известен своими работами по теории грамматической стилистики башкирского языка. Результаты его исследований изложены в работах «Стилистика словоизменяемых категорий имени существительного башкирского языка» (Уфа, 2000), «Стилистика имени существительного башкирского языка: категория падежа» (Уфа, 2007), «История изучения стилистики башкирского языка (20–70-е гг. XX в.)» (Стерлитамак, 2009), а также в коллективной монографии «Переводы Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решение» (М., 2010).

Ю. В. Псянчин – автор 3 монографий, учебников для школ, большого количества учебных пособий, методических рекомендаций, программ для школ, педагогических и гуманитарных вузов. Им опубликовано около 200 научных статей в ведущих журналах и тематических сборниках. Готовится к изданию монография «Проблемы региональной тюркологии».

Ю. В. Псянчин является соавтором школьных учебников «Родной язык: учебник для 5-го класса башкирской школы» (1991, 1995, 1999, 2003, 2007, 2011) и «Родной язык: учебник для 10-11 классов башкирской школы» (2001, 2005, 2009, 2014), которые созданы на основе теории и практики коммуникативных методов обучения языку. В них выдвигается на первый план работа над развитием речи учащихся; сами теоретические сведения выводятся на основе анализа изучаемых явлений языка на примере классических художественных, публицистических текстов и образцов башкирского устно-поэтического творчества. Эти учебники также активно используются и в сопредельных регионах Российской Федерации (Челябинская, Самарская, Оренбургская, Курганская области и Пермский край), где компактно проживают башкиры. Они успели получить высокую оценку в СМИ от учителей-практиков и ведущих специалистов-методистов языка.

Юлай Валиевич – один из авторов оригинального учебно-методического пособия «Сборник упражнений к учебнику “Родной язык: 10–11 классы”»: (Пособие для учащихся)» (2003); подготовленная им программа «Башкирский язык: 10 класс» выдержала три издания (1999, 2002, 2008). За создание учебников и учебных пособий нового поколения в 2013 г. он удостоен звания «Отличник образования Республики Башкортостан».

Он участник многих международных, всероссийских, межрегиональных конференций, симпозиумов, круглых столов.

Под руководством Ю. В. Псянчина подготовлено 3 кандидата наук, которые успешно трудятся в системе высшего и среднего профессионального образования РБ и РФ.

Ю. В. Псянчин – член Ученого совета Уфимского филиала ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова» (2008–2013), член редколлегии спецвыпуска «Регионы России» федерального научного журнала «Вопросы филологии» и серии «Филология» научно-теоретического журнала «Вестник ВЭГУ», включенных в список реферируемых изданий ВАК РФ.

Ю.В.Псянчин в 1995–1998 гг. занимал должность ученого секретаря Научного совета по языкознанию при Отделении гуманитарных наук АН РБ.

Юлай Валиевич является ответственным редактором и членом редколлегии более 50 учебных пособий, сборников статей и материалов конференций различного уровня. Он также активно занимается и составительской деятельностью; при его участии были изданы: сборник статей «Э. Р. Тенишев. Избранные труды» в трех книгах (Уфа, 2006. 1–2 т.; 2011. 3 т.), «Биобиблиография Н. Х. Максютковой» (2008).

С 2003 г. Ю.В. Псянчин – чл.-корр. РАЕН по Отделению «Российская энциклопедия». С 2004 г. он является членом Совета координаторов Общества востоковедов России и членом Общества востоковедов России.

При активном участии Юлая Валиевича на базе Уфимского филиала ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова» в 2008–2013гг. были проведены III, IV, V, VI, VII Открытые республиканские олимпиады по родным языкам и истории и культуре Башкортостана.

За добросовестную работу и общественную деятельность Ю.В. Псянчин награжден почетными грамотами Исполкома Международного союза общественных организаций «Всемирный Курултай башкир» (2013), Союза писателей РБ (2013), Башкирского народного центра «Урал» (2013).

*Ф.Г. Хисамитдинова
И.Г. Галяутдинов;*

ХРОНИКА

**ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ НАСИЛОВ
НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ «ЛИЯКАТ»**

Вице-президент Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН и главный редактор журнала «Российская тюркология», профессор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета Дмитрий Михайлович Насилов, известный своими исследованиями по истории тюркских литературных языков, награжден за «выдающийся вклад в области “Тюркология”» орденом Турецкой Республики «Лиякат» («Заслуга»).

Орден «Заслуга», вручаемый иностранцам за заслуги по популяризации и прославлению Турецкой Республики на международной арене в сфере «науки и искусства», присуждается президентом Турецкой Республики по инициативе Министерства иностранных дел и Высшего Совета имени Ататюрка по культуре, языку и истории Турецкой Республики, по предложению соответствующего министра и с одобрения Премьер-министра Турецкой Республики. Созданная веками традиция присуждения медалей и орденов, имевшая место в недрах турецкой государственности и закрепившаяся во времена Османской империи, продолжает существовать и ныне в Турецкой Республике.

В предыдущие годы орденом Турецкой Республики «Заслуга» «за вклад в тюркологию» были награждены Эдхам Рахимович Тенишев (Россия), Джеффри Льюис (Великобритания), Жан-Поль Ру (Франция), Геза Давид (Венгрия), Омелян Прицак (Украина), Бюбийну Орузбаева (Кыргызстан), Камиль Вели Нериманоглу (Азербайджан).

На последней церемонии, организованной 20 октября 2008 г., в день открытия VI Международного конгресса исследователей турецкого языка, президентом Турецкой Республики Абдуллах Гюлем были награждены орденом «Заслуга» за «вклад в изучении турецкого языка» Виктор Гузев из России, Андреас Рона-Таш из Венгрии, Роберт Данков и Вальтер Дж. Эндрюс из США, Ларс Йохансон из Швеции.

Примерно шесть лет спустя, на церемонии, состоявшейся 11 июня 2014 года в Президентском дворце Турецкой Республики, четырнадцать иностранных ученых были представлены президентом Абдуллах Гюлем к ордену «Заслуга» – высшей награде, присваиваемой представителям науки и искусства. Среди тюркологов, награжденных в этом году орденом «Заслуга» стали Дмитрий Михайлович Насилов из России, Георг Хазаи из Венгрии, М. Киль из Нидерландов, Клаудия Ремер из Австрии, Абудурехити Якуфу из Китая, Эвангелиа Балта из Греции.

На торжественной церемонии, прошедшей с участием свыше 500 почетных гостей, орден «Заслуга» на лацкан Дмитрия Михайловича Насилова закрепил лично Президент Турции Абдуллах Гюль. На церемонии присутствовали спикер Верховного парламента Республики Турции, Вице-премьер-министр, министры, депутаты, послы, писатели, главы учреждений науки и искусства, журналисты, представители преподавательского состава и руководители тюркологических отделений различных турецких университетов.

Вот что сказал Президент Абдуллах Гюль о Насилове в своем выступлении на церемонии: «Наш дорогой друг, Дмитрий Михайлович Насилов, в течении 56 лет профессиональной жизни своими работами и публикациями внес вклад в тюркологию, а прекрасными воспитанниками оказал нам уникальную услугу. Я поздравляю Вас и желаю Вам дальнейших успехов в Вашей научной деятельности». Речь президента Абдуллах Гюля на церемонии, выразившая не только чувства коллег из Турции, но и всего тюркологического сообщества, была поддержана бурными аплодисментами.

По завершении церемонии награждения Дмитрий Михайлович Насилов был встречен со стороны своих турецких коллег, принимавших участие в этом событии, горячими поздравлениями.

Дмитрий Михайлович Насилов, занимающий известное место в тюркологическом мире благодаря своим весьма оригинальным, компетентным и ценным научным трудам «по вопросам исторических периодов развития тюркского языка», вместе с тем завоевал уважение всего научного мира своим в высшей степени скромным, уважительным, предупредительным отношением к людям.

Мы сердечно поздравляем доктора наук, профессора Дмитрия Михайловича Насилова с награждением его орденом Турецкой Республики «Заслуга» и желаем ему крепкого здоровья, благополучия, счастья и дальнейших успехов в его плодотворной научной деятельности на протяжении многих и многих лет.

*Профессор, доктор наук
Шюкрю Халюк Акалын, заведующий кафедрой Турецкого языка и
литературы университета Хаджеттене (Анкара, Турция)*

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ФИЛОЛОГИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ**

В Московском педагогическом государственном университете 18 апреля 2014 г. прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы филологии народов Поволжья», которая собрала ученых, преподавателей вузов и учителей школ Урало-Поволжского региона для обсуждения вопросов, связанных с развитием национальных культур, языков и литератур этого региона.

По традиции открыла конференцию проректор по учебно-методической работе МПГУ, зав. кафедрой русской литературы и журналистики XX–XXI вв. проф. Л.А. Трубина, которая рассказала о том внимании, которое уделяет МПГУ развитию национальных языков и литератур. В университете занимается татарская группа, где студенты могут получить высшее образование по специальности «татарская филология», а также работает диссертационный совет по специальности «Литература народов Поволжья». Студентам читаются курсы «Литература народов России», «Литература ближнего зарубежья» и др.

Зам. декана факультета Е.Г.Чернышева осветила проблемы, связанные с расширением татарского отделения, так как в 2014 г. на специальность «татарская филология» предполагается набор студентов из числа крымских татар, в связи с присоединением Крыма к России.

Об этнокультурной ситуации в Москве, развитии татарского языка и культуры и роли Постоянного Представительства Республики Татарстан в этом процессе, о взаимодействии Полномочного Представительства РТ и МПГУ по набору и обучению студентов татарской группы рассказала Н.Р. Акмаева.

О планах по выпуску учебников и учебных пособий для национальных школ РФ информировала зав. редакцией литературы для национальной школы и мигрантов издательства «Просвещение». И.В. Корнута (Москва). Редактор отдела издания литературы для национальных школ Л.М. Саматова ознакомила собравшихся с новым комплектом учебников «Литература народов России» для начальной школы, вошедших в УМК «Диалог» для поликультурной школы.

На конференции обсуждались животрепещущие вопросы о современном состоянии национальных языков и литератур народов Поволжья, которые вызвали большой интерес у учёных, приехавших из регионов. На конференции прозвучали доклады из Москвы, Республики Татарстан, Башкортостана, Удмуртии, Мордовии, Тюмени, Перми. Особое внимание привлекло выступление молодых учёных, аспирантов и студентов МПГУ и вузов Татарстана.

На конференции работали две секции «Современные проблемы изучения и методики преподавания языков народов Поволжья» и «Литература, фольклор и история народов Поволжья».

Тематика докладов секции «Современные проблемы изучения и методики преподавания языков народов Поволжья» охватывала широкий круг вопросов теоретической и прикладной тюркологии.

Проблемы текстологии, анализа и интерпретации памятников являются традиционными для данной конференции. Об этом свидетельствуют доклады Насилова Д.М., Добродомова И.Г., Гайнутдиновой Г.Р. и других участников конференции. В частности, Д.М. Насилов подчеркнул, что тюркское языкознание располагает поистине неисчислимыми рукописными источниками, которые можно использовать для изучения истории тюркских литературных и народно-разговорных языков. К сожалению, в практике лингвистических исследований письменного наследия и его этнокультурного анализа пока используется весьма ограниченный круг источников.

Из выступлений, посвященных методике преподавания языков народов Поволжья, внимание участников привлекло выступление Юсуповой З.Ф. и Сафиуллиной А.Ш. «Культуроведческий аспект изучения имен прилагательных в школе», в котором рассматривалась специфика обучения русскому языку и русской культуре в аспекте диалога культур.

Обсуждались также вопросы применения на занятиях современных компьютерных технологий в изучении языков и литератур народов Поволжья, а также элементов дистанционного образования – инновационный подход в методике преподавания родного языка и литературы.

Участники познакомились с весьма важными исследованиями в области тюркологии, языкознания, литературоведения. Все участники имели благоприятные условия для обмена научными идеями и материалами.

Участники секций высказали новые и оригинальные соображения относительно языковых явлений на уровне морфологии, фонологии, лексики, синтаксиса, диалектологии языков народов Поволжья.

Тон в работе секции «Литература, фольклор и история народов Поволжья» задали выступления Галимуллина Ф.Г. (Казань) «Г. Ибрагимов в контексте тюркских литератур (к 90-летию издания романа «Дочь степи»)» и Родионова В.Г. (Чебоксары) «О своеобразии чувашской этноцентричной прозы 1920-х годов».

Аристова М.А. (Москва) рассказала о культуроведческом подходе в методике анализа произведений русской литературы в школах с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения.

Одним из важных направлений в работе секции стали выступления Галимуллиной А.Ф. и М.Небольсиной (Казань) о русскоязычной литературе Республики Татарстан, развитие которой в настоящее время столкнулось с определенными проблемами, связанными с маргинальной их позицией в литературном процессе РТ.

Отметим широкий временной охват проблем литературного развития в докладах секции. Например, доклад Якимова Е.Р. из Чебоксар был обращен к древнему периоду развития поволжских культур и был посвящен художественному отображению эпохи Волжской Булгарии в драматургии Поволжья. Предметом рассмотрения стал и период, охватывающий конец XIX и весь XX век. В этом контексте рассматривалась роль классиков (Г.Тукая и Г.Ибрагимова) и маститых писателей (М.Карима) в развитии национальных литератур, основные пути и причины проникновения восточных мотивов в чувашскую литературу (Софронова И.В., Чебоксары).

Целый ряд докладов был посвящен актуальным вопросам современного национального литературоведения, взаимосвязям, взаимодействию национальных литератур как необходимому условию их развития. Это доклады Владимировой О.Г. (Чебоксары), Каторовой А.М. (Саранск), Юзмухаметовой Л.Н. (Казань).

Подводя итоги конференции, ее участники наметили актуальные проблемы развития языков и литератур народов Поволжья, которые предполагают обсудить в следующем году. Участники конференции отметили плодотворность таких встреч и необходимость сотрудничества для совместного решения проблем преподавания родных языков и литератур народов Поволжья.

Участники конференции выразили уверенность в том, что проведение ежегодных конференций «Проблемы филологии народов Поволжья» в МПГУ служит дальнейшему сотрудничеству учёных Российской Федерации и укреплению международных научных связей.

*Р.З. Хайруллин,
Л.Г. Латфуллина*

НАШИ АВТОРЫ

Акалын Шюкрю Халюк, докт. наук, проф., заведующий кафедрой Турецкого языка и литературы университета Хаджеттепе (Анкара, Турция)

Бахтикиреева Улданай Максutowна, докт. филол. наук, проф., кафедра русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; e-mail.: uldanai@mail.ru

Бекбергенова Зияда Утеповна, канд. филол. наук, ст. научн. сотр., Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (г. Нукус), ф-т филологии, кафедра истории литературы и фольклора; e-mail: ziyada.bekbergenova@inbox.ru

Бурнакова Клара Николаевна, докт. филол. наук, проф., Институт иностранных языков ГБОУ ВПО МГПУ (Москва)

Добродомов Игорь Георгиевич, докт. филол. наук, проф., Московский государственный педагогический университет

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., ИЯз РАН, председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН РАН; e-mail.: igorkormushin@yandex.ru

Кляшторный Сергей Григорьевич, канд. ист. наук, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

Красиков Максим Витальевич, бакалавр (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова); e-mail: maaksim@gmail.com

Кызласов Игорь Леонидович, докт. истор. наук, проф., гл. научн. сотр., Институт археологии РАН, г. Москва; e-mail : kyzlasovil@mail.ru

Латфуллина Л.Г., канд. филол. наук, доцент, Московский гос. педагогический университет; e-mail.: filfac@mpgu.edu

Николаева М.В., канд. филол. наук, доц., МГЛУ

Нурмухаммедов Аманмухаммет, канд. филол. наук, зав. фонетической лабораторией Института языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменистана

Оганова Елена Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова; e-mail: OVA8@yandex.ru

Сыздыкова Ж.С., докт. истор. наук, проф., зав. кафедрой истории стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ

Тажибаева С.Ж., проф., ЕНУ им. Л.Н.Гумилева (Астана, РК); e-mail: tazhibaeva_szh@enu.kz

Хайруллин Руслан З., докт. пед. наук, проф., РАО

Читчи Селяхаттин, докт. наук, доцент, Евразийский институт Стамбульского университета (Стамбул, Турция); e-mail.: selahattincitci@gmail.com

Шаймердинова Н.Г., проф., ЕНУ им. Л.Н.Гумилева (Астана, РК); e-mail: nurila1607@mail.ru; shamerdinova_ng@enu.kz

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Кормушин И.В.</i> (Москва). О грамматических приемах в стихах «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни в сравнении со стихами в «Диване» Кашгари (статья первая)	3
<i>Кляшторный С.Г.</i> (С.-Петербург). Первый памятник из Тувы (Е-49)	7
<i>Бурнакова К.Н.</i> (Москва). О ритмомелодическом исследовании конструкций вопросительно-побудительных предложений (на материале хакасского языка)	13
<i>Нурмухамедов А.</i> (Ашхабад). Губная гармония гласных в огузской группе тюркских языков	23

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

<i>Читчи Селяхаттин</i> (Стамбул). Проект модернизации в турецком романе: Празднование именин	29
<i>Красиков М.В., Оганова Е.А.</i> (Москва). Сатирическое творчество Музаффера Изгю: поэтика сюжета	35
<i>Бекбергенова З.У.</i> (Нукус). Стилиевые искания писателей Центральной Азии: В контексте романа А. Нурпеисова «Половодье» и Т. Каипбергенова «Зеница ока»	46
<i>Кызласов И.Л.</i> (Москва). Религиозная природа енисейской письменности. II	52
<i>Сыздыкова Ж.С.</i> (Москва). Евразийская интеграция: от идеи к реальности	62

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Добродомов И.Г.</i> (Москва). <i>Булава</i> : из истории бродячих слов ...	71
<i>Николаева М.В.</i> (Москва). Одиночество гения: Поэтическое эссе – Творческий портрет Фызыла Хюсню Дагдарджа глазами Топфика Меликли	76
<i>Шаймердинова Н.Г., Тажибаева С.Ж.</i> (Астана). Урало-алтайские исследования в контексте юбилейной конференции А.В. Дыбо	79

РЕЦЕНЗИИ

<i>Бахтикиреева У.М.</i> (Москва). Евразийство: истоки, концепция, реальность – продуцирование знаний	87
---	----

PERSONALIA

Игорь Валентинович Кормушин.....	91
Хатип Юсупович Миннегулов	94
Талгат Набиевич Галиуллин	98
Феритс Юсупович Юсупов	101
Юлай Валиевич Псянчин	104

ХРОНИКА

<i>Акалын Ш.Х.</i> Дмитрий Михайлович Насилов награжден орденом Турецкой Республики «Лиякат»	107
<i>Хайруллин Р.З., Латфуллина Л.Г.</i> Проблемы и перспективы развития филологии народов Поволжья	109
Наши авторы	112
СОДЕРЖАНИЕ	113
Как подписаться на ж-л «Российская тюркология»	116

CONTENTS

Structure and history of Language

<i>Kormushin Igor.</i> About grammar technique in verse «Kutadgu bilig» by Yusuf Balasaguni in comparison with the verses in «Divan» by Kashghari (Article one)	3
<i>Kljaštornyj S.</i> First Inscription from Tuva (E-49)	7
<i>Burnakova Klara N.</i> Interrogatively-imperative constructions in the rhythmomelodical study of the living language	13
<i>Nurmuhamedov A.</i> Labial harmony of vowels in the Oghuz group of the Turkic languages	23
Literary critics, folklore studies, cultural science	
<i>Selahattin Chitchi.</i> Project of modernization in the Turkish novel: Name day celebration	29
<i>Krasikov Maxim, Oganova Elena.</i> Satiric short stories of Muzaffer Izgu: Poetological features of the plot	35
<i>Bekbergenova Z.U.</i> Stylistic searches of the Central Asian writers (upon the novels «Ice Drifging» by A. Nurpeisov and «Apple of the Eye» by T. Kaipbergenov)	46
<i>Kyzlasov Igor.L.</i> Religious nature of the Yenisei inscriptions. II	52
<i>Syzdykova Jibek.</i> Euroasian integration: from idea to reality	62

Reports and surveys	
<i>Dovrodomov Igor. Bulava: To the history of ‘roaming words’</i>	71
<i>Nikolayeva Mariya. Solitude of genius: poetic essay: Creative portrait of Fazyl Husnu Daglarca viewed by Tofik Melikli</i>	76
<i>Shajmerdinova N.G., Tazhibaeva S.Z. The uralo-altay researches in the context of anniversary conference A.V. Dybo</i>	79
Reviews	
<i>Bakhtikireeva Uldanai M. Eurasianism: origins, concept, reality – the production of knowledge</i>	87
Personalia	
Igor V. Kormushin	91
Khatip Yu. Minnegulov	94
Talgat N. Galiullin	98
Fertis Yu. Yusupov	101
Yulay V. Ps’anchin	104
Scientific life	
<i>Akalın Ş.H. Dmitriy M. Nasilov has been awarded the order of the Turkish republic “Liyakat”</i>	107
<i>Khayrullin R. Z., Latfullina L.G. Philology development problems and perspectives of Volga region peoples //</i>	109
Our authors	112
Contents	113
How to subscribe	116

Издатель: ИП **И.В. Кормушин**,
от имени Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакторской группой в составе:
Выпускающий редактор *Ф.С.Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф.Хакимзянова*
Технический редактор *А.М.Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф.Свиридовой*
Дизайн обложки *Ф.Н.Латыповой*
Оригинал-макет изготовлен группой F & Di-dezign

С готового оригинал-макета подписано в печать 12.09.2014.
Формат 70x108¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 9,5.0. Печать на RISO.
Тип. зак. № 12.

Отпечатано в типографии издательства ЗАО «Фон»
Москва, Сиреневый бульвар, д. 4

Извещение

Форма № ПД-4

ИП **Кормушин Игорь Валентинович**
Москов. фил. ОАО «АИКВ «ТАТФONDBANK»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АИКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с **30101810700000000831, БИК 044583831**КПП **775043001**

Оплата журнала:

«**Российская тюркология**»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма : _____ р

Плательщик (подпись) _____

*Кассир***Квитанция**ИП **Кормушин Игорь Валентинович**
Москов. фил. ОАО «АИКВ «ТАТФONDBANK»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АИКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с **30101810700000000831, БИК 044583831**КПП **775043001**

Оплата журнала:

«**Российская тюркология**»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма _____ р

*Кассир***Оплата через отделения банка**

1. Заполните квитанцию об оплате (в год – 2 номера; один номер 600 руб. / 50 €), перечислите деньги на наш расчетный счет через Банк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Банка можно скопировать из настоящего извещения или вырезать из последних страниц журнала.

2. Информацию об оплате, почтовый адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jumalrosturkologiya@mail.ru.

3. Номера 2014 г. будут высланы одновременно, в сентябре–ноябре 2014 г., в дальнейшем, в 2015г. и далее, 2 номера два раза в год будут высылаться на указанный адрес заказной бандеролью.

Извещение об оплате подписки (направляется в редакцию)**Информация о плательщике:**_____
(Ф.И.О., точный адрес плательщика с индексом)_____
(ИНН налогоплательщика)

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Российская тюркология»

2014/15 № 1

№ 2